

№ 3

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ:

САМЕД ВУРГУН – 110

Иса ГАБИББЕЙЛИ. Вургун – лишь гость, однако, не случайный...	3
Самед ВУРГУН. <i>Стихи</i>	10
Алина ТАЛЫБОВА. <i>Стихи</i>	13
Натаван ФАИГГЫЗЫ. <i>Без паутины веков</i>	14

СЕЙРАН СЕХАВЕТ – 70

Сейран СЕХАВЕТ. <i>Ад. Рассказ</i>	19
О Сейране Сехавете говорят, что...	35

ПРОЗА

Эллада ГОРИНА. <i>Дача ветров. Рассказ</i>	44
Татьяна РУСТАМЛИ. <i>Позволь себе быть Богиней! (Окончание)</i>	81
Афаг ШИХЛЫ. <i>Когда-то была такая деревня... Рассказ</i>	102
Елена АНДРЕЕВА. <i>Варианты. Рассказы</i>	117

ПОЭЗИЯ

Солмаз СУЛЕЙМАНЛЫ. <i>Стихи</i>	40
Тамара ВЕРЕСКУНОВА. <i>Стихи</i>	72
Ирина ЗЕЙНАЛЛЫ. <i>Стихи</i>	77
Инесса ЛОВКОВА. <i>Стихи</i>	110
Наргиз ХАНДЖАНБЕКОВА. <i>Стихи</i>	115

ПУБЛИЦИСТИКА

Аида ФЕЙЗУЛЛАЕВА. Авангардизм в современной азербайджанской поэзии	57
Эльмира АЛМАСОВА. «Меня ждала жизнь...»	130

2016

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ Кямалия АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Макеуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Подписано в печать 22.02.2016г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Ранее опубликованные произведения редакцией не рассматриваются

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2016 г.

САМЕД ВУРГУН – 110

ИСА ГАБИББЕЙЛИ

**ВУРГУН – ЛИШЬ ГОСТЬ, ОДНАКО, НЕ СЛУЧАЙНЫЙ,
И ЗДЕСЬ НЕ ПОЗАБУДУТ обо мне...**

Несомненно, своей многосторонней творческой деятельностью Самед Вургун, благодаря своему таланту, заслужил право первенства. Этот великий творец смог раскрыть в стихотворениях всю романтическую палитру слов. Неслучайно поэзию Самеда Вургуня сравнивают с орлом, парящим в небе. В азербайджанской литературе он – великий создатель поэзии, сравнимой своей мощью с размахом орлиных крыльев. Написанное им в 1935 году в возрасте 29 лет знаменитое стихотворение «Азербайджан» является примером талантливой и вдохновенной поэзии. В азербайджанской поэзии, история которой насчитывает много веков, трудно подобрать какое-либо стихотворение о родине, сравнимое с вургуновским «Азербайджаном». Это манифест национальной идеи азербайджанства:

*Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издали выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход...
Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почет.*

¹ Demə Səməd Vurğun gəldi-gedərdi, / Unutmaz bu oba, bu mahal məni!
(«Ашуг Шемшир» Перевод В.Кафарова)

*Можно ль душу из сердца украсть? – Никогда!
Ты – дыханье мое, ты – мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!*

«Азербайджан»
Перевод А.Адалис

Вот как охарактеризовал большую поэзию Самед Вургун в своем докладе на II съезде советских писателей, состоявшемся в 1954 году: «После исполнения своей песни лирика должна улететь, как перелетная птица... Лирическое стихотворение... должно заставить говорить человеческую душу, должно свить гнездо в его сердце и, как птица феникс, зажечь и согреть его, ...пробуждать в человеке благородные чувства и таким образом возвышать его, делать его сильным, умным и духовно обогащенным».¹

Стихи Самеда Вургун полностью соответствуют этим высоким требованиям. Поэзия Самеда Вургун – это образец высокого искусства, отражающего самые возвышенные человеческие мысли и глубокие раздумья. Несмотря на серьезные социальные и политические трудности времени, в котором жил Самед Вургун, ему удалось в своем творчестве на самом высоком уровне продемонстрировать возможность объединения внутри общегосударственной идеологии идей народности и романтизма. Богатое творческое наследие Самеда Вургун – это поэтический дастан не только предыдущей многовековой азербайджанской истории, но и нового ее этапа. Вдохновенные стихи Самеда Вургун являются совершенными образцами современной классической азербайджанской патриотической поэзии.

Известно, что Самед Вургун планировал создание «Азербайджанской эпопеи» в литературе – впервые поэт объявил об этом в 1937 году. Из его записей можно составить представление о произведениях, которые он планировал сюда включить:

«В последнее время я написал большую эпопею под названием «Азербайджан». В ней отразилась двухвековая история моей родины и годы советской власти, принесшей ей свободу. Эпопея состоит из тридцати поэм, связанных между собой. Заканчивается она поэмой «Герой-орденоносец», посвященной борьбе азербайджанского народа за свободу... и его историческим заслугам».²

До сих пор в вургуноведении хоть и говорилось об «Азербайджанской эпопее», эти 30 поэм конкретно определены не были. По мнению литературоведа Габиба Бабаева, в тридцатых годах XX века Самед Вургун написал уже 17 из 30 заявленных поэм.³ Задача, стоящая перед азербайджанскими литературоведами – определить, систематизировать по порядку эти, написанные поэтом до 1937 года, 17 поэм. Было бы хорошо выпустить их отдельной книгой, исследовать, написать критические статьи и таким образом дать объективную и научную оценку заслугам Самеда Вургун в развитии идеи азербайджанства и его основных направлений в советский период нашей истории.

Во-первых, мы считаем, что по замыслу Самеда Вургун в «Азербайджанскую эпопею» входят все поэмы, написанные им до 1937 года и посвященные теме Азербайджана. Во-вторых, все произведения, созданные поэтом в первый период своего творчества, вне зависимости от жанра, он относил к поэмам. Мы же относили к «Азербайджанской эпопее» произведения, созданные исключительно в жанре поэмы. Самед Вургун же целый ряд своих сюжетных стихов также включил в свою «эпопею». В-третьих, всю свою жизнь Самед Вургун посвятил идее создания «Азербайджанской эпопеи». Собственно, все творчество поэта Самеда Вургун – идеальный поэтический дастан Азербайджана.

В общей сложности в «Азербайджанскую эпопею», созданную Самедом Вургуном в 30-е годы XX столетия входят следующие произведения: «Масәга» («Приключение», 1932), «Ми-

¹ Самед Вургун. Избранные произведения, 5 томов, 5-й том, Баку, изд-во «Şərq-Qərb», 2005, стр.331

² Там же. Стр.20-21

³ Габиб Бабаев. Самед Вургун. Москва, «Советский писатель», 1981, стр.68

radxan» («Мурадхан»,1933), «Xumar» («Хумар»,1933), «Lökbatan» («Локбатан»,1933), «Kənd səhəri» («Сельское утро»,1933), «Aci xətirələr» («Горькие воспоминания»,1935), «Qız qayası» («Девичья скала»,1935), «Bulaq əfsanəsi» («Легенда о роднике»,1935), «Aslan qayası» («Скала Аслана»,1935), «Talışan» («Талыстан»), «Ordenli qəhrəman» («Герой-орденоносец»,1935), «26-lar» («26»,1936), «Üsyan» («Восстание»,1936), «Komsomol rəməsi» («Комсомольская поэма»,1937), «Bəsti» («Басты»,1937), «Yazla qışın dəyişməsi» («Спор весны и зимы», 1937). По нашему мнению, кроме вышеназванных, в «Азербайджанскую эпопею» можно включить написанные поэтом в 30-х годах поэмы: «Смерть поэта» (1935г.), посвященную жизни Моллы Панаха Вагифа, «Azad ilham» («Свободное вдохновение») (1936г.), поэму-монолог «Рапорт» (1931г.), стихотворения: «Хлопкоробки» (1931г.), «Печаль Ашуга» (1932г.), «Страдания моей матери» (1933г.), «Nəsrət» («Тоска»,1934г.), «Лейла» (1935г.).

Невозможно представить «эпопею» и без стихотворения «Азербайджан», написанного в 1935 году. Это стихотворение можно отнести не только к «Азербайджанской эпопее», это – суть всего творчества Самеда Вургуну.

Кроме этого, есть еще одно стихотворение под названием «Азербайджан», написанное в 1938 году, которое также может являться частью «эпопеи», и создает оно впечатление очень значимого пролога. В этом стихотворении в поэтических образах выражены красота и сила нашей Родины. Стихотворение состоит из 22 строф, каждая из которых заканчивается рефреном «Məndədir», поэтически описывает своеобразие и богатство Азербайджанской земли. Этот рефрен подчеркивает и объединяет основную мысль, выраженную в каждой строфе: «Урожай тысячи садов твоих принадлежит мне»; «И каждое любящее сердце принадлежит мне»; «И пчела, собирающая мед, принадлежит мне»; «И кяманча, и тар земли родной принадлежит мне»; «И горящих щек гранат принадлежит мне»; «И все богатства мира принадлежат мне»; «И ледяные родники земли моей принадлежат мне»; «И счастье утреннего дня, и любимой верность, и тумана журавлиный клин, и руки мастеров, и первые стихи земли родной... принадлежат мне», то есть, все это – Азербайджан. В этом стихотворении поэт сливается со своей Родиной в единое целое. Уже в 30-е годы XX века молодой поэт Самед Вургун заслужил право говорить от имени своей Родины.

Поэмы Самеда Вургуну «Ayın əfsanəsi» («Легенда Луны»,1941), «Hörmuz və Əhriman» («Ормузд и Ахриман»,1944), «Bakının dastanı» («Дастан Баку»,1944), «Muğan» («Мугань»,1949), «Aygün» («Айгюн»,1951) должны восприниматься как произведения «Азербайджанской эпопеи» позднего периода. В этих поэмах Самед Вургун отразил общественные взгляды на различные страницы истории Азербайджана и национально-духовные ценности народа.

Мы считаем необходимым включить в этот ряд и такие произведения, как: «İyirmi bahar» («Двадцать весен»,1940г.), «Bayraqdar» («Знаменосец»,1943г.), «Ürək» («Сердце»,1943г.), «Neftin qüdrəti» («Сила нефти»,1953г.). Эти произведения, включенные в раздел «Стихи» в собрании сочинений поэта, необходимо выпустить отдельным изданием вместе с поэмами и рассматривать их как поэмы.

Самед Вургун говорил, что поставил себе целью отразить в «Азербайджанской эпопее» «основные этапы двухтысячелетней истории» родной литературы. В процессе дальнейшего творчества эти поиски углубились и осветили более глубокие пласты.

В поэме «Дастан Баку» Самед Вургун говорит о четырехтысячелетней истории.¹ В 1944 году ко времени написания этой поэмы, поэт опередил даже результаты научных исследований. В творчестве Самеда Вургуну «Дастан Баку» является вершиной лирико-эпического жанра. По кругу тем и идей, которые она охватывает, эта поэма в широком смысле слова – прекрасный поэтический дастан не только о столице страны Баку, но и обо всем Азербайджане.

Поэма «Знаменосец века» высоко оценивается литературоведческой наукой. Конечно же, это – оценка, в первую очередь, с политической и идеологической точек зрения. Вместе с тем, необходимо признать, что поэма «Знаменосец века» ярко демонстрирует бесконечную широту и глубину таланта поэта. Эта поэма создана на основании единства жизненного опыта, политических взглядов поэта и большой поэзии. В «Знаменосце века» – поэме, посвященной

¹ Самед Вургун. Избранные произведения. 5-томник, 3 том, Баку, изд-во «Şərq-Qərb», 2005, стр.213

Коммунистической партии, – был создан конкретный и совершенный образ времени. И на фоне советской идеологии была показана судьба Азербайджана на данном отрезке истории. С точки зрения советской литературы «Знаменосец века» является одним из лучших произведений, посвященных советской идеологии, а может, и первое в своем роде. В поэме показано романтическое отношение к идеям Коммунистической партии. Наряду с этим поэма обладает необыкновенной поэтичностью и свидетельствует о том, что сам Самед Вургун также является знаменосцем – знаменосцем поэзии своего времени. Если поменять рефрен «Partiyamizdir» на слова «Vətənimizdir» или «Azərbaycandır», мы получим совершенно другое произведение. В любом случае «Знаменосец века» – это литературный факт политической лирики Самеда Вургуну. Несмотря на некоторые фрагменты, отражающие идею азербайджанства, «Знаменосец века» в целом – это высокий образец сформировавшейся в советское время политико-идеологической поэзии. Эта идеология проходит лейтмотивом через всю поэму. В этом смысле, согласно идеологическим аспектам советского времени, поэма «Знаменосец века» могла бы считаться достойным завершением «Азербайджанской эпопеи». На самом же деле это произведение отражает идею Самеда Вургуну не об азербайджанстве, а его политические взгляды.

А с точки зрения идеи азербайджанства программным произведением является стихотворение «Азербайджан». И сам поэт, говоря об идейной составляющей своего творчества, подчеркивал, что в этом смысле стихотворение «Азербайджан» несет в себе программный характер: «Азербайджан» – смысл моей жизни, это моя программа. И сколько бы я ни жил и ни творил в будущем, в каждом произведении вы найдете мотивы, заложенные в маленьком стихотворении «Азербайджан».

Народный поэт Бахтияр Вагабзаде совершенно справедливо назвал стихотворение «Азербайджан» «дастаном по своей художественной силе». И в самом деле, «Азербайджан» Самеда Вургуну – эпиграф ко всей азербайджанской патриотической литературе. Это стихотворение – манифест «Азербайджанской эпопеи».

А в лирико-эпическом плане самым великим произведением можно считать «Дастан Баку». Во-первых, это первое большое художественное произведение о столице Азербайджана – Баку. Ни до Самеда Вургуну, ни после него в азербайджанской литературе не было создано ни одного художественного произведения о Баку, которое можно было бы по уровню сравнить с «Дастаном Баку». Это произведение – кульминация творчества Самеда Вургуну.

В «Дастане Баку» поэт в художественных образах отразил свои думы, размышления о Родине и рассмотрел историю Баку под разными углами зрения. В поэме поэтически было осмыслено, как «от землетрясения, всколыхнувшего Баку» (имеется в виду революция 1905 года), «затрясся город Великого Петра». Глубокая и крылатая поэзия «Дастана Баку» демонстрирует широту политических и научных взглядов Самеда Вургуну. Если бы решили изложить все озвученное в поэме не языком поэзии, а языком науки, то можно было бы получить несколько томов серьезных научных монографических исследований.

С этой точки зрения «Дастан Баку» – историко-романтическая поэма, несущая в себе научный заряд. Идти по следам «Дастана Баку» – значит не только изучить эпоху Самеда Вургуну, но и понять истоки современной истории, что важно для науки. В этой поэме, как и в других произведениях Самеда Вургуну, его взгляды и научные фантазии опередили науку.

По нашему мнению, и поэма «Мугань» дает богатый материал для понимания всей широты идеи поэта об азербайджанстве. В первую очередь эта поэма – одна из ярчайших страниц «Азербайджанской эпопеи». В этом произведении Мугань в широком смысле символизирует весь Азербайджан. Разворачивая перед читателями историю Мугани, поэт рассказал о сопротивлении жителей Азербайджана армии Помпея, а также раскрыл историческое значение правления легендарной Томрис. Поучительные уроки истории в представлении поэта диктуют необходимость развития и укрепления современной Мугани и всего Азербайджана.

Поэма «Мугань» – это романтическое представление о развитии и будущем Азербайджана, выраженное в поэтической форме. И река Кура для поэта – не географический объект, а один из символов страны. В этой поэме Самед Вургун создал совершенный художественный образ Куры в азербайджанской литературе:

*...Меж серых гор и в мареве степей,
В пустыне знойной вдаль она течет,
Но рвется, как мое, к любви своей
Неведомое сердце темных вод...*

*А зеленоголовым уткам – рай,
Касаются крылом прозрачных вод...
И снова замутится, потемнев...
Фазаны разлетаются, крича,*

*Три дуба и дымящийся костер...
Затих и поседел ваш старый друг,
Но помнит вас и любит с давних пор.
О, кто вас так влюбленно воспоеет?*

*...На карту мира трезво погляди –
Кура ничтожна. Где ее дары?
Но бурный океан в моей груди,
Когда внимаю голосу Куры!*

Перевод А.Адалис

Идея «Будущее Мугани» относится не только к Мингячевиру, но и ко всему Азербайджану. Эта поэма – яркий образец литературы, прославляющий народ Азербайджана, которому удалось свернуть русло неукротимой Куры и подчинить своей воле природу.

Как и в других произведениях поэта, в поэме «Мугань» поэтические наблюдения переплетаются с научными размышлениями. Здесь мысли, вложенные в уста ученого, раскрывают научные знания Самеда Вургун, отличающиеся философской глубиной, и чувство гордости за свою страну и народ. Тринадцатая песня поэмы посвящена истории Мугани:

*Посмотри, что за копья, щиты и трубы?
Не мни, что легенда все это...
Это быль и память предков живая.
И угасшего каждого дня, и свечи, давно уж потухшей,
И названье, и печаль их жива...
Здесь деды наши против армии Помпея стеною стали,
Средь дыма пожарищ шли дни и годы.
Ты видишь? Над могилой тень девы стоит
Со щитом, и меч блестит в ее руке.
Это амазонок отважное племя,
Весной в Мугани блестили их шатры.
Жаль, не осталось потомков их,
В прошлое канули дастаны о них.¹*

Подстр.перевод Н.Халиловой

Прозвучавшие в поэме призывы изучать историю Азербайджана актуальны и сегодня. Песни поэмы – «Триумф героя», «Мечты героя» – отражают триумф и мечты страны. Песня «Знамя героя» посвящена знамени Азербайджана, отвоеванному с большим трудом. Глава «Новый город» символизирует обновленный Азербайджан. И сейчас этот «новый» город, как и тогда, можно увидеть во всех уголках Азербайджана:

¹ Самед Вургун. Избранные произведения. 5-томник, 3 том, Баку, изд-во «Şərq-Qərb», 2005, стр.305.

*Здесь дышит широко раскинувшийся город,
Стремителен проспектов, улиц бег.
И каждый дом, свое лицо имея,
Творцов своих дар прославляет.
Пою я славу их таланту и труду.*

Подстр.перевод Н.Халиловой

Поэма «Айгюн», одна из главных страниц «Азербайджанской эпопеи» – это роман в стихах о человеке нового времени. В этом произведении, на фоне отношений Айгюн и Амирхана, поэт показал нравственный облик своих современников. События в поэме отражают духовные процессы, происходящие в Азербайджане, а Амирхан является представителем обновленной деревни, ее новым лицом. В 50-х годах XX века, в период жесткого сталинского режима, нужно было обладать смелостью, чтобы говорить об изменениях в культурно-духовной жизни. В поэме поэт с присущими ему мудростью и дальновидностью показал не реальную жизнь, а необходимые, по его мнению, изменения в семейно-бытовой жизни. В официальных кругах хорошо понимали, что по своей сути поэма «Айгюн» – это призыв к изменению не столько морального климата, сколько политической системы, и что она несет глубокое социальное содержание. Поэтому сразу после публикации поэмы Самед Вургун был подвергнут резкой критике. В периодической печати в адрес поэмы и ее автора выдвигались необоснованные обвинения. Более того, он был обвинен в отходе от принципа соцреализма, что могло иметь серьезные последствия; также его обвиняли в том, что он не сделал должных выводов из партийной критики, высказанной ранее в его адрес по поводу драмы «Человек». Самед Вургун обратился с официальным письмом к руководству Азербайджанской коммунистической партии, где объяснял смысл и значение поэмы и требовал оградить его от нападков критиков. Но разрешения на публикацию этого письма, подготовленного, как ответ критикам, дано не было. Одной из причин этого, по-видимому, было то, что поэт настаивал на своем убеждении, что долгом настоящей литературы является, помимо прочего, и отражение недостатков общества, его изъянов, отрицательных и неприглядных сторон жизни. Он хотел донести до официальных кругов власти, что «некоторые критики требуют, чтобы в художественном произведении показывались только идеальные типические герои. Если писатель или драматург показывает отрицательные стороны жизни, они подвергают его жесткой критике. Такое отношение неверно. Поступать подобным образом – значит «трусить» и грешить против правды. Не все хорошо и прекрасно у нас, есть отрицательные типажи, отжившие, вредные традиции, немало людей с лживой душой. Мы не должны бояться показывать их. От недостатков надо избавляться. Нам нужны Гоголи и Щедрины. Там, где нет критики, нет поступательного движения вперед и развития... В этом произведении «недостатки» показаны с целью их выявления и устранения».¹

Самед Вургун в этих словах не пытается что-то объяснить или оправдаться, это опровержение выдвинутых обвинений. Конечно, после таких слов представителей официальных кругов не могли удовлетворить слова автора о том, «что он хочет переработать произведение и исправить эти и другие его недостатки». Осознание нависшей над ним опасности, а также желание защитить себя, стали причиной написания поэмы «Знаменосец века».

Как уже было сказано, говоря об «Азербайджанской эпопее», Самед Вургун имел в виду только поэмы. Более того, в 1937 году, когда он заявлял об «Азербайджанской эпопее», еще не были написаны его драмы. Если мы охватим взглядом все творчество поэта, то можно включить в эту «эпопею» и его драматические произведения.

Вообще, литературная критика единогласно пришла к выводу, что «драматические произведения Самеда Вургуня являются вершиной его творчества».² Тогда драмы, созданные поэтом, можно назвать не только составной частью «Азербайджанской эпопеи», но и ее самыми яркими и драгоценными страницами. Народность и патриотизм поэта в этих произведениях достигают своего апогея. А это, в свою очередь, усиливает и довершает идею азербайджан-

¹ Самед Вургун. Избранные произведения. 5-томник, 5 том, Баку, изд-во «Şərq-Qərb», 2005, стр.306

² Павел Антокольский. Народный поэт Самед Вургун. Смотри: Самед Вургун. Избранные произведения в 2 томах (на русском языке), Москва, 1958, 1 том.стр.13

ства в творчестве Самеда Вургун.

Драма «Вагиф» – это историческая пьеса, посвященная проблеме народа и поэта-творца. На основе исторических событий XVIII века поэт показал полный драматизма путь борьбы азербайджанского народа. По справедливому мнению академика Мамеда Арифа Дадашзаде, Самед Вургун «в образе Вагифа... воплотил все лучшие человеческие качества, всю интеллектуальную и духовную красоту целого народа».¹ Вся мудрость и негибимость азербайджанского народа были обобщены в образе Моллы Панаха Вагифа. Драма «Вагиф» – это памятник непоколебимости азербайджанского народа.

В написанной на тему любви драме «Фархад и Ширин» идее Родины также уделено особое место. Образ Азербайджана в произведении – это символ Азербайджана. Основная цель сюжета драмы «Фархад и Ширин», взятого из классического произведения, – показать героизм и внушить идею самопожертвования во имя Родины.

Идея Самеда Вургун об эволюции и изменении жизни, описанная в поэме «Айгюн», впервые нашла свое отражение в 1945 году в драме «Человек». Эту драму можно назвать своего рода генеральной репетицией поэмы «Айгюн». В этом произведении Самед Вургун не ограничился тем, что показал историческую эволюцию человека, сознательно перенес действие на побережье Черного моря, он мечтал о том, чтобы все это происходило в Азербайджане, и показал события и людей, которых он хотел бы видеть в современном ему обществе. В образе Шахбаза поэт изобразил нового Человека, вобравшего в себя свет «прошлого, настоящего и будущего» и способного победить Вселенную. По мнению поэта, будущее Родины состоит из «единства разума и меча».

Народный поэт Самед Вургун завоевал себе бессмертие, став певцом своей бесконечной любви к Родине и отразив эту любовь на самом высоком художественном уровне. Начатая им «Азербайджанская эпопея» превратилась в азербайджанской литературе XX века в идейную программу азербайджанства. Народный поэт Азербайджана Самед Вургун созданными им глубокими литературными образами, своей бессмертной поэзией, великим патриотизмом, высокими идеями азербайджанства навсегда вписал свое имя в историю Азербайджана.

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ПОЭТ-Трибун, ПОЭТ-ЛИРИК

Самед Вургун известен, в первую очередь, как поэт с четко выраженной гражданской позицией - его стихи отличаются высокой гражданственностью и одухотворенным патриотизмом. В своем творчестве он воспевает, прежде всего, свою столь любимую им Родину – Азербайджан, его историю, его народ, его древнее прошлое и советское настоящее, в котором довелось жить и творить самому поэту. В годы Великой Отечественной Войны поэт посвящает многие свои стихотворения этой теме, клеймя фашизм и призывая, не жалея жизни, с ним сражаться, свято веря в победу.

Однако Самед Вургун нередко выступает в своих произведениях и как поэт-лирик. Тонкий и проникновенный лиризм, как правило, находит воплощение в его поэзии как бы в сплаве с гражданственным и патриотическим чувством, в органической связи с ощущениями и переживаниями человека, который не может оставаться в стороне ни от одного явления в жизни общества, которому чуждо равнодушное созерцание. У него есть свое четкое мнение по поводу всего, что его окружает, что происходит вокруг, и он это мнение честно и откровенно высказывает. Ему интересна жизнь во всех ее проявлениях, интересны люди, их характеры, их мечты и стремления. Эта его заинтересованность, неравнодушие четко просматриваются во всех его произведениях. И эти ощущения и настроения поэта никого не оставляют равно-

¹ Мамед Ариф. Драматургия Самеда Вургун. Баку, изд-во "Elm", 1964, стр.44

душным, они передаются читателям.

В лирических произведениях Вургун открывает себя читателю как бы с новой стороны. Он не боится говорить в своих стихах о личных переживаниях и проблемах, не боится быть искренним – впрочем, как и всякий истинный поэт. Но даже там, где поэт выступает, казалось бы, как чистый лирик, он все равно говорит о любви к родному краю и своей стране, потому что в сердце поэта он и его земля, его страна – неотделимы друг от друга.

Следует отметить, что в поздней лирике Самеда Вургун наиболее ярко отразились некоторые черты азербайджанской поэзии, поэтические веяния, свойственные азербайджанским поэтам, творившим в середине прошлого века. В развитии этих черт, этих новых веяний роль Вургуну чрезвычайно велика. В чем именно это выражалось? Дело в том, что национальная форма азербайджанской поэзии, если брать ее в целом, на протяжении веков сохраняла традиционные общевосточные особенности: она была ориентирована не столько на лирическое самовыражение, сколько на красоту и эмфатичность (приподнятость, повышенную экспрессию) самого высказывания. Каноны такого высказывания включали, как правило, особую строфику, например - взрывчатую метафоричность. Самед Вургун – поэт очень национальный, но, сохраняя национальное своеобразие, он много сделал для обновления и индивидуализации азербайджанского лирического стиха. Благодаря Вургуну, особенно его поздней лирике, в азербайджанской поэзии не в качестве чужеродного влияния, а самобытно и оригинально проявилось, так сказать, пушкинское начало, привилась общеевропейская строфика и рифмовка, была несколько ослаблена или трансформирована метафоричность и вообще всяческая чрезмерность. В стихах закрепились большая конкретность и индивидуальность самовыражения поэта.

Самеда Вургуну много и охотно переводили, и делали это лучшие поэты – его современники: Симонов, Алигер, Кафаров. Не только соревноваться, но и просто пытаться сравниться с ними, конечно же, весьма сложно. Тем не менее, интерес к стихам Вургуну – как у читателей, так и у поэтов, обращающихся к поэзии Вургуну в качестве переводчиков – по-прежнему высок. Мне сложно было решиться на попытку перевести что-то из Самеда Вургуну, потому что это – поэт не только выдающийся, но и один из любимейших народом. И потому братья за переводы из него – величайшая ответственность. И все же я попыталась это сделать. И выбрала для этой цели несколько его именно лирических стихотворений, переводы которых и предлагаю читателям.

Елизавета КАСУМОВА

Любовь

**Вновь тяжкие мысли меня беспокоят –
В альбом слова мои запиши –
Это не грех, если мы с тобою
Поговорим от души.
В альбом слова мои запиши.**

**Ночами один я на всем белом свете,
Знаю, и ты одинока тоже.
Грезы мои разметает ветер,
И это меня тревожит и гложет –
Ночами один я на всем белом свете.**

**Скажи мне, может такое статься,
Что на пройденных мной дорогах
Следа моего не останется?
Тогда в жизни смысла нет никакого –
Следа моего не останется...**

Меня тяготит, не идет из ума –
Что я каждый вечер в разных домах
С сомнительными девицами –
Пусты их, безжизненны лица...
Я каждый вечер в разных домах.

Прости, любимая, что сказал так открыто.
Не пытайся узнать все подробно
Про тех девиц низкопробных –
В жизни что-то должно быть скрыто –
Не пытайся узнать все подробно...

Голос

Голос в сердце мне сегодня нашептал,
Что умру я в молодые годы.
Он мне душу болью исклевал –
Этот голос, кличущий невзгоды.
Словно камень со скалы сорвался
И летит в меня, чтоб с жизнью я расстался.
Дрогнуло перо в моих руках...
Но молодости чужды горе, страх.
Прочь ступайте, черные мысли!
Умирать так рано бессмысленно.
Не затем меня мать родила,
У меня еще есть здесь дела:
Под знаменем поэзии родной земли
Предстоит творить мне во славу азери.

Песня весны

Солнце взошло, и все засветилось,
Мир пробудился от сна,
На горных склонах цветы раскрылись,
Поют соловьи – весна!
Снежные бури ушли, отступили,
Маки в горах зацвели,
Тучи ушли, облака окрылились,
Травы взошли из земли
И красуются, радуя нас,
И звенят ручейки – весна!

* * *

В минувшем году (напомним, он был объявлен в РФ Годом литературы) в Астрахани прошел первый Форум литератур стран и территорий Прикаспия, проходивший под девизом «Каспий – море дружбы». В работе Форума приняли участие более 40 писателей из различных регионов России – Дагестана, Калмыкии, а также прикаспийских государств – Казахстана, Туркменистана, Ирана... Азербайджан на этом Форуме представляла поэт и переводчик Алина Талыбова. Центральным местом форума стала научно-творческая конференция «Художественный перевод как средство взаимообогащения культур, укрепления и развития межнациональных отно-

шений». К Форуму было приурочено подведение итогов Первого областного конкурса переводов, в котором приняли участие более 100 авторов. Среди номинаций конкурса был и перевод с азербайджанского. Конкурсантам было предложено перевести стихотворение Самеда Вургуня «Весна и я». Пять вариантов перевода были озвучены в финале конкурса, а победителем в этой номинации стала астраханка **Ирина ЛЕВИТАН**. Историк по образованию, Ирина ЛЕВИТАН возглавляет дирекцию Астраханского отделения кафедры ЮНЕСКО по сохранению градостроительных и архитектурных памятников. Более 10 лет профессионально занимается историческим и культурным наследием прошедших эпох, является членом международного совета ИКОМОС.¹ Поэт, переводчик, член Союза писателей России, автор пяти поэтических сборников, печатается в различных альманахах, местных СМИ, выпущен авторский диск песен на ее стихи. Ее переводческую версию мы и предлагаем сегодня читателям в рамках нашей юбилейной подборки.

Весна и я

**Пришла весна, и все благоухает.
Я ей навстречу сердце распахнул,
Заговорил восторженно стихами,
И, словно птица, в небеса вспорхнул.**

**Пришла весна, и ночью мне не спится.
Уже рассвет желанный настает.
Мне новый день, как новая страница,
Принес стремленье двигаться вперед.**

**В дорогу отправляюсь ранним утром,
И первоцвет мою украсил грудь.
Привольно овцам в красках перламутра,
Благословен весною в гору путь!**

**Цветет земля – природы пробуждение,
И птицы распевают, как в раю.
А для меня нет больше наслаждения,
Чем встретить вновь весну в своем краю.**

**Здесь все вокруг – как сотворенье мира,
Преобразила заново весна.
В сиянье светоносного эфира
Цветы, как дети, носят имена.**

**Возьму за руку маленького сына,
Введу в наш сад: «Учись у муравья,
Трудись, как он, и станешь ты мужчиной,
И знай, малыш, что рядом буду я».**

**Люби природу, всех она мудрее.
Как сын родной, стремись ее понять.
Желанней будь, терпимей и добрее,
И береги природу, словно мать.**

¹ Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (International Council on Monuments and Sites – англ.) – международная организация, основанная в 1965 году, осуществляет оценку объектов, предлагаемых к включению в Список всемирного наследия ООН.

**И не расслышать нам нельзя,
Как где-то, где горит закат -
Как сад,
как дальняя гроза
Шумят поэтов голоса
Из дней позавчерашних...**

НАТАВАН ФАИГГЫЗЫ

БЕЗ ПАУТИНЫ ВЕКОВ

О музах, музее и музыке

Музей Самеда Вургуня справил 40-летний юбилей

*El bilir ki, sən mənimdən,
Yurdum, yuvam, məskənimdən,
Anam doğma vətənimdən!
Ayrılarmı könül candan?
Azərbaycan, Azərbaycan!*

Так началась юбилейная церемония – голосом общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева. Дрогнувшим его голосом, читающим эти дорогие каждому из нас вургуновские строки. «...Весь я твой... навсегда... в сыновья тебе... дан... Азербайджан...» Так вот, с узнаваемой расстановкой... Не мог он сдерживать слезы при этих словах. Да и как их сдержишь, не стихи будто – клятва...

Пришедшие в тот день на юбилейную церемонию депутаты Милли меджлиса, деятели культуры и представители общественности ознакомились с экспозицией музея. Хотя глагол «ознакомились» в данном случае вряд ли уместен – многие были здесь далеко не единожды. Есть, есть места, обладающие некоей аурностью, куда тянет на протяжении жизни вновь и вновь. Бесконечно интересно всматриваться в предметы нехитрого интерьера, позволяющие, хоть и самую чуточку, заглянуть в творческую лабораторию поэта.

Впрочем, помимо известных экспонатов были тут и новшества – постоянные посетители музея заметили их сход. Так, уже у входа внимание привлекло необычное – во всю стену – панно. Родословная. Генеалогическое древо (составитель Исмаил Умудлу), выполненное акварелью на холсте (Афаг Керимова).

Возле него невозможно было не задержаться – нешуточное дело, векиловским корням почти 600 лет! Письменная хроника начинается с 16-го столетия. Вагиф Самедоглу, покойный, мне рассказывал, что семейное древо выстроено его двоюродным дедом, генералом Ибрагим-агой Векиловым, тем самым, который создал первую военно-топографическую карту Турции – по приглашению самого... Ататюрка. Об этом, к слову, написано в книге «Vəkilöğulları». И что интересно, если говорить о «магистральной», что ли, ветви деятельности предшественников, то их три. Военная, литературная (поэзия) и дипломатическая.

Дом-музей Самеда Вургуня – азербайджанского поэта, драматурга и общественного деятеля – состоит из шести комнат. Кабинет, гостиная и спальня сохранили тот же интерьер, что и при его жизни. Смотришь и не веришь – вот стол, за которым он... А это

книжный шкаф – с любимыми изданиями. Стоишь в гостиной и «видишь» людей – завсегдаев ее. Самед, как известно, был человеком общительным, гостеприимным, любящим задушевные застолья. Кто только не бывал на них здесь! П. Антокольский, А. Фадеев, Н. Тихонов, В. Луговской, К.Симонов... Композиторы, писатели, драматурги. Здесь же висит пейзаж Саттара Бахлулзаде. А вот та этажерка была подарена семьей Абдуллы Шаига. Экспозиция музея была создана на основе богатейшего фонда, переданного супругой поэта Хавер-ханым Векиловой, которая и явилась первым директором.

...Часы, что напротив... Они больше не идут – с того самого дня и часа, когда беспощадная смерть навсегда остановила сердце Самеда. Стрелки были остановлены руками Хавер-ханым – случилось это в 1956 году, 27 мая, в половине восьмого вечера, когда поэт навсегда закрыл свои глаза...

... А на этом вот рояле играл сам Узеирбек, а позже – Кара Караев, Фикрет Амиров, Сулейман Алескеров... Рояль, пианино, а еще саз... Кто только не играл на них – вся классика Азербайджана. Да и все домочадцы: старший сын, Юсиф, великолепно играл на скрипке, Вагиф стал профессиональным пианистом и даже стажировался у самого Якова Флиера. На фортепиано играла и дочь, Айбениз-ханым, которой предстояло принять эту «эстафету священного огня», стать хранительницей музея после ухода Хавер-ханым. А потом, после нее, директором была Айгюн, дочь Айбениз, внучка Самеда Вургун, столь рано покинувшая этот мир, совсем-совсем молодой...

Хранитель музея – это всегда одержимость. А бывает, что и жизненный подвиг...

Дом-музей давно превратился в некий центр духовности, со времени открытия здесь проходило множество выставок, научных сессий, культурологических мероприятий.

Сегодня его возглавила Нушаба-ханым Векилова, супруга Вагифа Самедоглу, востоковед, доктор философии.

Открывая встречу, она отметила, что работает на этом посту всего пять месяцев, рассказала о своих предшественницах, которые не просто выполняли функции директора, а – «продолжали прошлое». Пршлое, к которому она, Нушаба-ханым, была непосредственно причастна. И именно этот ракурс, этот подход ей особенно импонирует. «Музей – это живой организм, откликающийся на вызовы времени, – подчеркнула она. – У меня много идей, много планов, мечтаю создать музей, который соответствовал бы сегодняшнему пониманию музея – как процесса».

Выступившая заместитель министра культуры и туризма Азербайджана Севдаханым Мамедалиева рассказала о капитальном ремонте, не так давно проведенном в здании в соответствии с Распоряжением Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева от 13 декабря 2011 года, о ремонтно-восстановительных и художественно-оформительных работах, осуществленных Министерством культуры и туризма Азербайджана. Севдаханым подчеркнула особенное, трепетное отношение государства к очагам культуры со стороны государства. Тенденция эта была заложена самим Гейдаром Алиевым, который, как известно, высоко ценил человека-художника, человека-творца и знал ему цену как мало кто. «Именно Гейдаром Алиевым была заложена традиция открытия домов-музеев великих личностей, по его инициативе был создан целый ряд домов-музеев – Уз. Гаджибекова, Бюльбюля, Дж.Джаббарлы, Дж. Мамедкулизаде, М.С. Ордубады в Нахчыване, М.Ф. Ахундова в Тифлисе и многие другие». В 1974 году им было принято решение об открытии Дома-музея С. Вургун. В 1975 году, 6 октября, во время проведения дней советской литературы в Азербайджане, был торжественно открыт первый мемориальный музей поэта. Рассказывая об этом, оратор отметила особую роль Хавер-ханым, спутницы жизни Самеда Вургун, которая «очень много сделала для того, чтоб мы сегодня могли тут все это видеть и чувствовать».

В наши дни музей обрел еще одну грань – «семейственность», собрав под своим крылом талантливых сыновей Самеда – Юсифа и Вагифа, ставших гордостью азербай-

джанской культуры. И это, безусловно, придало еще один необычный штрих этому пространству, неожиданный, безоговорочно опрокинув расхожую «аксиому» о том, что природа экономит ген на детях...

Исключения случаются.

Вспомнились строчки Самеда из стихотворения-посвящения – «Хавер».

*Юсифом, Вагифом любуйся,
гордись!
Пусть будет счастливее всех
Айбениз!..*

Никого нет из них – из перечисленных в этих строчках. Но они – есть. Есть в каждом уголке этого светлого дома. Наличие «уголков» Юсифа и Вагифа несомненно обеспечит всплеск интереса к музею, умножив почитателей творчества «троицы». Хотя, что там уголков – будь моя воля, отвела бы им по комнате. Недаром ведь не иначе, как «Şah əsəgi», принято называть у нас сына, который – удался. Что уж говорить, когда удались – двое сыновей...

Народный писатель Анар, поздравив собравшихся с юбилеем, заметил, что литературный музей всегда отражает свое время, в отличие от домов-музеев, где время не останавливается. Он всегда дышит, радуется, печалится. И то, что сегодня на эту встречу пришли студенты, лишь подтверждает сказанное. «За эти 40 лет два неординарных художника прошли свое становление – народный писатель Юсиф Самедоглу и народный поэт Вагиф Самедоглу», – сказал Анар, вспомнив, как именно здесь, «в этом доме Вагиф прочел ему первые три своих стихотворения»...

Удивительные гены у них, Векиловых, – продолжающиеся, что и вправду происходит нечасто. Продолжающиеся необязательно на ниве литературной. Вургун, например, сын Айгюн-ханым, несмотря на свою молодость, уже успел покорить сердца любителей классической музыки во многих странах. Он – президентский стипендиат...

Выступившая депутат Милли меджлиса, известный азербайджанский писатель и публицист Эльмира Ахундова особо остановилась на необходимости укрепления и взаимодействия с музеями других стран – речь идет именно о домах-музеях писателей и поэтов, например, шолоховском. «Должны сниматься фильмы о музее, необходимо наладить интерактивную связь, и тут на первый план выходит вопрос современной технологической оснащенности», – подчеркнула депутат. «Музей должен выйти в мир», – с этими словами она обратилась к Нушабе-ханым, заверив со своей стороны, что «непременно поможет в этом важном деле».

Выступающие отмечали, что помещение это – не просто Дом-музей Самеда Вургуна, «это очаг поэтической мысли, вдохновенного озарения». Очаг вдохновения, откуда черпают силы сегодняшние литераторы. Понимание этого чрезвычайно важно сегодня, когда участились нападки на классику.

Подумалось о том, что последнее, впрочем, понять как раз можно. В ситуации отсутствия собственного литературного дара, ну хоть какого, и присутствия претенциозно неодолимого желания запечатлеться вдохновенно в истории... Непросто это. Куда легче бросить камень в прошлое. Камнепадить – не творить...

А новшества, воплощенные и пока еще реализуемые, несомненно убеждают в том, что музей этот – «в пути». Музей в ногу со временем, без «паутины веков». Да, музей – это не только пристань «археологических изысканий». Экскурсия моя лишь подтверждала это.

Так, пройдясь по комнатам, я увидела недавно появившиеся здесь бронзовые фигуры – работы молодого талантливого скульптора Кямрана Асадова. Впечатлили полуто-

раметровые изваяния Моллы Панаха Вагифа (в честь которого Самед назвал своего «младшенького») и Шаха Гаджара – героев пьесы Самеда Вургунга «Вагиф», а еще Кирликира – любимого героя Юсифа из романа «День казни».

Конечно, все это – показатель равнодушного отношения к делу, говоря об этом, еще раз хочется отметить уже упомянутую Афаг-ханым Керимову, которая активно помогала в оформлении комнат.

Волнение, с которым выступала Нушаба-ханым, лишь это подтверждало – неравнодушие. Волнение не просто прилежного сотрудника, а нечто гораздо большее. Переживания человека ответственности, человека слова и дела. Миссии, если угодно.

Говорю об этом, потому что была свидетелем уникальных их отношений – ее и незабвенного Вагифа. В пору написания книги о нем мне довелось бывать у них, и того трепета, с которым она относилась к супругу, к его рукописям, я бы сказала больше – пиетета, я не встречала нигде больше. «Можно я скажу, Вагиф? Можно я выйду? Можно я принесу...» Умеет она создавать ту самую, нужную, обволакивающую атмосферу, где всем – хорошо, свидетелем чего я неоднократно становилась в силу обстоятельств.

Не видела, повторяюсь, такого самозабвения – одного по отношению к другому... Глядя на нее, трудно себе представить, что она прошла... Афган. Да-да, ни много, ни мало. Скажу лишь, будь она обычнее, просто не попала бы в Его плоскость, где все было – в Удивление... Да и любовь у них была – площадно-революционная...

«Не уходи», – просил он ее всякий раз, завидев, что она намерена отлучиться – чай заварить или ответить на телефонный звонок... Она реагировала на каждую его шутку так, будто ждала ее всю жизнь... Порой упреждая ее, знала, что Вагиф – это тот, кто смешит всех и всегда... И он не подводил!

Она умело разряжала обстановку, делая ее утепленно-домашней... Держала в голове ситуацию, непростую ситуацию, которую иной раз выдержать было невозможно. Выдерживала – глотая слезы и преданно служа Ему до конца. Самого, печального...

Это было совсем недавно...

Очень правильно, что доверили фамильное дело ей – человеку жаркой и надежной души, радеющей сердцем, а не по «долгу службы». Спорая в работе, с неизбывным креативом и редкой обязательностью, Нушаба-ханым, что весьма ценно, человек гуманитарный: пишет стихи, эссе, мемуары, является редактором сборников Вагифа. В данное время готовит к изданию еще неизданное...

Трепетное то отношение она перенесла и в стены музея. Стены, где живет память. Жизненно необходимая нам сегодня – духовная память. И, конечно, ее, Нушабы, память. Помню, как она рассказывала мне о первой встрече с Хавер-ханым, своей свекровью, незаурядной женщиной, музой Вургунга... А, вот же их с Самедом кольца обручальные – на одной из витрин.

Они притягивали, как магнит, витрины, – с рукописями, фотографиями членов семьи поэта, личными предметами. Домашними, вроде бы, мелочами, пусть даже пустячковыми, перестающими, однако, быть таковыми – ведь их касалась рука Мастера. Вещи, ставшие в себе ее тепло, ее Намерение... Мелочи, обретающие вечность... Вечность, превращающая их – в сокровища. Не надоедает находиться среди этого... Забывается будничность с ее не всегда радующими сюрпризами. Терапия своего рода от пошлости и мерзости, от непролазной глупости всегда сумасшедшего мира, с его непроходимыми кризисами и душевными тупиками. Жизнь без привкуса коммерческого ажиотажа и повседневной суеты. Здесь начинаешь понимать бессловесную речь вещей, вникать в их прошлое, сочувствовать их обидам...

... А потом звучала музыка – романс Севды Ибрагимовой «Bir Diyarın Eşqinə» на стихи Самеда Вургунга в исполнении Александрии Султанзаде фон Брюссельдорфф. Композитор – народная артистка Азербайджана Севда-ханым Ибрагимова поделилась воспо-

минаниями молодости, которая, можно сказать, прошла в этом доме: отец ее, народный писатель Мирза Ибрагимов и Самед были большими друзьями. Тем отраднее было видеть, как узы продолжают – она сама лично села за рояль, аккомпанируя певице. Проникновенная мелодия запала в душу с первых тактов, вновь убеждая, как нужно писать о Родине – сердцем, а не пафосом.

Впрочем, по-другому и быть не могло. Патриотизм Самеда – он ведь особенный, и – непереводаемый.

«Ayrılarımı könül candan?»

Ну как такое переведешь! Это ведь не слова – вздох... Или боль – на выдохе...

«Можно ль душу из сердца украсть»... Да простят меня переводчики, но это не стихи, как по мне, а скорее что-то из области криминальной хроники. Убиение, не иначе – мелодики стиха, его отчаянной печали... Потому что патриотизм истинный – это когда глубоко очень. И потаенно...

Хотя о чем я, не зря ведь говорят, что настоящая поэзия – она непереводаема...

... Под занавес встречи пришедших ждал еще один сюрприз – правнук великого поэта Вургун Векилов исполнил Прелюдию Сергея Рахманинова. К слову, перечисляя магистральные виды деятельности рода, чуть не забыла еще одну – музыкальную. А Рахманинов – это у них фамильное. Помню, как в разговоре с уходящим Вагифом он то и дело возвращался к великому русскому композитору. Удивительно «азербайджанские» интонации, особенно в срединной части Прелюдии, органично вписались в фактуру вечера, будто звучали в этих стенах сотню лет.

Я смотрела на юного Вургуну, вслушиваясь в вечные звуки под его уверенными пальцами, и Вагиф вспомнился вновь, Самедоглу, который на вопрос мой о вкладе, внесенном им лично в родословную и достойном продолжении рода, ответил со свойственной ему скромностью: «Попытался, так скажем. Иначе... Род – знаете, это очень ответственное. Можно утонуть в этом море, а чтобы не затонуть в нем, нужны усилия волевые, и немалые...»

Они сделали, что могли, навсегда вписав свои имена в историю азербайджанской литературы.

... А стихотворение «Азербайджан», которым начался вечер в исполнении Гейдара Алиева... Удивительно, но строки эти с некоторых пор я слышу только в его прочувствованной «интерпретации». И ни в какой другой. Думаю, что не только я.

«Азербайджан» – визитная карточка Самеда. А ведь было время, жуткое время, когда из-за него С. Вургуну вызывали в Комиссариат Внутренних Дел, по ночам вызывали, допрашивая. Вот что говорил он своему брату Мехтихану Векилову:

«... они сильно придираются к моему стихотворению «Азербайджан». Они не могут понять, что это – смысл моей жизни. Запомни, я считаю себя самым большим интернационалистом. Я всем людям, всем народам и нациям желаю счастья... Однако вместе с тем для меня самая святая земля – это азербайджанская земля, а самый родной народ – азербайджанский народ, его язык и стихи – голос совести моей, она мне – родная мать. Если из-за этого меня называют националистом, пусть называют. Придет время, история покажет правду!»

История показала...

АД Рассказ

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

Рамизу Ровшану

«Смерть, предназначенная для большей части людей, населяющих землю, называется «дешевой смертью».

- Проклятье тебе, дорогой!
- И тебе, дорогой!
- Откуда идешь?
- Из Ада!
- Куда идешь?
- В Ад!
- Да... Ты совсем не похож на обитателей этого мира.
- Почему ты так думаешь?
- Ты что, не видишь, как все смотрят на тебя?
- Ну и черт с ними... и что?! Я тоже смотрю на них.
- А ты-то что на них смотришь?
- Слушай, что ты, как Инкир-Минкир,¹ мне допрос устроил, а?!
- Что ты кричишь, я просто спросил... слушай, ты в самом деле пришел из Ада?
- Да!
- А откуда ты родом?
- Из Ада!
- Да нет, из какой части Ада?
- Слушай, ты что придуряешься, с чего ты взял, что Ад делится на части?!
- Опять ты кричишь, я просто спросил...
- Так когда не кричу, у меня глаза на лоб не лезут...
- Надо же... Послушай, с какой это радости ты появился в наших краях? И потом, как ты сюда добрался? Путь-то долгий!
- Во-первых, дорога от Ада сюда занимает всего пять минут – вы ближайшая для нас страна и единственная в мире, которая граничит с нами... Опять я понервничал... а что ты еще спросил?
- Говорю, с какой радости в наших краях...
- Прибыл как государственный представитель!
- И какое государство ты представляешь?
- Государство НДРА...
- Что еще за НДРА?
- Независимая Демократическая Республика Ад... ну что ты вылупился на меня, не слышал о таком государстве?
- Слышал... но мы просто говорим – Ад... Не горячись, теперь будем называть эту страну официально... Слушай, а можно вашу страну посетить в качестве туриста?

¹ Инкир-Минкир – ангелы, встречающие человека после смерти.

– Почему нельзя, скажи, когда хочешь приехать, я пошлю тебе визу, собирайтесь и приезжайте всей семьей...

– Не обманешь?

– Что?!

– Да ничего... народ у вас, наверное, гостеприимный?

– О-о-очень... поэтому каждый, кто приезжает к нам, назад уже не возвращается.

– И кем ты там работаешь? Ты похож на высокопоставленного чиновника.

– Хочешь сказать, что тебе повезло?

– Почему?

– Во-первых, потому, что ты не похож на хорошего человека, значит, ты «наш» человек, рано или поздно...

– С чего ты взял, что...

– Не перебивай меня... На какие деньги ты совершил хадж?

– Продал немного железа...

– Это железо тебе от отца досталось?

– Нет...

– На какие деньги в горах ты построил дом для любовницы?

– Продал немного керосина...

– Керосин тебе от отца достался?

– Нет...

– На какие деньги ты оказывал гуманитарную помощь беженцам?

– Продал немного хлопка.

– Хлопок тебе от отца достался?

– Нет...

– На какие деньги ты заказал убийство того мужика?

– Немного...

– Вот и молодец... А там и до Ада недалеко...

– Ладно... чем ты занимаешься в Аду?

– Я президент Акционерного Общества кипящих котлов с киром Независимой Демократической Республики Ад... Я приватизировал все кипящие котлы с киром, и все они принадлежат мне... уже много тысячелетий...

– А сколько тебе лет?

– В Аду считают только грехи, а не годы... там нет понятия возраста...

– Ладно, а откуда ты знаешь все, что сказал обо мне?

– Во всех странах мира – и передовых и не очень – работают наши разведчики... И в вашей стране много людей, работающих на нас...

– Значит, ты знаешь обо мне все?

– Абсолютно... Вдоль и поперек... Ты не переживай... У тебя есть такой друг, как я... Хочешь, скажу, где ты был вчера вечером?

– Ну, ты уж не перегибай...

– Сказать?

– Но когда я шел туда, меня никто не видел...

– Сказать?

– Говори...

– После того, как ты проводил друга, улетающего за границу, ты пошел...

– Молчи, молчи, молчи!..

– Таких, как ты, в Аду называют негодьями – у вас свой отдельный лагерь, начальником там мой друг, я попрошу, чтобы он хорошенько приглядывал за тобой...

– Спасибо, спасибо... может, мне все это снится?.. А?!

– Нет, ничего тебе не снится, я стою рядом с тобой, а ты – рядом со мной. Я как тебя увидел, кровь во мне заиграла...хорошо, что сам подошел... зов крови...

– Когда я тебя еще раз увижу?

– У меня много работы, очень много. Даже не знаю, с чего начать. Видишь этот документ?

– Что это?

– Не пытайся прочесть, ты наш алфавит не знаешь.

– У вас что, и алфавит свой есть?

– Алфавит Независимой Демократической Республики Ад – самый древний алфавит в мире...

– Да?!

– Потому что Ад – древнейшее государство в мире...

– Ясно, а что написано в этом документе?

– Это... нота протеста. Нота протеста нашего государства вашему...

– И против чего вы протестуете?..

– Согласно международным нормам все страны мира в конце каждого года обращаются с официальным письмом к правительству Ада и заказывают определенное количество мест для своих граждан. На основе этого мы заранее планируем места соответственно количеству населения каждой страны. Все страны аккуратно соблюдают это правило, кроме вас. Например, запрашивают тысячу мест, а посылают три тысячи человек. В результате нарушается порядок и стабильность нашей работы. В прошлом году из-за ваших граждан вышли из строя семь моих кипящих котлов, не сегодня-завтра начнется сезон грехов... А я все еще не закончил ремонт сорока кипящих котлов... Вот поэтому и пришлось подготовить такую ноту протеста. В первую очередь необходимо представить эту ноту вашему руководству, чтобы они перестали относиться к этому священному делу с прохладцей.

Если вы не положите конец этой халатности, против вашей страны будут приняты международные санкции. А если это не поможет, все население Ада выйдет на демонстрацию протеста с плакатом: «Руки прочь от Ада!» Это, в свою очередь, может окончательно испортить отношения между нашими странами. А наше правительство желает расширения дружественных связей с вашей республикой.

– А это что?

– А это готовый контракт, хотим в вашей стране открыть филиал Ада...

– А почему именно в нашей стране?

– Нам здесь нравится... у нас много общего. Если мы немного вложимся в вашу страну, она превратится в Ад... Знаешь, после столетних исследований наши экономисты пришли к выводу, что ваша страна является самой выгодной для вложений!

– Может, ты имеешь в виду открытие посольства?

– Нет... фи-ли-ал. Филиал Ада... Что ты уставился?

– Какие большие у тебя ноздри, в каждой может поместиться по одной большой дыне...

– Я историю своей жизни знаю отлично. Меня в детстве называли кнопконосый; после того, как попал в Ад, все наслаждения, которые я испытал здесь, кровью из носа выбили, вот ноздри и расширились. Ты что, не видишь, что и глаза мои по раз-

мерам не отстают от ноздрей, все, что натворил здесь, кровавыми слезами выплакал там... Что мне тебе сказать, вот придешь, сам все увидишь...

– Да будь ты проклят...

– Так Бог меня давно проклял, знаю, знаю, зря ты мне это напомнил. Звук Божьего пинка до сих пор звучит в моих ушах... стоит вспомнить его, как звук начинает нарастать.

– А как наши ведут себя в Аду?

– Больше всего они навредили мне... В прошлом году взорвали два моих глиняных моста.

– А что, в Аду есть бомбы?

– Нет...

– Тогда как они взорвали эти мосты?

– Сглазили они мой мостик – такой он красивый был... еще ни один человек не смог пройти через него, ничего, придешь, увидишь...

– Да будь ты проклят...

– Да не напоминай ты мне это...

– А что ж ты не повесил-то на мостик оберег против сглаза?

– В Аду нет оберега от сглаза...

– Прихвати отсюда, когда будешь возвращаться туда.

– Здешние обереги там не работают...

– Почему?

– Придешь, увидишь...

– Да будь ты проклят...

– Ну не напоминай ты, тяжело мне от этого... Бог один раз прокликает свое творение. Если он проклянет меня второй раз, тогда Ад поднимется из недр земли и настанет Судный день.

– Не могу понять, почему?

– Бог один раз прокликает свое творение. Если Бог проклянет меня во второй раз, Он ошибется, а если Он ошибется, то Ад поднимется из недр земли, наступит Судный день, и мир погибнет. Дай-ка, я тебя прокляну, а то аж кости мои горят.

– Ну прокляни, прокляни, давай...

– Иди к черту!

– Ладно, ладно, успокойся, прости, не знал я...

– Придурок, кто я такой, чтобы прощать тебя!

– Ладно, ладно...

– ...

– Вот молодец, тише... тише... успокойся... вот... вот так...

– ...

– А сколько населения в Аду?

– Вообще-то это государственная тайна, но тебе я могу сказать. В последний раз перепись населения там проводилась десять лет назад. Так что по последним данным население Ада в 99 раз больше населения Земли.

– Батюшки мои... Так там и пальцем шевельнуть нельзя... Надо же, какие вы молодцы...

– Глаза бы тебе выколоть и положить в ладони!

– Что ж ты на меня насылаешь такое проклятье? Почему глаза мои должны быть выколоты?

- Сглазишь Ад... Глазливые вы все тут, а так после этих слов и мне спокойнее...
- А какова территория Ада, сколько квадратных километров?
- В 99 раз больше территории, на которой живут люди...
- Батюшки мои, надо же...
- Глаза бы тебе выколоть и положить в ладони!
- И сколько людей приходится на один квадратный метр?
- У нас на каждый квадратный метр приходится пятнадцать тонн людей – у нас люди измеряются тоннами.
- Ты, наверное, знаешь, а на Марсе есть Ад?
- На Марсе был Ад, только он сейчас не работает.
- Почему?
- Не знаю, закрыли его...
- А для животных есть ад?
- Нет.
- Почему?
- Животные не грешат...
- А есть такие, кто попадает в Ад всем семейством?
- Есть даже те, чьи потомки попадают туда аж до седьмого колена, всем родом обосновались там, они обладают большим авторитетом... И еще внуков и правнуков своих ждут...
- А в Аду рожают?
- Нет!!!
- Почему?
- Наша Конституция это запрещает!
- А нельзя внести изменения в Конституцию?
- У нас категорически запрещено вносить подобные изменения в Конституцию.
- А как у вас обстоит дело с транспортом?
- Мы ездим друг на друге.
- Шутишь?!
- В Аду не шутят, а тех, кто тут на людях катался, используют как тягловую скотину.
- Интересно, какой была первоначальная территория Ада?
- Намного меньше, чем сейчас, а потом, по мере повышения спроса, территория расширялась... на сегодняшний день Ад – самое большое государство...
- И как вы охраняете вашу территорию?
- Не как вы.
- А как же вы расширяете свои земли?
- Из недр земли поднимаемся наружу... Уже между несколькими странами и нашей страной копать осталось лет пять-десять – вы копаете внутрь, а мы – вверх... так, копая навстречу друг другу, мы когда-нибудь встретимся.
- А нельзя, чтобы мы так и не встретились?
- Другого выхода нет, рано или поздно мы должны объединиться, потому что поток с земли в Ад все увеличивается. Самые великие адоведы еще десять тысяч лет назад пришли к такому выводу – так что от нас ничего не зависит.
- А в Аду растут деревья?
- Деревья там не растут...
- А что там растет?

– Человеческие кости...

– Как это?

– Ну, как ваши большие деревья, раз в сто лет они даже цветут... и когда с цветов капает кровь, то превращается в землю...

– В Аду много детей?

– Ни одного... они все в Раю...

– А свет там есть?

– Нет...

– А газ?

– Нет...

– Солнце встает?

– Нет...

– Почему?

– Если там взойдет солнце, то все ослепнут...

– Почему?

– Потому что обитатели Ада видят только в темноте...

– И что?! Ты сейчас не видишь меня?

– Нет...

– Значит, сейчас ты слеп?

– Да...

– А как же ты узнал, что все смотрят на тебя?

– Мне сообщили об этом...

– Кто?

– Не задавай слишком много вопросов, попадешь в Ад...

– Да лучше тебе самому там оставаться...

– Я жить без Ада не смогу.

– А в Аду все живут вместе или разделены по национальному признаку?

– Можно сказать, что в Аду нет национальностей. Если исходить из ваших понятий, то Ад – самое большое многонациональное государство.

– А мужчины и женщины живут вместе?

– Да...

– Так вы кайфуете!..

– Не придуряйся, придурок и сын придурка!

– Не нервничай... Вот смотри, ты один из самых уважаемых личностей в Аду, а сможешь ты, если захочешь, совершить экскурсию на пару дней в Рай?

– Нет!

– Почему?

– В Рай могут попасть только те, у кого есть крылья, а у меня крыльев нет...

– И ты не знаешь, где их можно достать?

– Нет...

– Это плохо...

– Надо, чтобы крылья сами выросли у человека... в раю есть одно дерево, называется Тубу, ложишься под ним, закрываешь глаза и загадываешь желание, например, вот стать бы мне французом, и, по крайней мере, родственником Жака Ширака, открываешь глаза – и оп! Сбылось!

– Вот хорошо ты сказал про французов, я вспомнил про армян. У вас там армяне есть?

– Полно...

– И что они там делают?

– Веселятся, они самые богатые люди в Аду, и все знатные, на виду.

– И чем они занимаются, что говорят?

– Говорят, «Гарабах наш».

– А еще что говорят?

– Говорят, что они самый древний народ на земле... поэтому весь мир должен принадлежать им.

– А еще?

– Говорят, что англичане, французы, немцы, русские, итальянцы, японцы... вообще все народы произошли от них...

– И японцы?!

– Да...

– Какие они все-таки бессовестные, а!

– И еще часто говорят, что умрем, но не сдадимся. Не понимают, что означает «умереть» в Аду. И еще говорят, что Ад – это древняя территория Армении. Даже «раздобыли» где-то древнюю карту Ада. Утверждают, что Адам и Ева были сотворены через 2750 лет после них. И у всех карманы набиты документами – стоит только раскрыть рот, как они достают их и суют всем под нос – в Гарабахском вопросе весь Ад поддерживает их сторону. У них есть армянские школы, газеты...

– В Аду и газеты выходят?

– А как ты думал?

– И много их?

– У нас у каждого народа есть своя газета... так что, сколько их на самом деле, неизвестно.

– И у наших там есть газета?

– Нет...

– Почему?

– Говорят, что не хотят газеты...

– А много там наших?

– Полно...

– Чем они там занимаются?

– Гниют...

– А что говорят?

– Говорят: «И Гарабах наш, и Нахчыван, и Сумгайыт, и Джалилабад»... так и продолжают список без остановки...

– И чего хотят этим добиться?

– Честное слово, не знаю... Я их не понимаю... Сам придешь, увидишь...

– Да будь ты проклят...

– Что ты там бормочешь себе под нос?

– Да так, ничего...

– Тогда почему мне стало не по себе?

– А что с тобой?

– Кости сотрясаются, наверняка ты опять что-то не то сказал, или...

– Ну что ты, мы же с тобой друзья...

– Здесь я бессилен, ничего хорошего для тебя сделать не могу, вот придешь, увидишь...

- Да будь ты проклят...
- О чем ты подумал, что сказал про себя?
- Ничего...
- ...
- Да падет на тебя наказание Божье...
- Не расслышал я...
- ... Слушай, а как в Аду себя ведут американцы?
- Хорошо...
- Что значит – хорошо?
- На днях тамошних арабов закидали камнями, не глядя, кто попадет под руку, многих убили, и с армянами они как братья...
- Это ты называешь: «хорошо»?
- Так в Аду это и называется: хорошо... когда людям ломают кости, небо Ада становится краше...
- А вы прямо таете от этой красоты, да?
- Да...
- Молодцы...
- Это особое наслаждение, тебе этого не понять!
- И что мне надо сделать, чтобы понять эту красоту?
- Умри!
- С чего это? Сам и помирай...
- Так умер я, сколько раз мне помирать-то?..
- Тогда получается, что тебе в нашей стране скучно?..
- Да, здешние ночи, ночные птицы мне глаза колят...
- Несчастный ты человек.
- Вот видишь, ты очень счастлив...
- Значит, я все это время говорил с покойником?
- Да...
- Но я же не знаю языка мертвых.
- Перед смертью человеку свыше дается знание языка мертвых, и он на нем поет, как соловей.
- В Аду есть соловьи?
- В Аду нет ни одного существа с крыльями...
- Значит, ты труп?
- Труп – это тот, кто умер недавно, идиот, а я умер тысячу лет назад!
- И я умру?
- Не-е-ет... Что ты, ты же у нас племянник Божий. Только у Бога нет ни братьев, ни сестер!
- Говорят, после смерти люди вновь оживают, это правда?
- Да, правда.
- Значит, и ты оживешь?
- Нет.
- Почему?
- У меня нет шансов.
- А если я умру, я смогу ожить?
- Нет.
- Почему?

– И у тебя нет шансов!

– Почему?

– Да иди ты к черту! Почему? Почему? Думаешь, каждый, кто умирает, воскресает?

– Значит, и там двойные стандарты?

– А ты что думал?

– Это несправедливо! Это несправедливо! Это нарушение прав человека! Да здравствует равенство!

– Да здравствует!

– Что?

– Равенство!

– Что такое «дешевая смерть»?

– Смерть, предназначенная для основной части населения земли, называется «дешевой смертью».

– Не понимаю.

– «Дешевая смерть» – для бедных, говоря по-русски, «ширпотреб».

– А что, есть еще и дорогая смерть?

– Конечно.

– И сколько стоит самая дорогая смерть?

– Не idiotничай, придурок!

– Что ты кричишь, я просто спросил... Ты был в теплом уголке Ада?

– Да, это большое озеро, кипящее уже на протяжении тысячелетий. Люди заходят туда и...

– Адский санаторий есть и у нас. «Исти-су» в Масаллы. И в Кельбаджаре это было, но сейчас там армяне купаются... Целебные источники.

– Ну, так это теплое местечко в Аду, с географической точки зрения, как раз и находится под Масаллы... Ты географию хорошо знаешь?

– У меня два диплома.

– ...

– Да... велики причуды природы... А как там живет тем, кто издевался тут над людьми?

– Хорошо. По прибытии их сразу ловят и кастрируют.

– Почему?

– Не доверяют им. В Аду очень строгие моральные правила.

– И у нас с этим очень строго.

– У вас...

– Что ты рот кривишь и ухмыляешься?..

– Я хорошо знаю, насколько строги ваши моральные правила, мертвецам не лгут, дурак!

– Что ты кричишь? Это просто слова...

– ...

– Слушай, а в Аду кладбище есть?

– Нет.

– Почему?

– В Аду никто не умирает.

– Как здорово... Как ты думаешь, лучше под землей или на земле?

– Под.

- В самом деле?
- Потому что все, что под землей – это навечно, а на земле – все временно...
- А где твоя вторая нога?
- Как где?! Что тебя удивляет? Как видишь, одна моя нога здесь, а вторая – там, в Аду. После того, как я закончу тут свою работу, эта моя нога отведет меня к той ноге – у нас всегда так...
- А что за печать у тебя на лбу?
- Чтоб ты ослеп, ты и это увидел?
- Да...
- Это не печать, клеймо.
- Почему тебя заклеямили в лоб?
- В Аду вместо печати используют клеймо. А заклеямили потому... чтобы официально заверить судьбу, по которой я должен был попасть в Ад. Не три свой лоб, у тебя пока там ничего нет, потому что твоя судьба еще официально не заверена.
- С тех пор, как ты попал в Ад, ты когда-нибудь врал?
- Только раз я соврал, и я об этом тебе уже говорил. Я тебе сказал, что в Аду нет детей, видимо, влияние земного климата. С начала XX века в Аду стали появляться дети... Затем их количество стало расти... А сейчас – в конце века – в Аду полно детей... Помню, когда, примерно сто лет назад, в Ад попал первый ребенок, был большой переполох... Если на земле и дети совершают грехи и попадают в Ад, значит, близок конец света...
- ...
- ...
- Каково представление Ада о мире?
- Мир – это система, созданная для жизни людьми, отошедшими от Бога и восставшими против Него. Именно так в Аду объясняют понятие «мир».
- А кто был первым человеком, отошедшим от Бога, в Аду есть информация об этом?
- Есть. Первыми людьми, отошедшими от Бога, были Адам и Ева. И весь мир наказан за их грех...
- Значит, этот их грех настолько тяжел, что миллиарды людей тысячелетиями никак не могут искупить его?
- Это тяжелый грех, потому никак и не искупят его... Бог когда наказывает – наказывает по-Божьему. Мир, который люди пытаются на протяжении тысячелетий разрушить и никак не могут это сделать, был создан Богом за шесть дней – так что, когда Он посчитает нужным, то разрушит все в мгновение ока... Что ты задумался?
- Из-за чего произошел разлад между Богом и Адамом и Евой?
- Из-за воровства.
- Да ты что?! Тогда конец мне!
- Почему это тебе конец?
- Как это, почему? Я рожден незаконным, другими словами, по-воровски, рос на воровстве, и сейчас воровство – мой образ жизни... Интересно, может ли человек прожить без грехов?
- Нет!!!
- Не кричи... почему?
- Потому что жизнь – это путь, а все пути петляют, извиваются! Ты когда-нибудь в жизни видел ровный путь?

– Видел.

– И что это за дорога?

– Железная.

– Ну и пустоголовый ты, абсолютно безмозглый!

– Так я правду говорю!

– Не правду ты говоришь, идиот!!!

– Что ты в бутылку лезешь, это же просто слова... Не злись, когда ты злишься, мне становится страшно... вот так... так ты выглядишь лучше... В Аду базар есть?

– Во всем Аду есть только один базар, и называется он «армянский базар»...

– А там... что там продается?

– Человеческие кости...

– Человеческие кости?

– Человеческие кости...

– И что люди делают с ними, когда покупают?

– У кого сгнила челюсть, покупает себе челюсть, кому нужны берцовые кости, кому – позвоночник...

– А что, и позвоночник гниет?

– Ну, если и не весь позвоночник, но тем, у кого в свое время он был поврежден, время от времени приходится заменять те или иные позвонки.

– И в чем смысл?

– Смысл в том, что до скончания света нужно сохранится в таком виде, в каком создал человека Бог... не смотри так... так нужно...

– В Аду есть небо?

– В Аду небо не такое, как у вас, у каждого небо не выше его роста.

– А звезды есть?

– Есть, но они не светят как ваши, там все звезды потухшие. У нас звезды черные.

– Когда вы смотрите на небо, звезды...

– Нам запрещено смотреть на небо.

– Почему?

– Вот этого никто не знает... Даже если захотим украдкой посмотреть, не получится, потому что мы головой упираемся в небо.

– А сколько времен года в Аду?

– Одно!

– Одно?

– Одно!

– А как оно называется?

– Черное время года.

– На земле семь цветов, а в Аду сколько?

– В Аду только один цвет: Черный цвет! Черный цвет! Черный цвет!

– Ну что ты опять заводишься?

– Нельзя мертвецу говорить неправду, лживый Адамов сын!!!

– Не-е-ет, если так пойдет, наша дружба не сложится.

– Не-ет! Наша дружба обязательно сложится, потому что это не зависит от нас... На самом деле уже многие тысячелетия мы друзья, просто встретились в первый раз, понял ты, слабоумный сын Адама?!

– Понял...

– Чем скорее поймешь, тем лучше.

– Бог знает, когда еще увижу тебя. Ты давеча говорил про Инкир-Минкира...

– И...

– Этот самый Инкир-Минкир кем они работают в Аду?

– Как только ты пересечешь границу Ада, появятся Инкир-Минкир и возьмут у тебя интервью, устроят допрос.

– А что, они в какой-то редакции работают?

– Нет. Но они зададут тебе самые сложные вопросы, так что, хочешь ты того или нет, но ты раскроешь перед ними все свои грехи.

– Почему это?

– Потому что метод их работы таков, что у тебя не останется никакого другого выхода, как только говорить правду...

– Это же ужасно...

– Нет... ужас начнется после.

– А что начнется потом?

– Что это у тебя кадык заходил? Придешь – увидишь.

– А ты знаешь этих Инкира-Минкира?

– Почему ж не знаю, когда я туда попал, они меня и встретили...

– Я не о том... ты дружишь с Инкир-Минкиром?

– Да... Слушай, ты вообще не переживай... я понял тебя... понял. Если ты хочешь, чтобы дела в Аду у тебя пошли хорошо, сам открыто расскажи про все свои грехи... чистосердечное признание немного облегчает наказание...

– Прямо все рассказать?

– Прямо все...

– Знаешь, сколько тогда времени понадобится?..

– Я тебе сейчас как другу скажу, что делать, а ты внимательно слушай, остальное я возьму на себя...

– Да?

– Да.

– Слушай, каковы твои отношения с Сатаной?

– Мы как братья.

– Настолько близки?

– Чему ты так радуешься?.. Близки-то близки, но он меня не жалуется...

– Почему?

– Говорит, что я человек, а Сатана не любит людей.

– Почему?

– Говорит, что нас создали из глины...

– А его из чего сотворили?

– Из огня!

– Потому-то, куда бы он ни попал, все сжигает вокруг... Послушай, говорят, что и Сатану создал Бог, так?

– Так... Ты на него свысока не смотри, он раньше был Ангелом...

– Да?

– Не перебивай меня...

– А как же он тогда превратился в Сатану?

– Какой же ты нетерпеливый, сын Адама, послушай меня, вначале он был Ангелом, причем, главным Ангелом, потом обнаглел, и Бог наказал его таким образом.

– Что значит – обнаглел, что он сделал?

– Втерся в доверие Адаму и сбил его с истинного пути. Адам совершил воровство... чем навлек на себя гнев Божий, вот Бог и выкинул его, и впридачу к нему Еву, на Землю – в Ад...

– А в чем же Ева бедная провинилась?..

– Да чтоб ее такая же «бедная» змея ужалила... Так Ева и совратила Адама... Желания женщин острее меча святого Муртуза Али... (*Зять Пророка Мохаммеда – Ред.*)

– Ты же говорил, что Адама сбил с истинного пути Сатана!

– Да, сбил с пути Сатана... но руками Евы, а сам Адам и не хотел воровать...

– Значит, все человечество наказано из-за этой одной женщины?!.

– Получается, так!.. По мере того, как темнеет, мое зрение возвращается ко мне, что это там такое большое?

– Большие коробки? Это дома...

– Опять грешите... По законам Ада, дом каждого человека может быть в семь раз больше его могилы – а в эти дома может поместиться целое кладбище... Ну и аппетиты у вас... Перед тем, как прийти сюда, я прочел интересную статью в газете «Ад»...

– Дай мне, и я почитаю...

– Глупец ты, Адамов сын, ты же не знаешь нашего алфавита...

– Тогда сам расскажи, что там написано...

– Статья называется «Массовое заболевание бешенством у людей в XX веке». Основная мысль статьи заключается в том, что если люди не перестанут грызть друг друга, пить кровь друг у друга, то для них будет построен и сдан в эксплуатацию Ад нового, современного типа. По результатам исследований адептов, старый Ад рядом с новым будет выглядеть как Рай.

– Это же ужасно...

– Ужасно!

– А у нас говорят: умер такой-то, отмучился – значит, вранье все?

– Шитое белыми нитками.

– А сколько видов вранья в Аду?

– Два: шитое белыми нитками и шитое красными нитками...

– И в чем разница?

– Разница в том, что шитое белыми нитками – это вранье, когда ты слышишь от кого-то, что кто-то врет, то есть, сплетни. А шитое красными нитками – это когда тебе врут в лицо... А сколько у вас видов вранья?

– А у нас все вранье шито красными нитками. У нас врут все: газеты, радио, телевидение, большие и маленькие правители, братья, сестры, друзья, знакомые, жены, дети...

– И ты врешь?

– И я... а ты?

– Я с самого раннего детства ни слова правды не сказал.

– Интересно, почему люди не могут говорить правду?

– Правда – она прямая. А человеческий язык, как путь, которым он идет, извивается в разные стороны. У человека нет потребности в правде. Ложь – гимн Вселенной.

– А воровство?

– А воровство – профессия. Единственная профессия Вселенной – воровство, остальное все – хобби!

– Для чего нужны ноги?

– Чтобы идти на воровство!

– А руки?

– Чтобы красть...

– А глаза что делают?

– Пока глаза светятся, они освещают путь, ведущий к воровству, а если выпадает свободная минута, то если это мужской глаз, то украдкой смотрит на чужую жену, а если женский – на чужого мужа, это называется воровство глазами.

– Ты видел и знаешь мир, сколько категорий воров есть?

– Три... Слушай внимательно. Первая категория: это воры, которые не знают, что они воры, и не знают о том, что не знают, что они воры – это не очень талантливые воры! Вторая категория: это те, кто знают, что они воры и не знают о том, что знают, что они воры – это самые талантливые воры! Третья категория: это те, кто знают, что они воры, и знают, что они знают, что они воры – это мудрые и великие воры, имеющие мировое значение! Так же как Божий год равен тысячелетию, так и Воровской год воров третьей категории равен Воровскому тысячелетию первой и второй категории вместе взятых!

– В Аду сказки есть?

– Есть – только одна!

– И в ваших сказках в конце с неба падают три яблока?

– Нет.

– А что падает?

– Я только раз слышал нашу сказку, второй раз услышать ее нельзя – тогда с неба начала падать пшеница, которую Адам с Евой и уплели.

– Ты что, видел Адама и Еву?

– Я не видел, но есть те, кто видел.

– И кто видел?

– Армяне. Когда Адам и Ева были еще непослушными детьми, армяне уже были целым народом.

– Как ты говоришь, что армяне там говорят?

– Говорят: «Гарабах наш».

– А наши что?

– И ваши говорят: «И Гарабах наш, и Нахчыван наш, и Лянкяран наш, и Зангелан наш, Иреван наш...» Ваши не говорят, ваши поют... поют и все идут куда-то...

– И куда идут?

– Да кто их разберет-то?! Года два назад они даже пели, что и Китай их, кажется, даже хотели там свой флаг повесить... не знаю, честно, я ваших точно не понимаю, придешь, сам увидишь...

– Да будь ты...

– Что?!

– Ничего... спрашиваю, а что говорит общественность Ада по этому поводу?

– Общественность Ада говорит, что армяне правы.

– Почему?

– Говорят, потому что армяне твердят только одно: «Гарабах наш», а ваши и про Гарабах, и Нахчыван, и Зангелан и еще какие-то территории. Поэтому общественность Ада встала на сторону армян – говорят, мол, эти бедные армяне хотят только одну территорию, а ваши как начнут перечислять все... вот так-то...

- Да будут прокляты они!
- А они про вас говорят: «Да будут прокляты они».
- Скажи мне как близкий друг, что бы ты посоветовал нашим?
- Посоветовал бы, чтобы вы не пели как дураки: и это наше, и то наше... Если можете что-то сделать – делайте, а если не можете – пусть другие люди делают то, на что способны.
- В Аду казино есть?
- Есть!
- И все играют?
- У вас все играют?
- Нет!
- И у нас не все играют.
- В Аду есть предатели родины?
- У вас есть?
- Говорят, есть...
- И у нас есть.
- В Аду все разрушающая оппозиция есть?
- У вас есть?
- Есть.
- И у нас есть. Смотри на мои пальцы, значит так, считаю: всеразрушающая оппозиция, хищная оппозиция, людей избивающая оппозиция, неопытная оппозиция, горлопанящая оппозиция, несчастная оппозиция...
- Хватит, хватит, понял я... у вас разрушительная власть есть?
- Нет!
- Хищная?
- Нет! Нет! Нет! В Аду нет власти, только оппозиция, оппозиция!
- Тогда в оппозиции к кому они находится?
- Друг к другу...
- И мы... Ну, ты не уходи от вопроса-то... скажи, когда в истории Ада были самые большие митинги оппозиции?
- Года два назад. Весь Ад тогда поднялся на ноги, и все, как один, участвовали в митинге. Есть у вас один такой... ну, ты знаешь, тогда он сильно болел – весь Ад тогда взбунтовался, требовали, что если вдруг он умрет, чтобы его в Ад не посылали, а то он весь Ад перевернет с ног на голову...
- И чем все закончилось?
- Не умер он... выздоровел, и население Ада успокоилось. Недавно опять кто-то распространил слух, что он снова заболел – опять все в Аду взбунтовались. Потом официально объявили, что он жив и здоров, так что все успокоились.
- Слушай, а кто это, а?
- Поднеси-ка сюда ухо... Сатана объявил, что если он придет в Ад, то он отречется от своего поста, который занимал на протяжении тысячелетий.
- А что связывает его с Сатаной?
- Сатана сказал, что он бросил в него камень...
- Ну, бросил и бросил... Что это Сатана все так близко принимает к сердцу?
- Не говори ерунды, глупый Адамов сын!
- Что ты сразу заводишься, просто сказал...
- Видишь ли, сын Адама, Сатана в последнее время стал нервным: недавно

провел брифинг, на котором сказал, что запрещает людям бросать в него камни, пусть они закидывают камнями свое лихорадочное стремление к стяжательству, и если они не перестанут кидать в него камни, то в скором времени он окончательно покончит с этим нерадивым племенем, он и сегодня может положить конец их существованию, но не хочется марать руки об эту грязь – все равно они сами себя погубят, и тогда его слова перед Всевышним обретут еще большую силу и доказательства, и Он снова объявит его Главой ангелов... Он создан из пламени и марать руки о грязь не хочет! Да... Вот так... Ты, когда хадж совершал, в Сатану камень кидал?

– Да...

– Это нехорошо...

– Почему?

– Значит, и ты попал в этот черный список... Ну, не расстраивайся, время еще есть... что-нибудь придумаем к тому времени. Ты задал мне много вопросов о политике Ада, и я хочу спросить у тебя кое-что: сколько у вас партий?

– Официально зарегистрированных – тридцать...

– Несчастный ваш народ...

– Почему?

– Как это, почему? Если каждая партия будет по пять лет мучить этот народ, это получится сто пятьдесят лет, нет... вам остается только уповать на Бога... а тут еще и Сатана...

– Кому верить, куда идти со своей бедой?..

– А что тебе волноваться, беда-то давно уж твоя спутница, она тебя давно задавила...

– И тяжела она?

– Ну, весом с надгробный камень...

– Вот интересно, а можно ли очистить землю, построить справедливый мир, и потом начать жизнь заново?

– Почему нельзя?

– Как?

– У Сатаны есть один план насчет этого, очень мудрый план, да и другого выхода нет!

– И что это за план?

– Среди всех планет во Вселенной больше всего он не любит Землю, впрочем, так же, как и я; он говорит, что Земля загажена, и от нее исходит зловоние, поэтому ее нужно очистить.

– Чем? Водой?

– Нет. Земными водами ничего очистить невозможно – они тоже загажены.

– Значит, он откуда-то с другого места принесет воду?

– Нет. Даже воды Рая не очистят землю... Сатана говорит, что грязь и нечисть можно очистить только огнем – ты слышал, наверное, что в старину на рану прикладывали золу, а это – огонь.

– И что теперь Сатана хочет сделать?

– Сжечь Землю. В некоторых регионах мира покойников сжигают, а прах развеивают по ветру... Сатана говорит, что зола – самая чистая субстанция, зола – дитя огня, она прошла испытание огнем...

– Ну, предположим, что сожгли Землю, дальше что?

– Потом поднимется ветер, ураган, и зола, оставшаяся от Земли, развеется по

Вселенной...

- А потом?
- А потом Вселенная начнет кашлять и рвать кровью; в конце концов, зола, наполнившая легкие Вселенной, начнет прорастать и зеленеть...
- А потом?
- Ну, а дальше ты сам додумай...
- Я не могу думать, забыл, как это делается...
- Ты, главное, грехи свои заучи, чтобы не забыть.
- Ладно, заучу.
- Хорошенько заучи... Самый большой Грех – это забыть свои грехи.
- Чуть не забыл, как ты сказал, откуда ты пришел?
- Из Ада!
- Куда идешь?
- В Ад!
- Что тебе торопиться, пойдем, гостем будешь.
- Нельзя, если твои меня увидят, испугаются, грех это...
- Что это? С неба иглы падают...
- Это не иглы, это горячий дождь... ой... погоди!
- Что с тобой?
- Мне пришло известие, что в Аду опять начались акции протеста, видимо, прошел какой-то слух... Из-за вас и в Аду покоя нет. В этот трудный час я должен быть на Родине. Я пошел, до встречи.
- Куда?
- В Ад!
- Передай от меня проклятья обитателям Ада!
- Да не будет здоров посылающий проклятья!

О СЕЙРАНЕ СЕХАВЕТЕ говорят, что...

ИСМАИЛ ШИХЛЫ (народный писатель): Повесть Сейрана Сехавета «Золотая чаша» я прочел на одном дыхании, а ее постановку посмотрел два раза. И оба раза был свидетелем того, как зрители, не дыша, ловили каждое слово, произносимое со сцены, слышал несмолкающие аплодисменты после каждых острых, как клинок, реплик Ханахмеда. Если честно, давно я не видел пьесы, принятой зрителем с таким воодушевлением, когда зрители радостно, стоя, полчаса аплодисментами приветствовали артистов. И не могу забыть, как режиссер, утопая в море цветов, не ожидавший такой зрительской реакции, тихо плакал, а автор держался... Вообще, хочу сказать, что такое произведение, как «Золотая чаша», является показателем того, насколько необходимы своевременно написанные смелые произведения.

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ (народный поэт): Я читал произведения Сейрана Сехавета и ошеломлен их оригинальностью, силой его пера, затрагивающего проблемы современности, неповторимым своеобразным юмором. Я желаю Сейрану Сехавету, обладателю прекрасного пера, удачи на нелегком поприще большой литературы.

БЕКИР НАБИЕВ (академик): В 1968 году в 1-м номере журнала «Азербайджан» я прочел стихи молодого поэта Сейрана Сехавета под названием «Мой холостой шар земной». Должен признать, что меня удивила и потрясла глубокая тревога молодого человека о судьбе нашей планеты. В этом стихотворении он обращается к планете, как к живому существу, как к лич-

ности. Высокий художественный уровень стихотворения показался мне оригинальным и недосягаемым.

ХАЛИЛ РЗА УЛУТЮРК (народный поэт): Показать трагедию одного человека или одной семьи – само по себе дело сложное. Насколько же труднее отразить в произведении трагедию всей эпохи, судьбу целого народа, его жизнь, бедствия и страдания – это по плечу только великой литературе. Сейран Сехавет, в неизменной белой рубашке, смелый, скромный, с ярко выраженными тюркскими чертами лица, пришедший в литературу как поэт и прославившийся как писатель, с честью справился с этой задачей. Давайте с гордостью признаемся, что впервые в нашей литературе были так колоритно отражены взяточничество, стяжательство и узколобие. Сейран Сехавет – писатель, имеющий пламенную гражданскую позицию. Его смелость основывается на глубоком понимании жизни и проблем общества, неприятии его неприглядных сторон, сдавшихся и сломленных людей, бегущих от правды жизни. Счастливые рабы – самые жестокие враги свободы. Комфортная, спокойная и счастливая жизнь определенной части общества, опускающая их до уровня рабов, заставляет писателя глубоко задуматься и наполняет его печалью. Именно эти печаль и боль подпитывают его произведения. Нам не нужны художественные произведения, в которых нет писательской боли! Повесть «Золотая чаша» родилась на острие боли писательского сердца, любви к истине и страстном желании вымести всю грязь из общества.

МИТХАТ АББАСОВ (академик): Для меня Сейран Сехавет – выдающийся писатель, представитель творческой интеллигенции, один из тех, кто формирует общественное мнение. Читатели всегда с интересом встречают его произведения, так как они охватывают все реалии современной жизни Азербайджана. Высоко оценивают его творчество и видные представители азербайджанской литературы. Сейран Сехавет является также активным общественным деятелем. Его выступления на различные темы в печати, на телевидении, его интервью всегда отличаются оригинальностью, актуальностью, серьезным и глубоким взглядом на происходящие события. Его язык, отличающийся простотой, в то же время силен и ярок. Он далек от пафоса и лжи. Все это стало основой читательского доверия к нему.

МУСА ЯГУБ (поэт): Узнав, что роман Сейрана Сехавета «Некролог», написанный для живых, был признан в Союзе писателей лучшим романом года и удостоен премии имени Юсифа Самедоглу, я очень обрадовался и прочел книгу на одном дыхании. Романом «Некролог» Сейран Сехавет заслужил себе бессмертие.

ХАТАМ ГУЛИЕВ (академик): Я знаю Сейрана Сехавета около 60 лет. Другими словами, мы дружим с детства. Бог даст, и в будущем останемся друзьями. Видимо, мы близки с ним и духовно, и по своему отношению к миру и к жизни. Но мы не повторяем друг друга. Вообще в мире все неповторимо. Скорее, в некоторых вещах мы дополняем друг друга. Сейран Сехавет на протяжении всех своих 60 лет, будучи своенравным, озорным, увлекающимся человеком, в то же время обладает собственным, выверенным и серьезным взглядом на каждое событие. Он – человек, горячо любящий свой народ и свою Родину и немало пострадавший на пути служения им, но ему довелось стать и свидетелем успеха своих произведений, плодов своего творчества. От души желаю, чтобы он и дальше радовал нас и всех читателей своими творческими успехами.

РАМИЗ РОВШАН (поэт): В нашем творческом поколении Сейран Сехавет – первый, кто не прогнулся под время. Вне зависимости от времени и ситуаций, он всегда оставался таким, каков есть, моим другом, не изменяющим ни себе, ни чести, ни достоинству.

НАДИР ДЖАББАРЛЫ (исследователь): Если бы не было Сейрана Сехавета, азербайджанская литература потеряла бы остросюжетные темы и колоритных эпических героев. Если бы не было Сейрана Сехавета, то наша литература была бы лишена неповторимого, уникального, тонкого взгляда писателя на нашу современную жизнь и человеческие отношения.

САБИР РУСТАМХАНЛЫ (народный поэт): Сейран Сехавет – мой друг юности, он талантливый писатель, занявший свое заслуженное место в современной азербайджанской литературе. В каждом его рассказе есть потенциал и мощь, достойные романа. Он обладает своеобразными, присущим в азербайджанской прозе только ему, языком и стилем. Именно он впервые привнес в современную азербайджанскую литературу колорит, сладостность, грубоватое просторечие, чистоту и палитру гарабахского наречия. Сейран Сехавет – президент Союста в стране эстетического слова.

ГАБИЛЬ (народный поэт): Сейран Сехавет и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, да и в жизни в хорошем смысле слова конкретен...

ФЛОРА КЕРИМОВА (народная артистка): Трудно говорить о людях, которых любишь. Сейрану Сехавету я могу посвятить все самые лучшие слова и чувства в этом мире. Общение с такими людьми, как он, необходимо, как воздух и вода. Я знаю, каких бы высот он ни достиг, он всегда остается верен своим Человеческим и Личностным принципам. Я желаю ему мира.

АКРАМ АЙЛИСЛИ (бывший народный писатель): В азербайджанской литературе личность Сейрана Сехавета возвышается, как гора...

АГИЛЬ АББАС (писатель, народный депутат, заслуженный журналист Республики): Все созданные за последние годы Сейраном Сехаветом произведения я всегда считал событиями в художественной литературе и сейчас придерживаюсь такого же мнения. К сожалению, критики, посвящающие только одному рассказу какого-либо автора по 8-9 статей, равнодушно относятся к творчеству Сейрана Сехавета. Я желаю ему получить какую-нибудь должность. Вот тогда критики вступят в «социалистическое соревнование» по написанию статей к роману «Некролог», которые в 10 раз превысят объем самого романа.

Сейран-муаллим, не обижайтесь на критиков, так же, как не обижается на них Сабир Ахмедли. И не обижайтесь на читателей, так же, как не обижается на них Мохаммед Физули.

ВАГИФ БАХМАНЛЫ (поэт, заслуженный деятель культуры Республики): Наша жизнь неотделима от нашего окружения. И в этом смысле у каждого в этом окружении есть свое место в зависимости от родства. Я не имею в виду кровное родство. Это родство определяется тем местом, которое эти люди занимают в нашей жизни. И степень этого родства отличается состоянием и занимаемым пространством.

Сейран Сехавет – писатель талантливый, человек чуткий и в то же время имеющий свои принципы – является моим самым близким другом и занимает большое место в моей жизни. И основывается это на сотрудничестве и творческой дружбе, которая насчитывает уже 45 лет. Если из моей биографии изъять годы и месяцы, проведенные с Сейраном Сехаветом, то моя биография уже будет не моей или же сильно сократится. Он занимает большое место в моей жизни и значительно расширяет выпавшее мне на долю жизненное пространство и мир, в котором я живу.

Сейран Сехавет – один из самых чистых, прозрачных, теплых, ярких и образных поэтов, пришедших в литературу в 60-е годы. С 1976 года он не пишет стихов. Но все, что он написал, до сих пор поражает, волнует, настолько современно звучат его стихи. Сейран Сехавет – автор многих рассказов, повестей, романов, на страницах которых описываются живые картины реальной жизни. Его прозаические произведения вобрали в себя всю богатую палитру гарабахской и в целом всей азербайджанской жизни, ее соль, сладость и юмор. Сейран Сехавет в своих больших романах мастерски доводит до читателя в своей уникальной манере всю жестокую правду жизни.

Он очень талантливый человек. Талант – это его суть, личность, характер. Я рад, что, несмотря на разницу в возрасте, я являюсь одним из тех людей, кто может согреть его сердце. Так будет и в 70 лет, и в 80...

МУРШУД МАМЕДЛИ (доктор филологических наук, профессор): Сейран Сехавет – видный писатель, пришедший в прозу из поэзии, и поднявший ее на уровень поэзии. Как человек, пришедший в прозу из высокой поэзии, он долгие годы хранит честь и достоинство Слова, как свою собственную. Он творец, на физическом уровне принявший на себя страдание Слова и возведший это страдание на уровень святости.

Как писатель и мастер художественного слова, в своих произведениях он отражает проблемы XX века, испытания, через которые пришлось пройти людям, потери страшных 90-х годов, боль и страдания Гарабаха, пытаюсь вернуть деморализованному, потерявшему человеку самого себя, его личность, уникальность, человеческую сущность.

Своими романами «Некролог», «Интервью собаки», рассказом «Ад» Сейран Сехавет доказал, что может встать в один ряд с ведущими современными писателями мира. Сейран Сехавет – человек с сильным характером. За 30 лет нашего знакомства я никогда не видел его сломленным, никогда он не ставил свое перо на службу кому- или чему-либо. Он всегда оставался верен себе и высоко держал знамя художественного Слова. Я желаю своему другу и соратру, уникальному мастеру слова здоровья, всегда хорошего настроения, света и тепла его глазам, а перу – стремительности и яркости молнии. Горжусь, что живу с ним в одно время.

ЭЛЬЧИН ИСКЕНДЕРЛИ (доктор технических наук, профессор, поэт): Я никогда не читал произведения, которое потрясло бы меня больше, чем рассказ «Интервью собаки». Если бы у меня была возможность, я бы удостоил Сейрана Сехавета Нобелевской премии за это прекрасное творение.

АКИФ САМЕД (поэт): Рассказ Сейрана Сехавета «Интервью собаки» я считаю самым острым политическим памфлетом за последний 80-летний период. «Интервью собаки» появилось не сразу и не вдруг, рассказ имеет свои корни и развитие... А это говорит о том, что азербайджанская литература находится на одном уровне с мировой литературой.

ФУАД ПОЛАДОВ (народный артист): Для меня Сейран Сехавет – борец с несправедливостью и трудностями современной жизни, человек, наперекор всем испытаниям сохранивший свое лицо, писатель, обладающий редким даром, любящий своего читателя и оправдывающий его ожидания.

Трудностям переходного времени, всем испытаниям не удалось уничтожить его «Я», поправить его свободу, а это по плечу только таким целостным людям, как Сейран Сехавет. Он мой сосед, и в самые трудные и безвыходные моменты моей жизни я, глядя на его окна и думая, что там живет мой друг и единомышленник, обретал новые силы. Сейран мой друг и, говоря эти слова, я испытываю чувство гордости и радости.

ГУБАД ИБАДОГЛУ (экономист): Сейран Сехавет – один из видных представителей современной азербайджанской литературы. Конец 60-х и начало 70-х годов прошлого века, когда он начал творческую деятельность, характеризуются как период возрождения. И художественные образы, созданные Сейран-муаллимом, украсили, придали особый окрас нашей литературе яркими типическими азербайджанскими характерами. Герои его рассказов, повестей и романов – это образы из реальной жизни, и именно этот факт является уникальной характерной чертой его произведений, а это, в свою очередь, исходит от цельности характера самого автора. В прозе Сейрана Сехавета вы не найдете ни положительных, ни отрицательных персонажей, потому что образы, созданные писателем, отличаются цельностью и полнотой, они таковы, какими их создал Бог.

ИДАЯТ ОРУДЖЕВ (чрезвычайный и полномочный посол Азербайджана в Кыргызстане): Одной из ключевых особенностей «Золотой чаши» является то, что автор не только с бесконечной болью говорит о социальных трагедиях и бедствиях общества, но и бьет тревогу по этому поводу. В произведении все герои находятся в состоянии бесконечного смятения, а автор бьет в набат за каждого из них.

АФАГ БАШИРГЫЗЫ (народная артистка Азербайджана): Чтобы глубоко прочувствовать Сейрана Сехавета, понять его, полностью открыть для себя его творчество, нужно несколько жизней. Сейран Сехавет не из тех, кто ради каких-то благ будет рвать на себе рубаху, бить себя в грудь и биться головой о стенку.

ИДАЯТ ГАСАНОВ (кандидат математических наук): Для меня Сейран Сехавет – искренний друг, справедливый человек, имеющий свою гражданскую позицию, в нужное время говорящий нужные слова, глубоко в душе несущий боль и горе Гарабаха, видный поэт и писатель, обладающий естественной поэтической силой, и настоящий мужчина, живущий по правилам чести.

ВАГИФ ЮСИФЛИ (доктор филологических наук, критик): Кто-то знает, а кто-то и не знает, что в литературу Сейран Сехавет пришел как поэт. Хочу уверить вас, если бы он не бросил поэзию, то сейчас стал бы одним из видных и популярных поэтов. Но после двух поэтических сборников он перешел к прозе. Видимо, творческая судьба его связана с прозой, но он один из немногих, кто, оставив поэзию, стал прекрасным писателем. Когда около двух лет его произведения не появлялись в печати, наш прославленный поэт Мамед Араз в одной из своих статей с укором спрашивал: «Где Сейран Сехавет, почему он стал гачагом нашей литературы»...

ИГБАЛ АГАЗАДЕ (депутат): Сейран Сехавет – это большая и раскидистая чинара. В терпении он – могучий дуб. Его личность и творчество – это два дополняющих друг друга крыла. Он – соль и сладость земли гарабахской. Это целостная натура и как личность, и как творец, он – человек слова. Сейран Сехавет – писатель, который способен заставить громкие слова онеметь, а обычные слова возвысить до величия. Он обладает большим сердцем и руками, способными обнять всех своих друзей и читателей, я бы даже сказал, что он святой человек.

ЭТИБАР ДЖАБРАИЛ ОГЛУ (журналист): Человек, попадая в сложную ситуацию за границей, конечно же, в первую очередь стучится в двери своего посольства. Когда я приехал в Баку, для меня это был огромный и чужой город. Одной из первых дверей, в которую я постучался в этом городе, была дверь дома Сейрана Сехавета, находящегося на улице Агасадыга Герайбейли. В этом доме меня встретили хлебосольные хозяева. Если сегодня я могу что-то сказать в журналистике, то исходит это от преломленного в этом доме хлеба. Сейран Сехавет знает цену и Богу, и созданному Им Слову.

УМИД РАГИМОГЛУ (председатель Фонда Евразийской печати, заместитель председателя Совета по печати): Для меня Сейран в первую очередь земляк. Вначале я познакомился с его стихами, а потом уж разыскал его и познакомился. Было это примерно лет 35 назад, и самое интересное, что в памяти моей Сейран остался таким, каким я увидел его в первый раз. И искренностью своей, и простотой, и личностными качествами. Несмотря на разницу в возрасте, он всегда был и остается для нас примером. Среди всей азербайджанской интеллигенции Сейран прозрачен, вплоть до мельчайших нюансов, никогда ни перед кем не отступает, и каждое слово, сходящее с его уст – мудро. Еще раз хочу сказать, что Сейран Сехавет принадлежит не только городу Физули, Гарабаху, он принадлежит всему Азербайджану.

АНЕЛЯ ОРДУХАНОВА (переводчик): Все произведения Сейрана Сехавета на русский язык, с любовью и участью у него, перевела я, и горжусь этим.

СИРАДЖ МУСТАФАЕВ (читатель): Сейран Сехавет смотрит на людей только с одной позиции – с позиции Любви!

СОЛМАЗ СУЛЕЙМАНЛЫ

Улетаю

**Улетаю... Я опять одна
Чашу боли выпила до дна.**

**Улетаю, мочи нет уже,
Как-то странно горько на душе.**

**Может быть, летя навеселе,
Я забуду думать о земле.**

**Улетаю. Руку не пожму,
Не заплачу, к сердцу не прижму.**

**Улетая, горько улыбнусь:
Я на землю больше не вернусь.**

**Даже тем, кто будет вечно ждать,
Никогда меня не разгадать.**

**Улетаю... Тихое «прости»...
Улетаю... С Богом отпусти.**

**С холодом и горечью в груди
Я встречаю то, что впереди.**

**Улетаю... Тяжело дышать...
Улетаю... Вам не удержать.**

Сердце

**Что разбушевалося?
Что тебе не спится?
Глупое, смешное
Сердце, хватит злиться!..**

**От дождя косога
На дорогах слякоть,
А тебе бы только
Жаловаться, плакать.**

**Не стучи так часто,
Дай пожить спокойно.
От твоих ударов
Нестерпимо больно.**

Для любых прохожих –
Двери нараспашку,
Раз кафтан снимают –
Отдаешь рубашку.

А само больное,
По тебе и видно –
Глупое, большое,
За тебя обидно!..

Я уже не знаю,
Как с тобой ужиться...
Что разбушевало?..
Что тебе не спится?..

* * *

Распадается душа
Прахом,
Перед ней опять стоит
Плаха.
Распадается душа
Плача,
Ледниковый период
Начат.

Растекается весь мир
Тушью,
И приставлены к вискам
Ружья.
Растекается весь мир
В лужи...
Этот мир мне больше не
Нужен.

Застилаются глаза
Пылью,
У меня хотят отнять
Крылья.
Застилаются глаза...
Жить наощупь...
Может ТАК мне будет чуть
Проще?

Осыпаются мечты –
Осень...
Не догоним мы ее,
Бросим.
Осыпаются мечты
Фреской.
Ну, а с кем мне их делить?..
Не с кем...

* * *

**В полусвете, в полумраке –
Далеко...
Кто-то в старом черном фраке,
У него**

**То ли рядом, близко-близко,
То ли где,
Мое сердце, как монисто
На руке.**

**В полудымке, в полупьянке
Надо спать,
Сердца нежного останки
Не собрать.**

**Надо свыкнуться, иначе –
Умереть,
В полукрике, в полуплаче
Замереть.**

**Кто-то в старом черном фраке
В тишине...
В полудымке, в полупьянке,
В полусне...**

* * *

**Ты сделан из камня.
Ты высечен мстью.
Мы вроде бы порознь,
А вроде бы вместе.**

**Я вскормлена болью,
Сыта до упада
Не хлебом и солью,
Не медом, не ядом.**

**Как две параллели
Нас начертили,
И мы повзрослели...
Но не простили.**

**Мы из преисподней,
Мы - чёртовы чада,
Нам надо сегодня,
Нам завтра – не надо!..**

**Мы время забудем,
Мы душу заложим,
Но вместе не будем...
И порознь – тоже.**

* * *

Я сегодня хочу до дна...
Я спокойна, и я одна.

Только пепел от сигарет
Знает то, что меня здесь нет.

Я сейчас на таком краю,
На котором нельзя, стою.

Отражаясь в глазах зеркал,
Полный боли допью бокал.

То ли правда, а то ли бред,
То ли ангелы плачут вслед,

Но допив свой бокал до дна,
Я спокойна, и я – одна.

Растворяюсь среди февраля
Под звенящую дрожь хрусталя...

Сказка

Снегом побелена,
Ветром обстругана,
Ночью навеяна –
Просто придумана.

Словно болото,
Тайной манящее,
Сказка про что-то
Непроходящее.

Необъяснимое
И необъятное,
Невыразимое,
Невероятное.

Не перелетное,
Не быстротечное,
Не мимолетное,
А – бесконечное!..

Ветром обстругана,
Снегом побелена...
Жаль, что –
 придумана,
Жаль – что не верю ей...

ЭЛЛАДА ГОРИНА

Эллада Горина родилась и выросла в Баку, в семье врача и биолога. Детство провела на улочках Ичери Шехер, впитывая его неповторимую атмосферу древних тайн и вечной юности. Семья много времени проводила в Москве. Прогулки по паркам, посещение исторических мест и музеев, картинных галерей и выставок вызывало множество чувств, размышлений и пробуждало желание творить. С тринадцати лет писала рассказы и зарисовки, сочиняла стихи. Закончила 189 городскую школу, которая славилась атмосферой творческого самовыражения и креативности, недаром многие члены КВН являются именно ее выпускниками. Поступила в Азербайджанский Государственный Медицинский Университет. С третьего курса параллельно работала в Республиканском Токсикологическом Центре под руководством своего отца, профессора Эльдара Эмильевича Горина. Столкновение с миром медицины стало важным опытом, послужившим в дальнейшем основой для некоторых произведений. Закончив с отличием обучение, занялась перинатальной психологией – психологией беременных женщин и вынашиваемых ими детей, создала первый в Азербайджане клуб для беременных «Нежная мама», позднее – «Һарру тата», в котором будущие матери готовились к родительству физически и психологически. Продолжила обучение в Московском институте Психотерапии и Клинической Психологии и на данный момент ведет деятельность психолога-консультанта, перинатального психолога, телесно-ориентированного терапевта и арт-терапевта. Проводит консультирование, тренинги, ведет группы.

Рассказы «Автобусное» и «Мелодия» были представлены на сайте kultura.az. Рассказы «Горький шоколад» и «Автобусное» – в альманахе «Тамга». Некоторые стихи были включены в российский сборник «Книга оранжевых облаков». Несколько зарисовок и рассказов, в том числе рассказ «Стены», в скором времени выйдут в российском сборнике «Знак ответа».

Рассказ «Дача ветров» был написан летом 2014 года, он «родился» в течение нескольких дней, из витавших в воздухе историй почти вековой давности и дня сегодняшнего.

ДАЧА ВЕТРОВ

Рассказ

Когда Агаяр начал строительство дачи, его отговаривали возводить дом на холме – слишком ветрено. Агаяр же и его жена Нина шутили – нас свел и поженил ветер.

Родители Нины перекочевали в нефтяной Баку в начале двадцатого века в поисках лучшей доли, оставив все, что у них имелось, в Пензенской губернии. А имелось негусто – старая изба, полумертвое поле да три могилки на кладбище.

Нина – глаза живые, волосы светлые, вьющиеся – умница и на все руки мастер уродилась. Ни в учительницы, ни в библиотекари не пошла, работу выбрала по своей мастеровой душе – на нефтяных скважинах Биби Эйбата и Балаханы. Курировала и старые колодцы, и новые бурильные установки, с мухтаровским станком управлялась почище, чем с кастрюлей каши. Любила всем сердцем дело свое и всю эту степь, солнцем выжженную, с редкими травами, заболоченную мазутом – каждый раз у девушки дух захватывало при виде пыльного желтого ландшафта.

Агаяр же продолжал семейное дело врачевания, и в Балаханы был направлен вскоре после окончания медицинского факультета. Там, у одного из старых колодцев они с Ниной и столкнулись – он, спешащий оказать помощь рабочему, плечо повредившему, и она, с ящиком инструментов бегущая во весь опор, устранять неисправность.

День был ветреный, одной рукой каждый из них добро свое крепко придерживал, другой – Агаяр фуражку, срываемую порывами Хазри, нахлобучивал, а Нина ладонью от солнца прикрывалась, так и столкнулись.

Любовь у них приключилась. Тогда на роскошь воркований не было времени и сил: бесконечные вереницы больных требовали излечения, новые скважины – постоянного присутствия. Жизнь подчинялась закону служения, и среди частых разъездов и расставаний главной заповедью любви являлась согревающая сердце память о том, что влюбленные принадлежат друг другу. Редкий безмятежный вечер в кругу семьи был высшей радостью и наградой для молодых.

Накануне начала школьной поры их дочери война началась, Агаяр фронтовым врачом ушел, с тяжким сердцем оставил семью, зная, как рвется враг заполучить бакинскую нефть. Нина в тылу трудилась, не помня себя от усталости и каждодневного страха получить похоронку. Тяжелые времена, о которых если кому-то всю правду рассказать – не поверит или того хуже – донесет и отправят всю семью в ссылку.

После войны – без отдыха-продыха – снова строительство, восстановление каждого миллиметра жизни. Тогда мало говорили, редко обсуждали за время разлук пережитое – всего не расскажешь, не упомнишь, не всякое слово, на сердце ноющее и готовое с уст сорваться, сказать решишься. Агаяр и Нина, как и прочие многие жители огромной Родины, без остатка принадлежали своему времени, на благо семьи и общества трудились, детей поднимали. Любить детей – значило накормить их и выучить. А на слова скупа любовь была.

А когда в 50-х годах вернули людям возможность на десятилетия отнятую – дачи на побережье Каспия строить, земельный участок Агаяр одним из первых получил. В то время он уже в администрации одной из старейших больниц города – имени Семашко – должность имел. Соседей поначалу немного было – несколько человек, также, как и он, получивших по новому куску земли, и пара вернувшихся на свои заброшенные со времен революции участки, где виноградники козами были выедены. Агаяр тут же с энтузиазмом взялся за озеленение участка и с неожиданно проснувшейся страстью радовался всякой травинке, любому бутончику, каждому прижившемуся на трудной абшеронской земле саженцу. Случалось, во время беседы с новой привитой веточкой или в час полива сердце прихватит у бедолаги, так он флакончик с нитроглицерином из кармана нагрудного достанет, откинет крышку, парочку таблеток в рот закинет и продолжает свое занятие.

Со временем в округе не стало равных ему в садоводческом деле. Соседи нередко звали его на чай, выпрашивая советы и прося помощи.

А какая слава шла о Нининых пирожках и блинах! Даже соседка Джейран, вечная завистница, которая слова доброго ни о ком не скажет, утверждала, что у нее текут слюнки при виде испеченного Ниной огромного сладкого блина, нежного и ноздреватого в середке и с волшебной кружевной корочкой по краям, ах, ах!

Так, бывало, и сидят Нина и Агаяр с соседями, сообщая раздумывают, где да что пристраивать нужно, что в доме подлатать, советуются, как чердак переделать, насколько веранду выдвинуть, да где краску брать и в какой цвет крышу покрасить.

Потом по традиции обязательно о море говорят, какая вода была сегодня, и насколько сместилась береговая линия с начала века, раньше здесь вот плескалось, где мы с вами сидим, а сейчас далеко отошло. Позже, под мерцающим небом, уютно собравшись вокруг керосиновых ламп, в которые бесконечно бились влюбленные в свет мотыльки, почти шепотом спорили о первых секретарях Компартии, вздыхали о невозвратных потерях войны прошедшей, шептались о том, кого из соседей в лагерь забирали, вспоминали былых друзей и делились историями о нынешних и снова возвращались к разговорам о домашних хлопотах, кто из детей чем переболел, и какие школьные успехи у их сорванцов и покладистых отпрысков имеются.

Так жизнь и шла, деревья поднимались, дети росли.

* * *

Светловолосая, восемнадцати лет от роду дочь Нины и Агаяра – Марьям, названная в угоду обоим родительским родам – славянскому и тюркскому, катается на велосипеде по дачному песочку и, прищурившись, заглядывает за низкий забор. Ей хорошо виден соседский двор – Вадик Ванштейн, по прозвищу «Ваня», в которого она томно влюблена, поливает землю перед небольшим дачным домиком. Сердце девушки замирает от необъяснимой уверенности – сейчас он обернется на нее и от взгляда его темных глаз провалится сердце в живот. Так и случается, и Марьям, резко срываясь с места, едет дальше вдоль забора. «Прямо сейчас Вадик выйдет и наконец скажет что-то важное», – загадывает Мариша. Желание исполняется – из-за ворот появляется Вадик и, перегибаясь через агаяровский забор, спрашивает: «Мариша, а ты поехала бы в Америку?»

– А?.. Я кто – Христофор Колумб? – прыскает юная девушка и мчится на другую сторону участка в наказание незадачливому кавалеру. А про себя вздыхает: «Нет, не сбылось желание...»

* * *

Для Агаяра-младшего, второго сына Мариши, дача – целый сказочный мир. Это и смелый пиратский корабль, и настоящий рыцарский замок, в бане живут драконы, в строящемся бассейне он ищет старинный клад, а на чердаке, там, где обосновались очень милые филины, мальчик рисует и рисует без остановки.

В самую жаркую июльскую ночь на крыше дачи прохладно, Хазри с силой обдувает дом на холме, заставляя хозяев и гостей зябко поеживаться и кутаться в старые одеяла, поет песни о далеких северных странах, делая ум острым, а сердце отважным. В августе небесная твердь становится тягучей, и звезды плавятся в зное – жаркий гилавар крадется по смоковницам и шепчется с виноградными лозами. Высушивает землю, забирая влагу до капли, даруя сводящую с ума ароматом приторную спелость инжиру и виноградной грозди.

Но безжалостен суховея к людям, вызывая нездоровый жар в груди и ленивые, бессвязные мысли.

Ранним утром и по вечерам Агаяр отправляется с матерью на море. В ветреную погоду, раскинув руки, бросается в высокие пенные волны и кричит от восторга. Лежит, распластавшись на морской поверхности, в те дни, когда воздух не шелокнется, и море гладкое, как чай в блюдечке.

Еще он любит бывать на пляже с соседскими ребятами – с мамой интересней собирать ракушки и строить замки, но с ними можно заплывать далеко и нырять по-

всякому до умопомрачения, стоять в море на руках и топить друг друга, а после обесиленным валяться на жгучем песке. И совсем не страшно, а наоборот, повод для гордости – сознаться ребятам, что попал в воронку.

Поэтому время от времени Агаяр сбегает с товарищами к морю в середине дня, когда солнце в зените и обжигает непоседам-мальчишкам спины. Мариша бранит сына и смазывает обожженные участки домашним кефиром. Кожа горит, но блаженное состояние охватывает мальчика от ощущения материнской заботы и чувства тайного превосходства: матери невдомек, что его ожоги – не самая страшная опасность из тех, что подстерегали его на море.

На даче Агаяр принадлежит самому себе – мама не гоняет строгими окриками, как в городе, а Джамалу и Джамиле, как обычно, не до него – двойняшки предпочитают играть вдвоем. Лишь изредка удается уговорить их принять его в свою команду, чтобы соревноваться в силе и скорости или искать сокровища – только когда для игры им не хватает третьего.

Агаяр замечает, что в последнее время брат с сестрой играют реже и все чаще шушукаются по телефону или сидят во дворе, болтая с друзьями, бренчат на гитаре. На дачу их и вовсе не затащишь.

Мама и злится – вчера неразлучные двойняшки снова остались в городе, несмотря на строгий наказ сразу после дня рождения товарища, ради которого они поклялись еще день, приехать рейсовым автобусом в поселок, а оттуда пешочком добрести до дачи, если уж не соизволили позавчера приехать на новенькой «Волге», посланной за ними отчимом.

Агаяр-младший гоняет по дачному участку на выдавшем виды материнском велосипедике, но услышав плеск воды, резко тормозит. Спускается с седла и осторожно раздвигает ветви прижавшегося к забору ийде (лохового дерева), без сладких, мучнистых плодов которого не обходится ни один праздник Новруза. За молочной зеленью цветущего и восхитительно ароматного в начале лета дерева виднеются соседский бассейн и фигурка девочки в гамаке. Агаяр знает эту девочку – каждый день в нарядном купальнике она с сестрами плещется в сложенном из крупных камней бассейне. Ему даже известно ее прекрасное имя – Наида.

Наида с интересом разглядывает свои тапочки, затем неторопливо поднимается, приближается к бассейну и садится на бортик. Сердце гулко стучит в груди мальчика, нечто непривычно волнуящее распирает грудь. Наида не торопится прыгнуть в воду. Агаяр уверен – прыгни она, и его напряжение уменьшилось бы, но нет, девочка медлит и ему все труднее совладать с собой, он уже готов убежать и вернуться к своим замкам и кладам.

Вдруг, словно ненароком, лямка купальника девочки соскальзывает и обнажает часть незрелой, уже начавшей набухать груди.

Агаяр срывается с места и мчится к дому, мечтая оказаться поскорее у себя на чердаке с филинами. Но по дороге натывается на только что приехавшего деда, в честь которого назван, и с пунцовыми щеками, заплетающимся языком пытается дать ответ на вопрос: «А куда это вы так спешите, молодой человек?»

Агаяр-младший что-то мямлит, но дед, не трата времени даром, уволакивает внука вслед за собой, к любимым деревцам и розовым кустам и, даже не переодевшись с дороги, начинает полив. Агаяр-младший обожает поливать сад вместе с дедом, зная, что, несмотря на недостаток воды в этих местах, вечную необходимость ее экономить и покупать за немалые деньги, тот найдет пару ведер, чтобы облить внука с

головой до ног под жарким абшеронским солнцем. Тем более, что сейчас это мальчишке совсем не помешает – он надеется, что ведро ледяной колодезной воды остудит и смоет заставшее его врасплох будоражащее томление.

* * *

Мариша просыпается поздно – в последние дни она чувствует себя разбитой, весь день ее так и тянет прилечь в не застеленную с утра постель, а самые простые повседневные дела кажутся непосильными. Обеспокоенный Аслан, нынешний муж Мариши, уговорил ее сдать анализы. Отец настаивал на том же, подозревая инфекцию, а против его авторитета у Мариши аргументов нет. К тому же, она и вправду чувствует себя нехорошо.

Ссоры со старшими детьми – Джамкой и Джамилькой – радости и здоровья не прибавляют. Эти двойняшки всегда вместе повсюду, с детства шумливые шалуны и выдумщики-затейники, не в пример своему отцу – первому мужу Мариши.

Он был печальным художником, тихо обожающим Маришу – жену и музу. Человек, помешанный на искусстве, не способный на корысть, безо всякой деловой хватки, – он быстро сгорел. Сгубил себя бесконечными трудными размышлениями, жадным круглосуточным творчеством и тоской по неумению пробивать свои детища, так и не совместив доставшийся ему талант с окружающей действительностью. Изможденный, сгорел от туберкулеза, как будто на дворе не вторая половина XX века и жил он не в окружении семьи врачей. Ничто не помогло вырвать этого не от сего мира человека из замкнутого круга творческих запоев, неприкаянности и последовавшей болезни – таковы были его натура и воля. А когда-то они были красивой парой – восточный красавец Ибрагим и необычайно привлекательная Мариша, доставшиеся от матери славянские черты которой тонко смешались с наследием тщательно скрываемой бекской крови отца.

Кроме нескольких картин – остальные еще при жизни Ибрагим раздарил и раздал родне, друзьям, приятелям и почти посторонним людям, исподволь лелея надежду на признание – осталось от него из того, к чему можно прикоснуться, трое детей, не похожих на отца ни внешне, ни характером, разве что Агаярчик рисует с удовольствием.

«Два моих Джема» – так Мариша ласково зовет двойняшек, ее любимчиков, которые в последнее время доставляют ей массу хлопот. В отличие от отца, полностью принадлежавшему своей миссии, они росли общительными, веселыми и озорными. Подросли, и вот теперь оба качают права. Волосы носят длинные. Ну ладно, Джамия, она девочка, хоть и отказывается волосы в пучок и косы собирать, так и ходит кудрявым ежиком, а сын? Он же мальчик! Уже и в школу Маришу требовали по этому поводу, да слава Богу, лето началось. К сентябрю их уговорить надо привести головы в порядок.

А теперь еще новости – на дачу они, видите ли, не хотят! Им по 14 лет почти, а на уме только посиделки, прогулки с друзьями, бесконечные дни рождения и болтовня по телефону. Вечерами пропадают во дворе. Как с ними справляться, Мариша ума приложить не может. Устала безмерно и даже не знает, откуда эта слабость навалилась, будто что-то мучает ее исподволь. Хоть плачь от безысходности.

Аслан, муж Мариши, как и ее отец, по профессии – врач, и не простой, а главный в Центральной больнице нефтяников – за нее сильно волнуется: не девочка ведь, тридцать пять уже, но на детей не давит, слова строгого не скажет.

Станным образом в семье ее нынешнего мужа были нередки случаи женитьбы на разведенных женщинах и вдовах – особая лояльность, какую редко встретишь в традиционной азербайджанской семье. Детей этих женщин вся семья привечала и баловала не меньше, чем «своих».

Доктор Аслан оберегал «двух Джемов» – то ли следуя негласному закону своего рода, то ли искренне полагая, что подросткам так себя вести полагается. Вот и оказалась Мариша одна посреди поля брани. Вчера ей пришлось в поселок ездить, чтобы домой позвонить и потребовать от двух Джемов назавтра непременно явиться.

«Ничего, часть пути пешком пройдут, второй раз не захотят», – поймала себя Мариша на раздраженном злорадстве, но уже через пару минут материнское сердце оттаяло и начало детей жалеть.

Сегодняшним утром Мариша поднялась в добром расположении духа – на расвете приснился ей прекрасный сон. Снился прежний любимый, тот, с которым она встречалась несколько лет после того, как мужа похоронила и от души оплакала. Планировали они с Афганом пожениться, родить общих детей, вести спокойную размеренную жизнь – рабочие будни, тихие вечера, поездки за город на выходные.

Но потом все неожиданно развалилось. Не оттого, что плохого вдруг оказалось больше, чем хорошего, а потому, что не находилось такого хорошего, ради которого плохое хотелось превозмочь. В одночасье они прекратили то, что длилось четыре года, отменив свои совместные планы и мечты о будущем, вместо них оставив на память друг другу горечь в сердце.

Во сне Афган взял Маришу за руку и ласково заглянул в глаза. Пожимая нежно руку, просил прощения, говорил, что любит, просто не вышло у них, и он сожалеет. Но всегда она может рассчитывать на его поддержку.

После сна Марише полегчало, что-то давнее, тяжелое в солнечном сплетении, на что с течением времени она перестала обращать внимание, отпустило.

Мариша потягивается, прогибается в ноющей пояснице. «Люблю я нашу дачу, – думает, – хорошо здесь. Ветер особенный, его всегда много, больше, чем в любом другом месте. Сядешь на веранде, ни о чем не думаешь, а ветер обвевает тебе спину, треплет волосы. Ни о чем не хочется думать. Счастье!»

Снизу доносятся голоса, Мариша удивляется – папа приехал? Эх, знала бы раньше – попросила бы Джемов привезти.

Мариша спускается по выкрашенной синей краской железной лестнице, смеется – перед ней два Агаяра – ее отец и младший сын – хлещут друг на друга из ведра. Мариша здоровается с отцом, обнимает, ощущая родной отцовский запах.

– Где Аслан? – спрашивает отец, окатывая водой Агаяра-младшего.

– В конце недели будет, – Мариша проводит руками по пояснице, повторяя обещанное мужем, с надеждой в душе, что тот сделает сюрприз и объявится раньше.

– А старшие где, Джамки наши?

– Скоро уже должны быть. Автобус к часу подъезжает, а на часах – почти полвторого. Скоро дойдут.

– Что так? – отец удивляется, хмурится, потом от души хохочет, пока Мариша рассказывает ему о старших внуках, а под конец рассказа немного журит дочь. – Марьям, детей надо в строгости держать... Я не говорю, запрещай им все, знаю – не те времена. Но строгость нужна, дочка.

– О-о-о-х, стараюсь, не слишком выходит, – сокрушается та в ответ. – Мама приедет?

– Вечером сегодня.

Марьям отправляется в летнюю кухню, к ней заглядывает соседка, они мирно болтают о своем, делятся рецептами, сокрушаются о загруженности мужей и умудряются жаловаться на детей так, что за каждым сказанным словом слышится гордость за свое чадо. Не прекращая беседы, Мариша придирчиво осматривает овощи, отбирает несколько ароматных помидоров и твердых огурчиков, кладет рядышком головку лука и привычным размашистым движением приступает к нарезанию салата.

В ожидании Джамали и Джамала она все чаще бросает взгляды на дорогу, часть которой видна из летней кухни – с минуты на минуту дети появятся.

... Кто знает, как это бывает?.. Неожиданная тревога захватывает ее, расплывается по животу, поднимается к груди, душит в горле. Краем глаза Мариша видит младшего сына, наблюдающего за ней, но не в силах с собой совладать и, слова не молвив соседке, она бросается в угол летней кухни, откуда открывается вид на дорогу...

... Агаяр-младший, мокрый с головы до ног, отколупывает побелку с неровной колонны – опоры верхней веранды. Если выглянуть, то становится видна кухня, – вот мама, улыбаясь соседке, нарезает его любимый салат. Только больше ему по вкусу, когда без огурцов, тогда помидорчики с луком дают много сока и так вкусно горячий хлебушек макать!

Внезапно на лицо матери набегают туча, оно искажается в тревоге. Ему видно, как, бросив нож, она кидается в угол кухни и, заломив руки, отчаянно всматривается вдаль. Материнская тревога передается ему, сердце колотится, а тело цепенеет. Сжавшись комочком, он возвращается взглядом к столу, на котором, еще минуты не прошло, как мать нарезала салат. По крашенной белой столешнице разлетается кожура, не дочищенная головка лука перекатывается из стороны в сторону. Недоумевающая соседка зовет мать, спрашивая, что случилось, ее голос раздражает, хочется прикрикнуть на нее, чтобы замолчала... На веревке полощется белое белье... рвется, громко прихлопывая, с веревки, хлоп-хлоп, срывается, улетает...

... А дальше как во сне... На дачу заходят незнакомые люди, несколько незнакомых человек в сопровождении соседей, но гул такой, будто толпа из сотни, они говорят, что рейсовый автобус перевернулся, что шофер третьи сутки не спал, четверо погибли, есть раненые, бедная Мариша, какое горе, несите валерьянку, посеревшее лицо деда, мамин крик, от которого в жилах стынет кровь, тяжелые живот и ноги, язык не ворочается, невозможность поверить в то, что Джемы больше не придут, не заявятся со своими шутками, не станут дразнить, не согласятся поиграть, страх, что мамино лицо навсегда останется таким, и теперь на него, Агаяра, никто никогда не обратит внимания, что он навеки виноват, неизвестно в чем, но виноват. И поток людей, кастрюли, кто-то куда-то едет, просят машину, возвращаются, говорят о мечети, о кладбище, дед скрипит зубами, или нет, это в голове у него мысли скрипят, или только песок под еще влажными пятками...

«Этого не может быть», – думает он, «этого не может быть», – доносится со всех сторон, «этого не может быть», – висит в воздухе. Там, в далекой Африке, страшной Америке, на худой конец, где-нибудь в Сибири, где жили декабристы, но не здесь – в Баку, у моря, на самом веселом пляже, не у них в семье, не с ним!..

Мама лежит на кровати внизу, туго свернувшись. Вдруг резко поднимается и, согнувшись в три погибели, рыдает. Вот и отчим – откуда он взялся? – бежит к ней, хватая голову мамину, прижимает к себе, гладит и кричит почти: – Мариша, я тебя

прошу, я тебя умоляю, умоляю, скажи, что мне сделать! Тебе нельзя так, Мариша, ты беременна!..

* * *

На поминках среди огромного количества родственников и друзей присутствовали бывший сосед по даче Вадик, по кличке «Ваня», с женой, прилетевшие из-за океана. Оттепель, случившаяся между двумя державами, позволила этот недолгий визит. Мариша печально разглядывала первого возлюбленного и отчаянно желала думать, что именно он во всем виноват, своей нерешительностью лишив их совместного переезда в Америку, где все сложилось бы иначе. Казалось, сама такая мысль могла принести странное облегчение, но почему-то не выходило.

* * *

– Продать дачу? – ошеломленный Агаяр прекращает возню по хозяйству и откладывает молоток. Все еще привлекательный мужчина – глаза – колкие морские брызги, волосы – соль-перец вперемешку, усы-борода – аккуратный снежный сугроб с двумя темными проталинами, худощавый с сутулинкой – он ощущает себя стариком.

Непонимающе глядит на собственного сына, внука своей матери Марьям и правнука своего деда – Агаяра, построившего ту самую дачу. Дачу, о продаже которой с такой легкостью сейчас рассуждает Дан.

– Да, папа, это отличный вариант. В смысле – лучшее из того, что мы можем сделать. – Дан, опершись на дубовую барную стойку с орнаментом «бута», говорит уверенно, тоном человека, знающего толк в подобных делах.

– Это невозможно. У тебя голова не работает, Дан. Вы с сестрой как будто не любите дачу.

– Любим, ты же знаешь, мы выросли здесь. Я каждую осень привожу сюда саженцы, потом по мере сил ухаживаю за ними. Мы любим дачу, мама ее любила. Просто не обязательно то, что любишь, держать при себе...

– В смысле?

– В смысле... Послушай, Ясмин переехала с концами в Америку, вышла замуж, это уже все, навсегда, ты же понимаешь? Твой младший брат скончался, Allah gəhmət eləsin. Работаю я, в основном, в Европе, осваиваю Азию... я – повар, стараюсь раскрутиться, все время в разъездах. Наш дом – твой дом – на Советской вот-вот снесут. Что мы тебе купим на те деньги, которые ты получишь? У меня собственной квартиры нет – снимаю, и жить со мной ты не хочешь. Жить здесь, на даче, невозможно – дом для зимы не годится. К тому же ты хочешь бывать в городе – у тебя там студия, выставки, друзья приезжают. Нам надо продать дачу, и тогда ты сможешь купить что-нибудь приличное в городе. Ты – творческий человек, не какой-нибудь закоснелый торгаш, сидящий на денежном мешке, должен же понимать, что бывают в жизни такие ситуации, – Дан развел руками.

– Это невозможно! Продать? И кому? – Агаяр повторялся как заезженная пластинка, не в силах объяснить, что на свете существует такое «невозможно», которое невозможно и все, несмотря на все попытки сына силой расширить границы дозволенного для отца.

– Так я о чем тебе целый час толкую – наш родственник ее хочет купить, – продолжал Дан. – Ты слушаешь меня? Старший двоюродный дядя Лалы. Его устраивает цена, человек не торгуется особо, он и его жена – хорошие люди, будут все тут

беречь и самое важное – говорят, что мы сможем в любое время приезжать сюда и жить как дома. У них все равно наследников нет.

Уже в который раз разговор о продаже дачи Агаяр встречал глухим сопротивлением. Обрезая старые, заскорузлые ветви деревьев, поливая сад или за семейным ужином, он становился угрюмым и несговорчивым, как только речь заходила на болезненную тему. Но делать что-то нужно было и вправду – ситуация сложилась угрожающая, и не сегодня-завтра он мог остаться без жилья. Кроме того, дачу некому было завещать – его собственные дети, Дан и Ясмин, теперь граждане других государств, и их будущее – где-то очень далеко, за линией горизонта, океанами, степями, морями. Его единоутробный младший брат Юсиф – единственный ребенок Марьям и Аслана, известие о беременности которым совпало с тем страшным днем гибели двух Джемов, семьей так и не обзавелся. Юсиф ни к кому, кроме их общей матери, особенно привязан не был, а вот для нее был готов на все. Всю жизнь колесил, путешествовал – с самолета на поезд, с поезда на автобус, был здоров, как бык, никогда ничем не болел, а в этом году ровно в 46 лет отроду скончался от инфаркта. Точно так же и в том же возрасте, что и Марьям. В последнее время Агаяра навязчиво посещала мысль о том, что он и это ради мамы сделал.

Несмотря на все это, пожилой художник жил надеждой, что магическим способом дилемма разрешится и удастся обойтись без продажи дачи. Должен же быть иной выход! Но, то ли кому-то крепко задолжал род Агаяра, то ли судьба его испытывала, то ли просто была наобум, слепая – выход не обнаруживался.

Наконец, когда на бывшей улице Советская начались работы, и первые ряды домов оказались снесенными, Агаяр решил и, скрепя сердце, пригласил в гости потенциальных покупателей – родственников Дана со стороны жены.

Приехал и Дан с другом. Соседи по старой памяти зашли на огонек. Беседовали о том, о сем, о нехватке денег, о том, кто куда переехал и где чей сын работает, за кого дочери замуж повыходили, чьи внуки как учатся, о новых дорогах говорили, о ситуации в мире, о президентах; вспоминали былое, родителей ушедших, толковали о вареньях, пирогах, кебабе, о жаре, комарах, о том, как море близко подошло и теперь плещется там, где раньше пляжи только начинались, затопив железные зонтики, а кое-где даже рестораны, про южный ветер гилавар говорили, что для инжира хорош, но человека дурит и летом одно спасение – свежий северный хазри.

Агаяр, покинув гостей, спустился с веранды, присел на дряхлый диванчик за белыми колоннами. Вслед за ним спустился друг Дана – Расим.

– Тяжело, Агаяр-муаллим? – по праву давнего знакомства задал вопрос.

О Расиме ходили легенды, среди друзей слыл он человеком особенным, мудрым.

– Тяжело, Расим... Вы не понимаете, вы все не понимаете... Как я могу продать?!

И тут Агаяра как прорвало – он говорил о даче, рассказывал о каждом ее уголке, припоминал детали давних событий, рассказывал, как вот здесь ежика нашел, а вот там мать за отчимом погналась и хотела веником его ударить, в шутку-не в шутку, но погналась, а все потому, что не хотел он второй колодец рыть. И про филинов рассказал, как после смерти брата и сестры мать им хончу носила – по древнему поверью, эти птицы беду накликают, и избавиться от них можно только таким удивительным ритуалом. После птицы исчезли, но странным образом куда-то испа-

рили и все его рисунки, что он хранил на чердаке в небольшом ящичке.

Рассказывал о лице матери в тот день, когда двух Джемов не стало, и как вмиг он оказался старшим ребенком в семье. Как мать отказывалось после того ездить на автобусах – в каждом водителе искала убийцу своих детей, хотя того самого уже на свете не было.

Поведал, когда и с каких деревьев падал, как швы ему накладывали, говорил о бесконечной борьбе с камышом – его и жгут, и травят, и коней приводили, чтобы те его ели. Кони схрумкают сильные, гибкие стебли захватчиков, а они через полгода снова стеной стоят.

Вспоминал, как с будущей женой любимой – Гюлей – обручение здесь справляли, как каждый июнь гостей созывали и праздничным клубничным пирогом открывали дачный сезон. Как был он счастлив, когда Гюля в первое лето после свадьбы здесь, на летней кухне, нарезала для него свежий салат из помидоров с луком – после смерти старших детей Марьям-ханум больше никогда тот салат не готовила.

Рассказывал, как напивался здесь и прятался от родителей, как маялся от первой неразделенной любви, поведал о детях своих смешные и трогательные истории, которые с ними здесь приключались. Повторял впечатанные в память жесты, рассказывая, как дед поливал его ведрами воды и приговаривал: «Расти, тыква!»

Как находили они с Гюлей и детьми, и по сей день он, сам уже пожилой человек, находит старые разбитые пузырьки от нитроглицерина, что дед принимал, не отрываясь от дачных работ на такую мелочь, как сердечная боль. А баба Нина пекла самые вкусные в мире блинчики и пирожки. Невероятная была женщина, все любили ее, царствие ей небесное!

Агаяр все говорил и говорил, а взгляд его был устремлен не на Расима, а на те далекие образы где-то за пологом времен. Расим понимал, что это по-прежнему происходит сейчас и здесь – вот там маленький Агаяр подсматривает за девочкой, здесь баба Нина стряпает на кухне, в том конце сада дед поливает деревья, совсем рядышком играют маленькие Ясмин с Даном в мирном соседстве с двумя Джемами.

У Агаяра пересохло от долгого монолога в горле, но после краткой передышки он снова заговорил о матери:

– Расим, как сейчас вижу... бывало, подойдет она сюда вот, в угол летней кухни, вроде белье вешает, а сама смотрит вдаль, на дорогу, по которой дети ее любимые должны прийти были. Замрет и стоит, смотрит, ждет...

Ты знаешь, она ведь и ушла так... Здесь, на даче мы были. А она вдруг говорит – пойду-ка я искупаюсь, пригляди за Юсифом. Ему тогда годков десять было. Искупалась мама, привела себя в порядок, поверишь – даже накрутила немного, вернулась и попросила меня чаю налить. «Что-то я устала», – говорит. Принес я ей чашечку ее любимую с чаем. Она два глотка сделала, а потом резко развернулась в тот самый угол кухни, за которым дорога. «Кто-то меня зовет», – тихо, медленно так сказала и руку на сердце положила. Я ей говорю: «Мама, мама, никого там нет, посмотри на меня!» Какое там! – Агаяр махнул рукой, – смотрю, а у нее глаза стеклянные... Она уже в тот момент что-то другое видела, я к ней подбегаю, она и падает на меня замертво...

... Вот и что ты скажешь? Как продавать дачу? Это же предать...

– Не знаю, что и сказать, Агаяр-муаллим... Иногда любовь – это отпустить. Мне приходилось так поступать... – Расим больше для себя отвечал – мало веры в то, что услышан будет.

– Это для вас, молодых, любовь – это отпускать, – неожиданно прозвучал женский голос. Гудсия, соседка Агаяра по даче, дочь той самой завистливой Джейран, курила внизу и прислушивалась к их разговору.

Агаяр относился к женщине с недоверием – еще молодой девушкой Гудсия стала помогать престарелому соседу, после смерти которого присвоила его дом и землю, отобрав у родной внучки старика – но поддерживал с ней добрососедские отношения, унаследовав эту замысловатую традицию от жены.

– Сейчас у вас так модно: любовь – это отношения, кто кому и сколько сделал. А если что – отпусти. Вот внучка мне читает в интернете: «Отпусти, если оно твое – вернется», – Гудсия скривила губы в саркастической усмешке. Потом быстро, с какой-то хорошей жалостью взглянув на Агаяра, бросила Расиму: – Чтобы отпустить, надо, чтобы сначала оно стало твоим по-настоящему, а то ведь если кровью и потом не заработанное, не выстраданное, то что там отпускать-то! Попробуй, отпусти, если оно твое, и отпусти, не прячься от этого за словами, а грызя землю – отпусти, плача – отпусти!.. Вот так-то...

Агаяр почувствовал благодарность к Гудсии, которая, легонько похлопав его по плечу, вернулась к остальным гостям. Расим же, когда-то сам переживший то, о чем говорила соседка, ни словом не обмолвился – что толку в разговорах и советах.

– Расим, вот ответь мне – что делать, если выхода нет, если нет вариантов и продавать необходимо?..

Расим вздохнул.

– Могу только рассказать про себя, как поступал в таких случаях. И что бы сделал на вашем месте... Вы всю жизнь при этой даче. Вы ей принадлежите. Сделайте так, чтобы она принадлежала вам. Не вы при ней, а она при вас.

– Конечно, я при ней, а как же еще?.. Она при мне?.. Но как это, я не понимаю...

– Все эти воспоминания... они же – ваши. Они навсегда с вами, пока вы живы. Куда вы отнесете их, там и будет им место. Посмотрите вокруг – этот дом, сад, колодцы, веранды – они, конечно, хороши сами по себе, но для вас они особенны, потому что в них живут ваши особенные переживания. Где бы вы ни были, куда бы ни переехали – они останутся при вас. Наверное, раз ситуация такова, надо научиться вспоминать не здесь, как бы символично и привычно это ни было, а перенести все в свою голову и носить с собой повсюду. Мобильная версия, – Расим улыбнулся, хотя и не был уверен, что Агаяр сейчас способен оценить его шутку, и вряд ли прислушается к сказанному.

– Превратить все в воспоминание и носить при себе? Не знаю... не понимаю...

Агаяр вернулся к родным и гостям, присел за стол и принялся наблюдать, как ловко по-хозяйству управлялись Дан и его жена Лала – грязная посуда незаметно исчезала и будто сами по себе на белой скатерти появлялись новые блюда – ширин-плов, кебаб, стаканчики с холодной, густой довкой, зелень, сбрызнутая водой.

Эх, как ни кумекал хозяин дома, как ни старался исхитриться и сохранить дачу, ан нет – не вышло. Пришлось встретиться с вопросительным взглядом родственника, пожелавшего ее приобрести и дать добро на продажу. По рукам? По рукам! А казалось, словно по головам. Выпьем на радостях? Выпьем! А чувствовал себя, как оплакивающий. Будешь приезжать? Оставайся, живи, сколько хочешь! Буду, куда же я денусь! А думал про себя – нет, никогда теперь уже.

После пары распитых бутылок вина будущий хозяин дачи стал планами с рядом сидящими делиться – вот здесь дорожки проложу, чтобы удобнее ходить было, баню,

прости тысячу раз, Агаяр, снесу и буду в доме новую строить. Ворота тоже новые поставлю, куда же без них, эти бессменно лет тридцать служат, верно? Ну, а со временем и дом новый построю, а здесь гости оставаться будут, вот и Агаяр с семьей приедет, верно, Агаяр?.. А где Агаяр?!

* * *

Дрожащими руками Агаяр чиркает спичкой, поджигает газету и старается сбросить пламя на деревянные части кровли и веранды, уже пропитанные бензином. Первые языки вялые, словно озираются с удивлением – Агаяр, в уме ли ты, собственными руками дом свой поджигаешь? Но недолгие у огня сомнения – пламя разгорается, слышен первый сильный треск горящей балки. Перед глазами плывет, в облаке дыма мечутся вскочившие из-за стола друзья, соседи и родственники, кто-то кричит – «воды, скорей!», «огнетушитель вниз!» и, уже почти усевшись на землю, Агаяр, с трудом ворочая камни мыслей, присел без чувств на месте – «эх, про огнетушитель я и не подумал...»

Расим подхватывает ослабевшего мужчину под руки, Дан поддерживает со спины и льнет головой к отцовской голове.

– Агаяр-муаллим.. эх, что же вы... – почти шепотом сокрушается Расим.

– Я все, как ты говорил, хотел сделать – превратить дачу в воспоминание... Чтобы она всегда теперь при мне была...

* * *

Дачу все-таки продали, инцидент замяли, покупатель-родственник отказался даже обсуждать его, все повторял: «Я все понимаю, прекрасно все понимаю, и не переживайте даже, там ущерба манатов на сто», а что думал про себя – Бог его знает.

Дан, как и планировал, разъезжает с женой по миру, проводит кулинарные мастер-классы и изучает кухни разных стран.

А Агаяр живет теперь в своей небольшой студии в Ичери шехер. Не стал дожидаться, пока их старый дом на «Советской» снесут – переехал. Нет ни сил у него, ни желания прощаться, наблюдать, как ускользают и становятся историей мгновения его прежней жизни теперь и здесь, в городской квартире.

В мастерской он часами трудится над картинами – сценки с отдыхающими на фоне морских пейзажей, жизнь центральных улиц, сюжетные зарисовки в лабиринтах Ичери шехер. Но чаще всего руки его на холстах очерчивают контуры дачи в разные годы ее существования – со времен пустоши до зарослей винограда, инжира, розовых кустов и высоких сосен.

«Чаепитие в сумерках», «Утреннее», «Хмельной мамин велосипед», «Кокетливая ляжка», «Дача ветров» – сюжеты его картин рождаются из памяти геометрией ярких воспоминаний, светом теплых образов, волнующими фантазиями.

Зажмурившись, белобородый Агаяр вспоминает вазу, преподнесенную соседями по поводу его поступления, мамы подсвечники, садовые ведра деда и отцовский молоток, чтобы вырисовать до последней детали правдоподобную копию, а люди на многоцветных полотнах неуловимо напоминают тех, с кем он состоял в родстве, дружил, водил знакомство.

Агаяр нарисует, затем долго глядит на картину, будто фильм смотрит. И ждет не дождется приезда внуков – двойняшек, детей дочери. Ясмин еще студенткой уехала в Америку, там познакомилась с молодым человеком из Хьюстона и вышла

замуж, страстно полюбив его и тexasские степи без конца и края – внезапно оказалось, что по необъяснимой причине питает она слабость к видам пыльных пустынных ландшафтов и металлических контуров буровых установок на горизонте.

Дочь в скайпе Агаяру малышей показывает, громко, с жаром утверждая, что они «ужасно, ужасно похожи на бабушку Марьям», фотографии которой Ясмин с интересом изучала в детстве, часто сожалея, что не застала ту в живых.

С тем же чрезмерным ажиотажем она демонстрирует отцу крыльцо их нового с мужем дома – точную копию входа на первый этаж бывшей дачи. Современная, элегантная, дорогостоящая копия. И даже флюгер – двухъярусный цветок – молодая пара подобрала почти такой же, какой несколько десятков лет играл с ветром на крыше старой бакинской дачи.

У Ясмин сердечко замирает, когда она видит усталое, со следами горьких раздумий лицо отца. Старательно показывая ему дом и внуков, дочь стремится приободрить Агаяра, заразив своей пылкой увлеченностью. Тем самым сподвигнуть отца перевернуть страницу и начать новую веху жизни.

И знаете, работает – лицо Агаяра проясняется, он приглаживает волосы, в которых теперь соли больше, чем перца, с интересом рассматривает новые приобретения дочери и болтает с внуками. С нетерпением, воодушевленно, ожидает белобородый художник летнего приезда родных. Вдохновенно трудится над картинами, чтобы было, что показать американским внучатам. Рисует, стирает, правит, с упоением кладет мазок за мазком. Без особого труда и как-то незаметно для самого себя распродает остальные работы, но дачную серию – ни-ни!

Его легко застать в мастерской в позе с протянутой к холсту рукой, с взглядом, обращенным вглубь себя, шепчущим себе под нос: «Не я при них, а они при мне... они при мне, а не я...»

* * *

– Мама, а что дядя рисует? – пятилетний мальчик терпеливо ждет, пока мама отряхнет и заправит ему маечку в помятые шортики.

Они только вышли из студии Агаяра, куда забрели во время прогулки. Молодая мама, воспользовавшись подвернувшейся кстати возможностью, завела сына в выставочную зону мастерской, сама же продолжила говорить по телефону. Изредка скользила оценивающим взглядом по картинам, оборачивалась, отыскивая сына. Тот нависал над картинами, ухватившись маленькими пальчиками за края рамки, приседал перед ними и задавал вопросы художнику, в углу вытиравшему тряпкой руки.

Теперь, по окончании просмотра, когда мама вывела его на улицу, ребенок желал получить ответы.

– Ну, что рисует?.. – мать аккуратно застегивает пуговички, – то же, что и все художники. Я же говорила тебе, что этот дядя – художник? Художники рисуют фантазии. И воспоминания... Все, что у них в голове...

– А почему дядя сказал: «Это мои мучения»?

– Мучения? Он так сказал?.. Нет, малыш, ты что-то не так понял. Ты же видел, какие у дяди красивые картинки – яркие, смешные даже. Ну, какие же это мучения?.. Пойдем, дорогой мой, нам пора.

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

АВАНГАРДИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Азербайджанская литература XX века, развивающаяся в восточно-западном русле, всегда проявляла заметный интерес к западноевропейскому философско-художественному опыту, часто завершающемуся изучением европейских литературно-художественных течений и творческим освоением модернистских уклонов и тенденций. Одной из ветвей широкого направления модернизма, как известно, является авангардизм (от фр. *avangarde* – передовой отряд) – термин, обозначающий своеобразное течение или область в искусстве XX века, которое, порывая с реалистической традицией, усматривает в ломке установившихся эстетических принципов и способов построения художественной формы основной путь к достижению искусством своего назначения.

Разрушение традиционных канонов искусства, сопровождающееся поисками новых форм воздействия на читателя или зрителя, было предопределено обращением к непосредственному чувству, стремлением к ассоциативному мышлению, глубоким интуитивным проникновением, неприятием быта и абсурдной жизни, противостоянием, демонстрирующим алогизм современной действительности, отчуждение от реальности.

Тенденции и признаки авангардного передового мировидения и мироощущений прослеживаются в современной азербайджанской поэзии, в частности, в творчестве Вагифа Самедоглу, Рамиза Ровшана и безвременно ушедшего из жизни молодого поэта Айдына Эфенди (Эфендиева).

В основе мировоззрения азербайджанских поэтов-авангардистов лежит тезис экзистенциализма об абсурдности бытия, одиночестве и отчуждённости человека в этом мире. Поэзия каждого из отмеченных поэтов-философов – самовыражение их духа и миропонимания, их самобытного искусства.

Одним из таких творцов является поэт-новатор **Айдын Эфенди** (1959-1996). По образованию Айдын был математиком, но в нём горел поэтический дар.

На строго отмеренном отрезке жизненного пути, состоящем из сложных поисков, Айдын совершал открытия. Но пылкий, взыскательный ум не мог ограничиться только этим и целеустремленно толкал его вперед, навстречу новому, неизвестному.

Поэзия Айдына Эфенди отличается не только свежестью восприятия и постижения мира, но и новизной поэтики. «Поэт – это тот, кто находит новые радости, пусть даже мучительные» – говорил в своём поэтическом завещании знаменитый французский поэт-модернист Г.Аполлинер. Со своей «песней в новой обёртке» вошёл в большую поэзию Айдын Ниязи оглу Эфенди.

Интерес Айдына Эфенди к науке и поэзии, гармонично сочетаясь, дополняли друг друга. Уже в годы учёбы он зарекомендовал себя как способный и перспективный математик. Спустя три года после окончания в 1981 году Бакинского Государственного Университета Айдын защищает кандидатскую диссертацию и продолжает успешно заниматься преподавательской деятельностью. В конце 80-х – начале 90-х годов читает лекции в университетах Хельсинки, Тампере (Финляндия) и Никосии (Кипр). Начиная со второй половины 80-х годов его стихи публикуются в республиканских газетах и журналах, литературно-художественном альманахе Бакинского Центра искусств, во всесоюзной прессе («Литературная газета»). Переводы его стихов издаются за рубежом – во Франции, Германии, Израиле, Канаде, а также

в странах СНГ.

При всем своем бурлящем таланте он был невероятно усидчивым человеком. Он мог работать, не покладая рук. За короткий срок он мог освоить любой иностранный язык, владел семью языками, в том числе английским, латынью, японским. Если ему нравились какие-то художественные произведения, он их не просто читал, он изучал их. Этот человек всецело посвящал себя работе, как выясняется из воспоминаний его сестры. Сложным и драматичным был творческий путь Айдына Эфенди. И драматизм этот не случаен, он тесно связан с историческими процессами в нашем государстве. Частая смена власти, политические интриги и произвол, беды, обрушившиеся на народ, угроза утраты духовных и научных ценностей – все это послужило причиной впадения его, человека с повышенной эмоциональностью, в пессимизм и экзистенциальное состояние, сломив дух поэта.

*Ветер выбивает землю из-под ног,
словно хочет сдуть её, осквернённую,
в почерневшее от горя море.
...Души усопших предков, пролетая
по безлюдным улицам города, продувают
опустевшие комнаты полуразрушенных зданий.
Не покидая жилищ, точно рыбы,
люди проглатывают друг друга.
Я хочу исчезнуть,
стать дождём или ветром,
стать другими мирами
без законов и беззакония.
Чем-то стать,
лишь не тем, что я есть...¹*

(«Исчезнуть»)

Бессмысленны и непреодолимы действия и поступки человека, живущего в жестоком и страшном мире, где он обречен на одиночество и страдания.

*Почему? Почему мы так далеки друг от друга?
Что нас разделяет?*

Возможно, это объяснимо потоком проблем, в которых задыхаются люди, позабыв себя.

*Кругом торопливые люди,
вовлечённые в водоворот,
позабывшие, что и в их душах
есть места не для личных забот.*

«Одинокий во времени» Айдын Э. в этом страшном и жестоком мире продолжал творить и совершенствоваться, невзирая на все очевидные симптомы деградации.

*Мы падаем без шансов и надежды,
мы падаем, все зная наперед,
но все же пишем, дышим и живем.*

(«Художнику Эльяру»)

Ведущим началом для него является духовная субстанция, влечение к творческой деятельности.

¹ Все подстрочные переводы – автора статьи.

*Весь смысл этой жизни
Припрятан в глубине,
И чтоб туда проникнуть,
Побудь наедине...
Наедине с прекрасным
И вечной красотой.
Тогда узнаешь больше,
Чем крыша над собой.*

Айдын много читал, стремился к познаниям, изучал историю искусств, художественные течения, знал основы религий, мировую литературу, отличался многогранной мировоззренческой культурой, широкой эрудицией, познаниями в области русской, европейской и восточной поэзии.

В стихотворном посвящении Вл.Соловьеву – русскому поэту-символисту и философу-идеалисту XIX в., отстаивавшему идею «духовного синтеза» в поэзии «земного» и «небесного», звучит символика вечных начал, божественного в людях и во всем живом и неживом.

*Я проснусь, чуть свет забрезжит,
Выйдя к чистым берегам,
И пойду заре навстречу,
Где войду в свой светлый храм.
Нет. Ещё не всё угасло.
Бьет ещё любви родник.
Он под тяжким сном житейским
Сохранил свой прежний лик.*

Поэт смотрит на мир, как на символ вечных, непреходящих ценностей.

Для его поэзии характерно символическое и ассоциативное мышление, частое обращение к символам дождя, ветра, моря...

*Дождь идет,
смывая, стирая,
разнося, унося
и горечь, и боль, и печаль,
утраты, потери, войну, смерти,
голод и холод, лужи и снег
над домами и могилами,
над морем и сушей,
весь мир омывая,
очищая.*

Айдын очень глубоко переживал то, что творилось вокруг. В порыве безудержного отчаяния у него невольно возникает безумная идея:

*Укажи на карте место,
Где я смог бы найти покой,
И я смогу спать, как подлец.*

«Укажи, пока живой», – пишет он в ответ на «мудрые» советы уехать из страны. И продолжает ходить по острию ножа между высоким, духовным началом и низменным, невежественным бытием. Неужели, чтобы выжить, надо спасаться бегством? – задаётся вопросом поэт. Чего стоит человеческая жизнь? Жизнь целого поколения молодых поэтов, музыкантов,

художников – его друзей и собратьев «по цеху», прозябающих в бедности. Певцов свободы, стоящих у истоков культурного прогресса, терпящих лишения и, что хуже всего, понимающих неостребованность своего таланта. Во всем его облике, как отмечают его друзья, были предельная сконцентрированность и строгость. Поэзию он считал не «выражением чувств и эмоций», а «единством мысли и чувства» – идеей, выдвинутой англоязычным поэтом-реформатором стиха Томасом Стернзом Элиотом, лауреатом Нобелевской премии «за приоритетное новаторство в становлении современной поэзии».

У Айдына Эфенди – свой поэтический «голос», свои привнесения в поэтику стихосложения. Высокий интеллект, глубина мысли, философско-художественное постижение жизни, мировосприятие в ракурсе синтеза культур, стилевое новаторство, свободное изложение рифмованных и нерифмованных стихов, отличающихся энергетикой и ритмикой, символичность и ассоциативность мышления, обилие метафор, лексико-семантическая и семиотическая насыщенность, притяжение и магия поэтического изложения – характерные особенности, прищипленные поэзии Айдына Эфенди.

Сила и величие поэта в его глубоком познании истины, мудром осознании смысла жизни и себя как человека-творца, стоящего выше «своего дряхлого века». Написанное с большим пафосом поэтическое посвящение памяти Насими проникнуто противоборческим духом Насими, с контрастно-ассоциативным постижением мира, выражением потока поэтического сознания и творческой силы.

*Я истину постиг и стал мудрее мудрых,
Я знаю Тору, Библию, Коран.
Я уважаю Будду и Сократа,
и Кришну, и Толстого, и Камю.
Я бесконечность, я же и пылинка,
я и Вулкан, но я же и тростинка,
я засуха, но я же и родник.
Я сам Сатурн, а род мой есть Юпитер.
А дед мой сверхсила есть Плутон, –
я управляю силами природы,
я и отшельник, я же и закон.
Яи еврей, и перс, и негр, и турок,
я и японец, я же и араб,
а кто посмеет обо мне сказать хоть слово,
ему в лицо скажу я: «жалкий раб».
Хотя сегодня я Айдын Эфенди,
внук Шейха Керима, но я человек,
и я переживу свой дряхлый век.
А в новый я выйду как сверхчеловек.*

(«Памяти моего великого земляка Насими»)

Метафизические стихи Айдына Эфенди снабжены цитатами и выдержками из Библии и Корана, в них часто встречаются латинские слова, фразы и изречения, перефразирования из художественных произведений отдельных поэтов и писателей.

Многие стихи из этого цикла написаны по мотивам восточной поэзии или посвящены отдельным европейским поэтам-модернистам – Ш.Бодлеру, Р.Лоуэллу, Г.Аполлинеру, Р.Рильке и др., близким ему по духу, отклонениям от устоявшейся нормы, стремлениями к новой технике и динамике стиха.

Айдын умел найти для мощнейшего потока поэтического сознания адекватную ритмику, создавая тем самым новые поэтические шедевры, одним из которых являются стихи «Я – Канатоходец», в которых жизнь человека-творца уподобляется напряжённой и опасной цир-

ковой игре, где герой предстает абсурдным человеком абсурдного поведения.

*Хожу между «да» и «нет»,
как на зелёный, так и на красный свет.
Встречаю рассвет, провожаю закат.
Хожу между жизнью и смертью,
между молчанием и речью,
праздной и что-то значащей,
гневной и плачущей.
Хожу, ибо должен ходить.
Живу, ибо сам себе должен жизнь сотворить,
ибо должен придать ей смысл и цвет,
может быть, оттого и встречаю рассвет.*

Динамичный по силе своего звучания этот жгучий памфлет, клеймящий пороки и хаос, царящие в современном обществе, вносит остроту и свежесть критической мысли в национальную поэзию.

Утрата нравственных ценностей наиболее ощутима и горька для поэта, живущего в мире опустошенности, непонимания и одиночества.

*Сиротея день ото дня,
Я тону в людском равнодушии.
Вещи, которым я отдал душу,
по частям расточают меня.*

Поэзия Айдына отличается творческим освоением философско-художественного опыта как Запада, так и Востока. Он – тонкий ценитель и поклонник как западной, так и восточной поэзии. Особого внимания заслуживают стихи поэта, написанные по мотивам японской поэзии «Танка», «Хокку» и «Вака».

Как известно, японская поэзия отличается своей самобытностью и необыкновенной поэтикой, устойчивой метрикой, нерифмованным трехстишием (хокку или хайку) и нерифмованным пятистишием (танка или вака). Это искусство, умение сказать многое в немногих словах.

Танка – более древняя форма поэтического выражения мимолетного настроения, полной недосказанности, отличающаяся поэтическим изяществом, ассоциативностью. В стихах на мотивы «танка» находят своё отражение поэтические мироощущения Айдына Эфенди.

*Что останется после меня
в мире подлунном?
Небо высокое,
звёзды небесные
и ветер,
конечно же ветер...*

На мотивы «вака» создано пятистишие с зеркальным отражением непонятной абсурдной жизни, у которой нет прошлого и будущего.

*Что было вчера не помню,
Что будет завтра не знаю,
Что есть сейчас не пойму.
Чего же я жду без надежды
В этом суетном мире?...*

Айдыну Эфенди удаются и поэтические эксперименты с синтезом «танка+вака».

*День приходит, год уходит,
Жизнь бежит, не дав вздохнуть.
Видимое исчезает,
Нам не дав в себя взглянуть.*

Маленькие шедевры основателя не только поэзии хокку, но и целой эстетической школы японской поэтики М.Басё и его учеников завоевали большую популярность в мире. Они переведены на многие языки, в том числе на английский и русский.

*О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему –
В этом высший подвиг цветка!*

*

*Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.*

*

*Погостила и ушла
Светлая луна...Остался
Стол о четырех углах.*

Однако Айдын читал их на языке оригинала, переосмысливая на свой лад и создавая свои неповторимые образцы «хокку», в которых находит отражение трагическая участь поэта. Наибольшей поэтической выразительностью отличаются стихи на мотивы «хокку» с небольшой трансформацией классического трехстишия.

*Словно гонимый ветром
лист газеты
пролетает по городу
моя призрачная жизнь.*

Уникальны по актуальности и значимости рубаи поэта на мотивы О.Хайяма.

*В мире все приходит и уходит
в пустоту, в ничто и в никуда.
Радость то приходит, то уходит,
остаётся только пустота.*

*

*Срам и стыд мой современный город,
а когда-то был могуч, велик.
Господи, добей скорей же век,
чтоб здесь возродился человек.*

*

*Я тот, кто есть, и тот, кто был и будет,
и всякий обо мне пускай не судит.
В ком честь жива, мой стих к любви пробудит,
а кто угас, того уж смерть рассудит.*

В поисках света и надежды Айдын нередко обращается к Началу, к вере и религии. Не случайно одно из произведений Будды «Сотвори себе остров» лежит в основе его одноименной поэмы.

*Сотвори себе,
сотвори себя,
раствори себя в пылинке, былинке,
в лесу и в доме,
в костре, что горит на дворе,
истлевая последними угольками,
которые светятся и просят
ещё огня, ещё соломы или тростинки,
дабы разжечься и дать нам тепло...*

Будучи человеком высоких помыслов, Айдын всегда тянулся к свету и добру, призывал к этому всех людей.

*Надо жизнь так прожить,
чтобы всем стало тепло и светло.
Сотвори себе,
сотвори себя,
Укрепись в одиночестве.*

Свою миссию и предназначение отверженный, «гонимый» и отсутствующий во времени поэт видит в творческом и созидательном труде.

Твердо уверенный в своей бессмертии, он провозглашает начало новой, духовной жизни.

*...Если кто меня спросит,
Скажи – его нет,
Он вышел застать рассвет.
Если кто меня спросит,
Скажи – его нет,
Он вернется через тысячу лет.*

(«Отсутствие»)

Ярким представителем азербайджанского авангардного творчества является поэт, драматург, пианист **Вагиф Самедоглу Векилов** (1939-2015).

Мудрый и свободомыслящий от природы, он («всезнающий» – значение его имени) обладал широким спектром знаний. Родоначальник нового мышления, он внес большой вклад не только в национальную культуру, но и завоевал любовь и признание далеко за пределами Азербайджана.

Исследователи поэзии Вагифа Самедоглу ставят азербайджанского поэта в один ряд с европейскими поэтами-модернистами. Вклад, внесенный им в азербайджанскую поэзию, уподобляется вкладу, внесенному в поэзию французскую Артюром Рембо, в австрийскую – Георгом Штраклем...

Сыновья Самеда Вургуня вышли из глубин метафизического созерцания, поднявшись до европейского уровня. Вагиф мог не публиковаться десятилетиями. Это был его протест, своеобразный брезгливый жест, отделяющий его от сотен литературных марионеток советской эпохи.

*Я был громадным
голубым мамонтом
в ледниковый период Земли.
В то время не было
ни Кёроглу,
ни Мери Пикфорд;
ни Лемберанского,
и ни Генри Форда.
В то время не было даже
ни правой стороны,
ни левой,
и светофора не было
тоже...
Только лёд.
Море...
И вновь льды...
Было холодно.
А я был громадным
голубым мамонтом.
Хотя...
сейчас преподаю игру
на фортепиано.*

«Его стихи – парадоксальные, ёмкие, гротескные и лиричные одновременно, – пишет один из замечательных друзей Вагифа Самедоглу поэт и публицист Александр Грич. – Это поэзия высокой пробы. Эти стихи очень трудно переводить. Но там, где это удаётся – в Прибалтике, скажем, в Латвии – стихи В.Самедоглу входят в школьные курсы литературы».

В Германии десятки стихов Вагифа Самедоглу переведены на немецкий – и был вечер, где он читал свои стихи. Причем, по требованию аудитории, как музыку, на азербайджанском. Целый вечер!

*Вот лунный свет
забросил цепь золотую
в морскую глубь...
Повеситься бы мне
на той цепи,
на этой вот луне,
ногами оттолкнув
уже ненужный
мне шар земной...*

Или же «Остановите шар земной – сойти хочу!» – в глубоком отчаянии восклицает поэт. В жизни поэта были периоды депрессии, неустроенности, отчаяния. И длиться они могли долго... Когда он жёг написанные стихи или подолгу не писал. Или жил, по его собственным словам, «между стихами и смертью». Трагическая нота в его поэзии всегда была очень сильна.

*...Голоса болезненны,
цвета изранены...
...Кровью полон
глаз всех пространств...
Жизнь человеческая бродит
между трупам надежд...*

*...На сумрачной плоскости
стены угастро окно...
...От каждой беды, кроме смерти,
Есть избавление, говорят...
Может быть, сама смерть
Есть избавление от каждой беды...*

Поэзии Вагифа Самедоглу, как и поэзии М.Хади, присущи мировая скорбь и печаль.

Предметом размышлений поэта является современный человек, философия духа лирического героя и окружающий его мир, меняющийся на глазах, мировые идеи, потери и утраты, горечи и беды, нашедшие своё отражение посредством новаторского мышления и новой техники свободного стиха, нерифмованного поэтического текста.

Израненный временем, его лирический герой одинок, однако его не покидает надежда – вечный спутник неунывающего поэта: «С головы до ног пронизан надеждой. И холодные струи не уносят меня на дно». Луч надежды, светящийся в нем, помогает ему жить и творить.

*Нельзя смотреть
На камни и ограду,
Граната кровь
И куклу без руки.
Стоять и ждать
Бессмысленно не надо
Усталому рассудку
Вопреки.
...Скорее прочь
От этой вот юдоли,
И скройся там,
Чтоб душу уберечь,
Где ветер нежит
Золотое поле,
И птичий свист
Понятнее, чем речь...*

Поэт-лирик, поэт-философ Вагиф Самедоглу, этот мужественный и волевой человек, как пишут о нём друзья, всегда жил, сохраняя оптимизм и чувство юмора.

У Вагифа Самедоглу богатая и неповторимая поэтическая лексика с яркими живописными метафорическими рядами.

*И вот опять Баку.
И я объят Баку.
И небо теплое –
как воспоминание.*

*Сверкает город рыбьей чешуей
после дождя.
Море блаженное –
как лицо разрешившейся
роженицы.*

(Из поэмы «Рояль»)

Образно-символическое изображение с использованием лексем с национальной окраской придают настрою души национальный дух и национальный колорит.

*Был опрокинут гигантский казан
с неба,
плыл над Москвой тягучий азан
снега.
Железный запах метро
мне не забыть.
Как дым очажный в родных краях,
как скалы бурые у Бузовны
я любил тебя.*

Сам Вагиф Самедоглу считал себя поэтом настоящего, прошедшего и будущего времени. «...Если в моих строках есть ценная мысль, если среди созданного мною есть интересный образ, значит я буду поэтом всех времён».

Поэт-новатор всегда стремится проложить себе новую тропинку, свой путь в творчестве. По утверждению устада современной азербайджанской поэзии Б.Вагабзаде, «новизна его в красоте и ясности. Если смысл неясен, не может быть и речи о новаторстве, потому что литература создаётся не для избранных, а для народа».

Будучи одним из ярких представителей поколения «шестидесятников», Вагиф Самедоглу часто вспоминал этот период новых и свежих модернистских веяний, когда во всех областях культуры, искусства и литературы, в том числе в музыке, живописи, поэзии наблюдается появление свободного стиля, нового направления, отход от традиционной поэзии, обращение к нерифмованным стихам.

*Кружатся в яллы
вселенная,
солнце,
земля,
человек,
бельё на веревке,
Чарли Чаплина трость...
И я...
Кружимся, кружимся в яллы.
Звук зурны – балабана,
музыка яллы
давно кончилась.
Но мы вновь
кружимся в яллы...*

«О себе могу сказать, что всю жизнь я писал, и сейчас я каждый день пишу. Я не жду, когда придёт вдохновение. Если не удастся написать стихи или же дневник, обращаюсь к прозе в форме сказочного повествования, и если и это не получается, то записываю свои мысли... Это моё убеждение, что поэт, писатель не имеет право мыслить без пера».

Я никогда не думал об издании своих стихов. В советский период цензура никогда не давила на меня. Я с гордостью говорю об этом, а не как ложный диссидент... И то, что мои произведения не издавались, дало мне определённую свободу. Идейную свободу, свободу мысли, писал то, что хотел.

Ни проблема издания, ни политическое положение, ни общественное устройство, ни руководство не препятствовали моей работе. Я был свободен и со стороны творческой технологии. Хотя на самом деле ни один человек в мире, и в особенности поэт, не может быть свободным, ибо его творчество, как ни одно другое, предопределено страданиями, переживаниями, потрясениями и историческими бедами».

*Ты моя
родная мать, Свобода,
я твоё дитя,
выросшее при чужих дверях.*

Вагиф Самедоглу вобрал в себя все боли и печали своей эпохи:

*Поэту нужны страдания,
Как мельнице ветер.*

Ощущение своего одиночества в окружающем его мире, экзистенциальное мировосприятие «израненного» временем поэта, «сбросившего свои надежды, как груз с тонущего корабля» и увидевшего, что «на стене жизни опять висит верёвка вместо двери» - жестокое последствие того, что «каждая ночь» и «каждое утро» теперь уже стали восприниматься как «последние». Философское осмысление жизни и смерти, бережное отношение к живой природе, человеку и духовным ценностям в основе стихов, отличающихся новаторским духом – поэтических мироощущений.

*И в лесу
Убивают человека
Боже,
На глазах
Стольких деревьев*

Не случайно поэт-авангардист, в совершенстве овладевший познаниями в области восточной философии и поэзии, выросший на традициях национальной литературы, считает Меджнуна самым свободным человеком на земле, жаждущим страданий во имя любви. Божественная любовь ведёт человека к совершенству и воссоединению с Божеством.

Вагиф Самедоглу идеализирует смерть, приносящую покой и умиротворение человеку. И чтобы спокойно умереть, надо спокойно жить – с надеждой и огоньком в душе. Такова его мудрая философия.

Но, как это ни прискорбно, чаще человеку приходится искать «жизнь среди трупов надежд», когда «стихи гниют в чьей-то ране».

Тягостные мирские страдания уводят мысленно поэта в «колыбель своего детства», где мать заворачивала его «вместо пелёнок в саван».

Трагический век predetermined судьбу поэта, считающего себя заключённым уже при рождении: «Родился в 39-м, в 37-м был арестован».

В выстраданной и вместе с тем свободной по духу, искренней и цельной по содержанию поэзии Вагифа Самедоглу находит своё яркое отражение духовно-нравственная картина эпохи, воссозданная с необыкновенной творческой силой и дарованием большого поэта-новатора, поэта-авангардиста.

В стихах исследуемых нами поэтов нередко прослеживается общность и созвучие мотивов (одиночества, отчуждения от реальности, смерти, последнего слова, листа, ветра, утра, дождя и пр.), схожесть и аналогичность категорий и определений жизни и смерти, ассоциативного мышления.

Их объединяет духовное родство, широта и глобальность познаний, неприятие окружающей действительности, философско-субъективное постижение мира, в котором много необъяснимого и не поддающегося разуму.

Самобытна поэзия каждого из них, содержащая пессимистические умонастроения, однако отличающаяся новаторским духом, мировидением и стилем самовыражения, авангардным уклоном, стремлением к обновлению поэтического искусства, духовных ценностей.

Неповторимой и новаторской поэтической ориентацией, богатым творческим опытом, метафизическим подтекстовым содержанием и виртуозным национально-стилистическим стихосложением отличается авангардная поэзия **Рамиза Ровшана** (1946).

В поэтическом воображении Р.Ровшана он – как свободная пылинка, вращающаяся на небесах и стремящаяся покрыться оболочкой, чтобы с помощью божественного вмешательства перевоплотиться в человека, обрести тело, дыхание, голос, дар слова, а, следовательно, и желанную духовную свободу, как следует из подтекста: «Mən bir tozam, azadam göy üzündə, nə olsun ki azad deyil bir adam yer üzündə. Sən bu cansız azadlığı gəl məndən al, ilahi! Tez ol məni qəfəsə sal, ilahi! Nəfəssizəm – tez ol mənə nəfəs ver. Nəfəsimə bədən adlı qəfəs ver. Mənə səs ver – səsə qəfəs aç ver. Mənə söz ver – sözə qəfəs kağız ver!...» (Я лишь свободная пылинка в небе, что с того, что не свободен человек? Отбери у меня, боже, эту неживую свободу! Запри меня в клетку! Я бездыханен – дай мне дыхание, заключив его в клетку тела. Дай мне голос, а для него клетку-рот. Дай мне слово – и бумагу, клетку для слова!)

Согласно восточной философии, жизнь человека состоит из мирской и духовной деятельности. Как мыслит великий Насими, оба мира – тело и душу – вмещает он в себя, однако его поэтическое «я», более охватное и могущественное, не вмещается в этот мир слияния двух миров.

Интересно и поэтическое восприятие этих миров в поэзии Рамиза Ровшана:

«Ruhum, dur, uyiş, gedirik. – Sən yuxarı, mən aşağı» («Вставай, мой дух, собирайся, уходим. Ты – вверх, я – вниз»). Так, намеками «вверх» и «вниз», определяются границы реального и ирреального миров, с которыми связаны жизнь и смерть человека.

В поэзии Рамиза Ровшана находит отражение многократное существование человека в прошлой жизни, что также исходит из восточной философии.

«Bir dəfə də gəlmişəmmi? Gəlmişəmmi, görmüşəmmi? Yaşamışam, ölmüşəmmi? Dünya mənə tanış gəlir». («Пришёл ли я ещё раз? Приходил ли я когда-то, видел ли? Жил ли когда-то, умер ли? Мир кажется мне знакомым»).

Жизнь воспринимается поэтом как ложная:

«Bu yalan ömrümdə, görə, sən nədən? Bəlkə, heç sevgilim deyilsən mənim. Anamsan, bacımsan, nənəmsən, nədən?! Bircə Allah bilir nəyimən mənim». («Кем же приходишься ты мне в этой ложной жизни? Может быть, ты даже не любимая моя. Кто ты, мать моя, сестра моя, бабушка моя?! Только Аллаху известно, кем ты приходишься мне»).

В философском постижении поэта каждое начало – конец чего-то, каждый конец – начало чего-то.

Смерть же служит началом жизни.

«Ən rahat, qorxusuz yoldasan indi, dünyanın ən təmiz, ağ donundasın. Bircə Allah bilir hardasan indi ömrün əvvəlində, ya sonundasın. Bəşkdə bilirsən özünü bəlkə, Astaca-astaca yığalanırsan». («Сейчас ты на самом спокойном, бесстрашном пути, в самом чистом, белом платье мира. Лишь Аллах знает, где ты сейчас – в начале жизни или в конце. Может, в колыхании ты чувствуешь себя сейчас, тихо-тихо качаешься»).

Экзистенциальные мотивы одиночества, тоски, скорби, горя, смерти, последнего и пр. характерны для творчества каждого авангардного поэта, находящегося в орбите нашего исследования.

«Ölüm nədi? Həminin son vətəni...Son yağrağı qoraran son küləkdir». («Что такое смерть? Последняя родина всех...Последний ветер, срывающий последний лист»). Как созвучны эти стихи Рамиза Ровшана мыслям Вагифа Самедоглу, чья поэзия рассматривалась нами выше. Общим является для них и мотив обречённости и неизбежности конца: «Qabaqdan bir gecə gəlir, arxasında səhər yox». («Близится ночь, за которой не видно утра»).

Безумные идеи, преследующие поэта Айдына Эфенди, охватывают порою и его современника Рамиза Ровшана:

«İstəyir assın özünü, ağaclara qıymır adam». («Хочет повеситься человек, да деревьям жаль»).

Однако поэт не видит иного выхода из удушающей атмосферы духовного кризиса и

господства хаоса и абсурдной жизни. «Kəndir tapıb, bu ağacdan asılmağa qaldı əlac...» («Остаётся найти веревку и повеситься на этом дереве»).

Поэзия Рамиза Ровшана отличается богатством образно-поэтического вымысла, своеобразными интерпретациями множества мотивов тени, зеркала, дверей, дыхания, мокрых глаз, горя, разлуки, траурных писем и пр.:

1. «Ölür kəndimizdə tənha qarılar, Yənə kölgə düşür toya-şənliyə». («Умирают одинокие старушки в нашем селе, Опять блуждают их тени на свадьбах и торжествах»).

2. «Ölünсə neçə-neçə qarıdan keçir adam, Dünya üz tutduğumuz qapılarla doludu. Vəlkə də, üzümüzə çırpılan qarılardan, üzümüzə açılan qapılar qorxuludu». («Через сколько дверей проходит человек, пока умрёт. Может быть, двери, хлопяющиеся перед нами, страшнее, чем двери открывающиеся»).

3. «O son söz bəs nə deyirdi? O son nəfəs nə deyirdi? – Sevin özünə deyirdi, – özünə sevin, özünə!..» («О чем же говорило то последнее слово? То последнее дыхание о чём говорило? – Радуйся себе, – говорило, – себе радуйся, себе!..»).

Очень часто стихи Рамиза Ровшана, начинающиеся с обычных бытовых эпизодов, завершаются абсурдными мыслями, метафизическими обобщениями, алогизмами, использующимися как стилистический приём.

Достаточно обратиться к следующим поэтическим строкам: «Gəl, əl-ələ tutub, gedək, Gedək biz olmayan yerə». («Давай возьмём друг друга за руки, пойдём, Пойдём туда, где нас нет»).

«Bir səhər yudum üzümü-gözümü bir ovuc suda. Gördüm ayaqdan başacan özümü bir ovuc suda». («Однажды утром умылся в пригоршне воды. Увидел себя с ног до головы в пригоршне воды»).

Эти стихи-посвящения Камалу Абдулле, как нельзя точнее и вернее характеризуют своего адресата как оригинальную творческую натуру, склонную к фантазмагориям и трансформациям, к игре воображения и абсурдным изображениям.

А в посвящении Афаг Масуд поэт замечательно уловил присущее писательнице мистическое восприятие жизни, свободу мысли и магию письма:

«Bir səhər yuxudan durub Özünü uşaq görəsən. Görəsən hamı evdədi, Ölənləri sağ görəsən. («Однажды, проснувшись утром, Увидеть себя ребёнком. Увидеть, что все дома, Увидеть жизни всех умерших»).

Грустный подтекст заключён в абсурдных строках поэта:

«Əyildim, sulara baxdım. Axtardım cavan üzümü. Sular axdı, sular axdı, Apardı cavan üzümü». («Нагнулся, в воду посмотрел. Поискал своё молодое лицо. Утекли воды, воды утекли, Унесли моё молодое лицо»).

«Каждый настоящий стих зарождается от соприкосновения со Смертью. По сути, это окно, открывающееся в бесконечную тьму, в вечность под названием Смерть, и из того окна мы соприкасаемся с холодным дыханием Смерти...», – так пишет в одном из своих эссе Рамиз Ровшан. От этого соприкосновения рождается вся мировая поэзия. Знаток мировой литературы, Рамиз Ровшан прекрасно владеет опытом творческого освоения европейских модернистских направлений, свободно ориентируется в них, не только в поэзии, но и во многих других видах литературы и искусства. Обращение к национальным истокам, бережное отношение к классическим традициям умело сочетается у него с использованием философско-художественных достижений мировой поэзии. У него уникальная поэтическая технология. Непревзойдённый мастер трансформаций, Рамиз Ровшан виртуозно перестраивает структуру стиха, обогащает современную поэзию новаторскими привнесениями. Вместе с тем поэт стремится уберечь и сохранить любимую 11-сложную хеджа.

*Qoymaram, qoymaram əylə sına
Onu qoruyaram son nəfəsəcən.
Mənim onbirliyim nəhəng baliqtək
Çırpınır, can verir əsrin torunda.*

Не дам, не дам согнуться, сломаться,
Защиту её до последнего дыхания.
Моя одиннадцатисложная
Как громадная рыба
Бьётся, задыхается в сети века.

Вдумчивости и глубокого постижения требуют подтекстовые прочтения к оригинальному поэтическому рефрену. «Çiçəklər doğulur bu yaz gecəsi». («Рождаются цветы в эту весеннюю ночь»).

Это мастерское созерцание рождения цветов в весеннюю ночь и ассоциативные представления с нарушением симметрии и обыгрыванием слов, оживляющие историческую память в ипостаси жизни и смерти, с трогательно-лирическим обобщением, озаряющим светом надежды.

Поэту-новатору превосходно удаются также 8-сложные и 7-сложные стихи:

*Gecənin tən yarısında Gilənar çiçəkləyir.
Yerlə göyün arasında Gilənar çiçəkləyir.*

В полночь вишня расцветает.
Между небом и землею вишня расцветает.

Фейерверком сверкающих метафорических россыпей блещут строки:

*Yavaş-yavaş sevdim səni,
Ən çox bu qış sevdim səni,
Qar altından baş qaldıran,
Çiçəktək sevdim səni.
İstisinə qızındığım
Ocaqtək sevdim səni.
Səni sevdim qar üstündə
Yem axtaran quş kimi.*

Постепенно я полюбил тебя. Особенно зимой полюбил тебя. Полюбил как цветок, поднимающий головку из-под снега. Полюбил как очаг, пригревший меня своим теплом. Полюбил как птицу, ищущую корм на снегу.

Поэтическими колумбами, заговорившими «мировыми кодами», называют азербайджанских поэтов В.Самедоглу и Р.Ровшана. К ним смело можно причислить и Айдына Эфенди, чья поэзия проникнута теми же «мировыми кодами». Они привнесли в поэзию открыто, ярко и основательно мотивы жизни, смерти, следуя традициям мировой поэзии, соприкоснувшейся со Смертью.

Поэзия всех трёх поэтов отличается свободой духа и отсутствием даже налета идеологической примеси. Все три поэта умело, и уверенно владеют техникой и поэтикой стиха, в особенности Рамиз Ровшан. Не случайно он берётся за переводы труднопереводимых русских и европейских поэтов.

Его перу принадлежат талантливые переводы произведений Вл.Маяковского, С.Есенина, М.Цветаевой, Б.Пастернака, А.Бодлера, Р.Рильке и др.

Думается, что модернистская (авангардная) поэзия Рамиза Ровшана должна изучаться в контексте глобально мыслящих поэтов века. Среди оригинальных поэтических посвящений Рамиза Ровшана есть замечательное стихотворение, посвящённое крупнейшему поэту XX века Райнеру Рильке (1875-1926) с символическим названием «Yıxılığam» («Падаю»), в котором определяется творческая судьба одинокого и отчуждённого поэта, «падающего» от роковых

страданий.

Небезынтересна в этой связи и идентичность трагических судеб разнонациональных поэтов – М.Цветаевой, Б.Пастернака и Р.Рильке, живущих в аналогичных социально-общественных условиях кризиса и духовного спада, что нашло своё отражение в их эпистолярной поэзии.

Общие для многих трудности периода спада лирической стихии сблизили разбросанных по разным странам Цветаеву, Пастернака и Рильке. За их письмами друг к другу ощущается духовное одиночество, в котором оказались поэты, их желание найти сообщца – «поверх барьеров» – новые возможности искусства.

Поэзия, как высшее и вечное духовное начало, проявляющееся во времени через её «носителей» – поэтов, становится одной из главных «опорных» тем в эпистолярной переписке Рильке, Цветаевой и Пастернака.

Духовное родство лежит в основе глубоких поэтических созвучий образов.

*Касаемся друг друга. Чем? Крылами.
Издавела своё ведем родство.
Поэт – один. И тот, кто нёс его,
Встречается с несущим временами.*

В этих строках замечательной элегии Рильке, посвящённой М.Цветаевой, сокрыт образ всадника, как бы символизирующий двуединство поэзии и «несущей» её природы.

Важнейшим элементом в системе взглядов была «душа» – естественнейшее проявление «живой» природы. «Живая» природа – источник творчества и поэзии, как воспринимала её Цветаева. Ей казалось, что в окружающей действительности душа ущемлена, обесценена, беззащитна. Этому миру мещанской косности, обыденности, будничности – «миру тел», как называла его Цветаева, – противопоставлен поэтически возвышенный «мир душ». Мир подлинной любви для Цветаевой – тот, в котором происходит слияние душ, а не тел.

Такое же романтическое происхождение имеет и цветаевская идея «сна». «Сон» для Цветаевой – один из способов ухода от действительности.

«Сон» – прообраз иного мира, в котором живут и встречаются «души». Поэтому общение «во сне» было для Цветаевой полнее и ощутимее, чем общение наяву.

Неоценима роль чрезвычайно интересных и запоминающихся штрихов к творческим портретам трех великих поэтов мира в постижении новаторского духа поэзии трех ярких представителей азербайджанского авангардного искусства.

Чем более расширяется – географически и исторически – круг литературных явлений, включаемых нами в сферу исследования (а процесс этот разворачивается весьма стремительно), тем очевиднее становится внутренняя взаимозависимость этих явлений или, во всяком случае, необходимость изучать их в сопоставлении, не изолированно, а в общем контексте художественной деятельности человечества... Без такого рода попыток трудно выявить национальную специфику отдельных литератур, особенности их эволюции, своеобразии их вклада в сокровищницу мировой литературы.

Глобальность мировидения, умелое творческое освоение европейского модернизма, общечеловеческое звучание поэтических творений Айдына Эфенди, Вагифа Самедоглу и Рамиза Ровшана, новаторские привнесения каждого из них в современную азербайджанскую литературу, а также переводы их произведений на языки мира и переводы, сделанные ими из мировой поэзии, дают возможность для широкого изучения их творчества в контексте мировой литературы.

ТАМАРА ВЕРЕСКУНОВА

Мамина улица

Улица «мамина» – Насими –
Лежит на ветрах на семи.
Здесь воздух прозрачен вешний,
И мамин дом – как скворешня.

У мамы прописаны бедность и беды,
Но здесь на всех хватает обеда,
Искренних слов и теплоты –
Дыхания света и доброты.

Здесь вещи простые поют, говорят
Про душ гармонию и про лад.
Про то, что за деньги, богатый уют
Здесь совесть и честь свою не продают.

От шалых ветров простыни крыло
Выше облака унесло!..
Тут ценят дороже успехов, побед,
Айвы нашей свадебный первоцвет.

Здесь воздух прозрачен вешний,
И мамин дом, как скворешня.
Улица мамина – Насими –
Лежит на ветрах на семи...

В горах

Горы ночью черным-черны,
Горы видят теплые сны...
Только слышится речки гул
Да огнями трепещет аул.

Мы спешим, мы идем на огонь –
Он вблизи, хоть рукою тронь.
Но легла между нами мгла
И никак не дойти до села.

А может, это совсем не аул
Искры желтые протянул?..
Может, звезды висеть устали,
Опустились на горы стаей?..

Посвящение Осетии

Нас встречает Осетия ливнем.
Дождь хохочет, скачет, танцует,
И своими губами длинными
Наши волосы, руки целует.

Припадая ручьями к ногам моим,
Задушевное что-то шепчет,
И, ревнуя к дорогам недавним,
Обнимает все крепче и крепче.

Мы не прячемся в подворотни,
Окончания ливня не ждем...
Молодые и расторопные,
Мы идем под шальным дождем.

Ливень бешеный, вздорно-веселый,
Смой тревогу мою и грусть!..
Я стою, запрокинув голову,
И никак дождем не напьюсь.

* * *

То всхлипы дождя, то шелест, то топот,
А то – глухо ветры шумят в бору...
Поверишь, что воды Второго Потопа
Когда-нибудь Землю в себя вберут.

Дождем захлебнулись.
Хлещет дней сорок.
Пространство сгустилось в размеры двора.
Неврозы природы?.. Мир с солнцем в споре...
И боязно вдруг не дожить до утра.

Предрассветное

Час ночной, предрассветный –
Золотая пора.
Боль, тревоги, наветы
Улеглись до утра.

Маята улетела,
Дремлет злость, чуть дыша.
И покуда спит тело,
Говорит лишь душа.

Суета снова утром
По душе –
раз! два! пли!..
А сейчас речь о мудром
В вечной звездной пыли.

Песня солдата

**Который день, который год
Май незамеченным цветет,
Ведь я не подданный Весны,
Я – подданный Войны.**

**Который год, который год
С родных земель бежит народ.
Война проклятая кровь пьет,
И жестко стиснут рот.**

**Который год, который год
Гранат мой сладостно цветет...
Но я не подданный Весны,
Я – подданный Войны.**

Считалочка для взрослых

**Хапуга, двурушник,
Чиновник бездушный,
Палач, прохиндей –
Кто ты меж людей?..**

**Тупица – иль гений
В мученьях сомнений,
Прекрасный чудак,
Или, проще, дурак?..**

*** * ***

**Жизнь нас мяла и попирала –
Накось-выкуси, нас не убьешь!..
Мы с тобой не имеем права
Дезертировать в подлость и ложь.**

**Стала пошлой жизнь с ее нравами,
Лезет к солнцу хамло и мурло...
Мы с тобой не имеем права
Дезертировать в барахло.**

**И хоть счастье судьба украла –
Плакать, сетовать ты не смей.
Мы с тобой не имеем права
Дезертировать –
даже в смерть...**

На вокзале

Сердце ломится бешено –
Рвутся ребер покрышки.
У поезда ветер вешний
Хватает меня подмышки.

И даже седые горы
Кивают мне головой.
Я воздух родного города
Ласкаю, глажу рукой.

А тут пассажиры странные
Сидят, отправленья ждут...
Для них это просто станция,
Стоянка – пятнадцать минут.

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ

Трава

Весенняя трава – юна, бесстыжа,
Как подрастающее поколение.
И яркость красок кажется чрезмерной,
И громкость звуков
режет слух и нервы.

Осенняя трава – как ностальгия,
Ее зеленый цвет разбавлен грустью.
Ласкает зренья – но тревожит память,
Как милые душе воспоминанья...

Весенняя трава царит и правит,
Не слушая морали и нотаций,
И запахи озона и свободы
Пьянят, как запах
молодости нашей!..

Осенняя трава – предощущенье
Грядущих холодов и снегопадов,
И, ожидая скорую кончину,
С надеждой ловит
каждый лучик солнца...

...и мы на этой солнечной планете
всё те же травы...

* * *

«Остановиться...Выдохнуть...»

Тейт Эш

**Остановиться...
Выдохнуть...
Прости,
Ты сам решил, что так нам будет лучше.
Зачем же вновь надеяться на случай,
Сжимая фотографии в горсти?**

**Остановиться...
Выдохнуть...
Мечта
Летит куда-то в звездное пространство...
Что дали нам с тобою годы странствий?
Всё суета, мой друг, всё – суета...**

**Остановиться...
Выдохнуть...
Пора.
Весь горизонт отсвечивает алым...
Всё суета – была б здорова мама,
Да подрастала б в доме детвора...**

**Остановиться...
Выдохнуть...
Весна.
Горят вдоль жизни старые причалы,
И медленно вращается в Стену Плача
За монитором вставшая стена...**

Раз словцо, два словцо...

*Моей Нәпә¹ – и всем жёнам врагов народа,
дожившим и не дожившим до реабилитации*

**Раз словцо, два словцо...
Закружилось веретенце.
Будет, будет полотенце,
А на нем – твое лицо...
Впрочем, нет – не надо лиц.
Лучше пусть там будут птицы,
Чтоб не плакать и не биться,
А душой стремиться ввысь.**

¹ Бабушка (азерб.).

**Раз стежок, два стежок...
Уж я вытку, уж я вышью
За смородиною – вишню,
За ромашкой – василек.
Пусть под небом голубым
Ветерок колышет травы
На Ивана на Купалу –
То ли сказка, то ли былль...**

**Раз слеза, два слеза...
Что вы, что? Какие слезы?
Это утренние росы
Или дальняя гроза.
Налетела, пронеслась,
Окропила рукоделье...
А у нас – одно веселье,
Со слезами перепляс.**

**Раз печаль, два печаль...
Но останутся на ткани
Не обиды и печали,
А надежда и мечта.**

Раз словцо, два словцо...

Слушая «Голос»-2015

«По дороге в Загорск понимаешь невольно, что осень...
...Только как разобраться в потерях, и кто виноват?..»

Е. Блажеевский

«По дороге в Загорск» –

напеваю романс земляка...¹

**В безотрадности слов зашифрована поздняя осень,
И ложится на плечи листва, осторожно-легка,
И суровые сосны глядят недовольно и косо...**

**В опустевших аллеях о чем-то задумался дождь,
Словно старый архив, сортируя опавшие листья,
И как будто все то, во что веришь и все, чего ждешь,
Упорнуло вдогонку за летом озябшею птицей...**

¹ *Евгений Блажеевский* – (1947-1999) русский советский поэт, уроженец Гянджи. Печатался в журналах «Юность», «Новый мир» и др., принимал участие во Всесоюзных совещаниях молодых писателей, как писатель, а позже как руководитель семинара. Автор четырех сборников стихов (два посмертно). Сонет Евгения Блажеевского «По дороге в Загорск» стал популярным романсом, он включен в репертуар многих известных исполнителей. Этот романс стал одним из хитов прошлогоднего шоу «Голос».

Я иду по аллее, ногами тревожа листву...
Есть вопрос, на который ищу и не знаю ответа –
Почему он уехал?.. Зачем потянулся в Москву?
Или думал, что только в столице оценят поэта?..

Да, наверное, это случается с каждым из нас –
Вырастая из детства, мы тянемся в дальние страны,
Всё нам кажется –
там, вдалеке, наш единственный шанс!..
И судьба нас зовет, и звезда нас ведет без обмана.

Но однажды в безумном угаре больших скоростей
Разглядев пустоту за фальшивым сияньем престижа,
Мы, хватаясь за сердце, хрипим:
«...не гони лошадей...»
Но уже понимаем, что вряд ли нас кто-то услышит...

Передышка

Словно что-то закончилось –
Разбежались дороги...
Заходи, Одиночество,
Что стоишь на пороге?
Заходи, побеседуем,
Чаю с тортиком выпьем.
Поразмыслим над бедами,
Погрустим над обидой...

Заходи, Одиночество,
Знаешь, я тебе рада.
Ты такое, как хочется,
И другого не надо:
Утро тихое, зимнее,
Сосны дремлют угрюмо.
Только голуби сизые
За окошком воркуют.

Теплым пледом накроемся,
Почитаем под АББА.
Ты такое, как хочется,
И другого – не надо...
Будет тихая музыка,
Чашка кофе и книжка...
Всё еще образуется,
А пока –
передышка...

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

ПОЗВОЛЬ СЕБЕ БЫТЬ БОГИНЕЙ!

*Обращение к Женщине**

*

Мы обречены распрощаться с детством – и этого не изменить никому.
Мы обречены расстаться с теми, кого любим, – и этого не изменить никому.
Мы обречены покинуть этот мир – и этого не изменить никому.
Но мы обречены возвратиться в Вечность – и этого не изменить никому.
Но мы обречены встретить тех, кого любим, – и этого не изменить никому.
Но мы обречены стать Богами – и этого не изменить никому.

*

Всякий приходит в этот мир по своей нужде:
Романтик – чтобы отыскать в нём любовь,
Наивный – чтобы стать счастливым,
Сластолюбец – чтоб насладиться телом,
Аскет – чтобы тело изнурять,
Легкомысленный – чтоб повеселиться,
Трудыга – чтобы поработать,
Мученик – чтоб пострадать,
Священник – чтобы убеждать, что Бог есть,
Скептик – чтоб убедиться, что Его нет,
Учёный – чтоб придумать новую теорию,
Философ – чтоб поразмышлять о жизни,
Богатый – чтобы стать ещё богаче,
Бедный – чтобы попробовать разбогатеть,
Умный – чтобы поучиться,
Глупец – чтоб поучить других,
Идеалист – чтобы сделать мир лучше,
Фанатик – чтоб исправить человеческую природу,
Властитель – чтоб изменить ход истории,
Поэт – чтоб словом мёртвых оживлять.
А кто ты, человеке, и какая нужда привела тебя в этот мир?

*

У Создателя так много возможностей сделать нас счастливыми, но у нас ещё больше способов этому воспрепятствовать.

*

Не говорите мне о своей вере, если она даже камень не способна сдвинуть с места!

Окончание. Начало в № 1,2, 2016г.

*

Красота не способна спасти мир, потому что у людей слишком разные представления о красоте. И о мире тоже.

*

Ах, люди! Как грузно, уныло и тяжело вы несёте по жизни свои усталые тела, и как же быстро они приходят в негодность, доставляя вам одни только хлопоты! Но вы держитесь за них, потому что больше ничего у вас нет. О душе вам остаётся только разглагольствовать – вам она недоступна.

*

Человек думает, что проводит во сне треть своей жизни. На самом деле он беспробудно спит и остальные две трети. Всякий осознающий это уже пробудился, а остальные пусть продолжают спать.

*

В нашем обществе детскую мудрость принято называть глупостью и непосредственностью, юношескую глупость – неискущённостью и неопытностью, а старческий груз догм и прописных истин – житейской мудростью.

*

Самая благословенная вещь на свете – это дарованная нам возможность совершать ошибки. Её отсутствие означало бы и полное отсутствие у нас свободы выбора.

*

Для человека важно добиться успеха, а для его Создателя – как он потом распорядится своим успехом.

*

Молодость человек тратит на поиски любви, зрелость – на поиски денег, а старость – на тщетные попытки удержать и то, и другое. И только детство он тратит на самого себя. Жаль, что понимание приходит, когда жизнь уже растрочена.

*

Жизнь человека – это непрерывное бегство от самого себя. А вынужденному пребыванию наедине с собой он придумал множество презрительных наименований, к примеру: скука, тошнота, пустота, безделье.

*

Человек так стремительно несётся по жизни, словно на финише его ожидает величайшая награда или, по крайней мере, утешительный приз.

*

Женщина! Как хорошо ты приспособилась распоряжаться своей слабостью. Пришло время научиться пользоваться своей силой.

*

Сказано: «Человек создан для счастья».

А я говорю: «Человек создан для счастья познания себя, как Бога. Ведь переживание счастья – это не что иное, как ощущение собственной божественности».

*

Человек необучаем: со страхом он приходит в этот мир, в страхе живёт и со страхом его покидает. Может, стоит научиться доверять тем Силам, которые привели тебя сюда, ведут по жизни и когда-нибудь уведут из неё?

*

Страшное зрелище – разбитые вдребезги мечты... Но что, если эти мечты были прохудившимися сосудами, некогда доверху наполненными детскими иллюзиями и юношескими грёзами?

*

Сказано: «Сколько людей, столько же и мнений».

А я говорю: «Сколько людей, столько же и заблуждений. Причём иным удаётся выдать своё заблуждение за очередную судьбоносную теорию или сокровенную истину. И всегда находятся те, кто с готовностью присоединяется к этому заблуждению. Но заблуждения способны не только объединять. Оглянись: в мире столько враждующих друг с другом сообществ по заблуждениям!».

*

Люди – как произведения искусства. Подлинники встречаются несравнимо реже, чем искусные копии и грубые подделки. А настоящие шедевры вообще скрыты от наших глаз и широкой публике недоступны.

*

Сказано: «Не судите, да не судимы будете».

А я говорю: «Если люди перестанут судить друг друга, то разучатся говорить, ибо мы выносим суждение о человеке и оцениваем его первым же взглядом, обращённым на него, первой мыслью и первым словом о нём».

*

Сказано: «Слово изречённое есть ложь».

А я говорю: «Как может быть ложью То, что было в начале и что сотворило наш мир?».

*

Наличие думающего и чувствующего тела вовсе не предполагает присутствия в нём души.

*

Сказано: «Тело – это храм, в котором обитает Дух Святой».

А я говорю: «Для многих тело стало клетью, в которой заперто злобное и алчное чудовище. Дух Святой давно покинул сию обитель».

*

Сказано: «По плодам их судите их».

А я говорю: «По каким плодам, если деревья давно не плодоносят?».

*

Подчас включение логики полностью отключает интуицию.

*

Когда борются ум и сердце, часто побеждает ум. Но даже потерпев поражение

ние, сердце не теряет своей правоты.

*

Планы мы строим в голове, а мечта зарождается в сердце. Планы легко разрушить, но ничто не властно над мечтой. Она умирает, когда мы от неё отрекаемся. Обречённые воплощаться, мечты покидают этот мир вместе с нами и вместе с нами возвращаются обратно.

*

Чем дольше мы живём на Земле, тем больше приближаемся к звёздам, и тем громче и настойчивей они зовут нас обратно. Они напоминают нам о том, что, что бы ни случилось здесь, Там нас всегда любят и терпеливо ждут нашего возвращения. Мы делаем вид, что не слышим их, но та тоска, то смятение, которые охватывают нас, когда мы порой вглядываемся в звёздное небо, выдают наши истинные чувства.

*

Жажду счастья, как жажду жизни, нельзя утолить, даже если пить долго и большими глотками: чем больше пьёшь, тем сильнее жажда.

*

Живым не дано знать то, что известно мёртвым, потому что на самом деле это мы мертвы, а они, как ни странно, живы.

*

Когда наступает взросление? Сразу после успешной ампутации крыльев. Те немногие, кому удаётся этого избежать, становятся удобными мишенями для человеческой злобы и поэтому долго не живут.

*

Мы, как глупые мошки на огонь, вновь и вновь возвращаемся на эту солнечную планету, принося с собой радость и надежду. Печаль и боль – вот всё, что наши души забирают, улетая обратно.

*

Почему твои мечты всегда связаны с переменами в твоей жизни и никогда – с переменами в тебе самой?

*

Почему, столкнувшись с бедой, нам легче опуститься на колени, чем привстать на цыпочки? Не потому ли, что нам проще упасть, чем взлететь?

*

Почему в жалости и сострадании мы нуждаемся больше, чем в силе и мудрости?

*

Люди! Кто вам внушил, что вы бессмертны? Бессмертны ваши души. Но какое вы имеете к ним отношение? Разве на них сосредоточены все ваши помыслы? Увы! Незрелый зародыш души может так и не стать младенцем бессмертия.

*

Тот, кто действительно стремится к Свету Истины, должен быть готов взойти на костёр инквизиции.

*

Сказано: «Душа обязана трудиться!».

А я говорю: «Не всякая душа способна отозваться на сей призыв. Трудятся великие и отважные души, не по долгу, а из сострадания к душам слабым и незрелым».

*

В нашем мире не слишком много одержимых фанатиков и убеждённых безбожников. Большинство – либо верующие, либо неверующие. Но как могут чада верить или не верить в Родителя своего? И где знающие и любящие Его?

*

Ах, женщина! Будешь рабыней – всегда найдутся рабовладельцы и работорговцы. Станешь царицей – отыщется свита и набегут верноподданные. А если вспомнишь о том, что ты Богиня, не приветствуй поклоняющихся тебе, не карай хулящих тебя – благоволи всем, но ищи равных себе.

*

Как ты можешь поверить в Него, когда ты не веришь даже в себя?

*

Если ты научишься ладить со своими собственными демонами, то с людьми тем более получится.

*

Глупая молодость – это когда всё ещё впереди. Глупая старость – это когда всё уже позади. Мудрая зрелость – это когда есть только здесь и сейчас.

*

Истинная мудрость не обращается к прошлому опыту.
Истинная любовь не нуждается во взаимности.
Истинная сила никогда не утверждает себя.
Истинная святость не требует поклонения.

*

Напыщенным умникам и глупцам наша жизнь представляется серьёзной шахматной партией. Мудрецу же она, скорее, напоминает карточную игру «в подкидного дурака».

*

О, человек! В твоём поединке с жизнью победа всегда достаётся смерти.
В твоей битве со смертью важно не то, кто окажется победителем, а то, как долго продлится битва и что тебе удастся отвоевать у противника.

*

Невозможно избавиться от недостатков, но можно преобразовать их во что-то стоящее.

*

Что проку, если ты обретёшь весь мир, но потеряешь способность радоваться?

*

Прежде чем молить Судьбу о помощи, сама стань рукою Судьбы для того, кто нуждается в помощи больше, чем ты.

*

Чтобы быть счастливой, вовсе необязательно любить весь мир – достаточно полюбить саму себя.

*

Женщина! Что для тебя важнее – быть нужной другим или самой себе?

*

Жизнь щедра и безотказна. Ты можешь получить от неё либо то, в чём нуждаешься, либо то, чего заслуживаешь. Выбор за тобой.

*

Существует четыре разновидности людей. Люди с глупым умом и глупым сердцем – таких подавляющее безликое большинство. Люди с умным умом и глупым сердцем – эти приспособившиеся уже выделяются из общей массы себе подобных: процветающие дельцы от науки, политики и искусства. Люди с глупым умом и умным сердцем – это малые дети и блаженные. И, наконец, люди с умным умом и умным сердцем – это Учителя и пророки, отмеченные Богом.

*

На жизненном пути каждый сам выбирает себе попутчиков: страх, гнев, алчность, зависть, жестокость. И только Любовь делает этот выбор за нас.

*

Говорят: родителей не выбирают.

А я говорю: право выбора остаётся за детьми, потому что те, из кого они выбирают, уже пришли на Землю, а значит, утратили способность и право выбирать.

*

Женщина! Избавляйся от своих демонов при жизни. Ты заблуждаешься, если думаешь, что смерть разлучит вас.

*

Женщина! Когда ты потеряла всё, включая себя, самое время заявить миру: «Жизнь только начинается!».

*

Если ты уже на краю бездны, не бойся заглянуть в неё: ты не увидишь ничего, кроме своего собственного отражения.

*

Мы так по-разному входим в этот мир! Кто-то спускается в жизнь, как в грязный подвал, а кто-то устремляется в неё, как в открытый космос.

*

В сознании каждого существует свой маленький личный зверинец. И чтобы зверушки не вырвались на свободу и не загрызли друг друга и окружающих, они должны чувствовать силу и власть хозяина и не покидать своих клеток.

*

Если человек способен ощущать душевную пустоту, то для него ещё не всё потеряно.

*

Сказано: «Познаешь себя – познаешь Бога».

А я говорю: «Человек больше озабочен тем, чтобы о нём узнали другие. Почему его взгляд устремлён вовне, а не внутрь?».

*

Чтобы возвратиться к Нему, вовсе не обязательно расставаться с телом и покидать Землю.

*

Ничто так не обнажает душу, как темнота и одиночество. Но что больше страшит людей – причина или следствие?

*

Человек! В лучшем случае твоё знание себя ограничивается тем расхожим набором эмоций, которые ты успел выплеснуть или похоронить в самом себе. И с этим «ценным» багажом ты намерен отправиться в Вечность?

*

Человек! Ты называешь себя рабом Божиим и при этом считаешь, что у тебя есть свобода воли?

*

Сказано: «Под каждым надгробием похоронен целый мир».

А я говорю: «Каждый человек – это кладбище несбывшихся надежд и неосуществлённых желаний».

*

Сказано: «Тело человека есть храм, где обитает Дух Божий».

А я говорю: «Тело твоё, человек, есть склеп, где томится твоя погребённая заживо душа. Ты научился обходиться без неё, довольствуясь склепом».

*

Ты думаешь, что ты владеешь своим телом? Это тело владеет тобой.

Ты думаешь, что ты владеешь своим умом? Это ум владеет тобой.

Ты думаешь, что ты владеешь своим сердцем? Это сердце владеет тобой.

Ты всего лишь собственность своих капризных и непостоянных владельцев.

*

Сказано: «Лень – мать всех пороков».

А я говорю: «Страх – отец всех пороков. А человек – создатель и укрыватель этой порочной многодетной пары».

*

Человек! Если у тебя ни разу в жизни не возникло страстного порыва обратиться к Всевышнему, и ты не воззвал к Нему с мольбой или с благодарственной молитвой, если ты ни разу не услышал Его глас, не узрел Его лик, не ощутил Его присутствие, то, право, зачем ты жил?

*

Скажи мне, кто твой недруг, – и я скажу тебе, кто ты.
Скажи мне, кто твой Учитель, – и я скажу тебе, кто ты.
Скажи мне, кто твой кумир, – и я скажу тебе, кто ты.
Скажи мне, кто твой сосед, – и я скажу тебе, кто ты.
Скажи мне, кем ты себя считаешь, – и я скажу тебе, кто ты.
Скажи мне, что ты думаешь о мире, – и я скажу тебе, кто ты.

*

Краткость – это не только сестра таланта, но и мать гения. Правда, сама по себе она ничего собой не представляет.

*

Любовь не нуждается ни в долге, ни в морали, ни в нравственности, ни в религии. Но все они, вместе взятые, не способны заменить её.

*

Сколь великое множество поколений приходило и уходило, лишь осквернив Землю своим присутствием. И как ничтожно мало тех, кто благословил её своим приходом.

*

О, женщина! Та, какой ты была задумана Создателем, и та, какой ты выбрала стать, совсем не одно и то же.

*

В игре под названием «Жизнь» не всегда третий – лишний. Иногда лишним бывает второй.

*

Таланты и возможности даются Богом. Право на создание помех и препятствий предоставлено тебе, человек.

*

Каждая потеря неотвратимо приближает тебя к нулевой точке – тому магическому месту силы, где открывается необозримое поле потенциальных возможностей.

*

Если ты так и не научилась любить свинцовые грозовые тучи, иссечённые свирепыми молниями, и ревущий ураганный ветер, белёсое от иссушающего зноя небо и выжженную солнцем морщинистую землю, то ты прожила зряшную жизнь глупого тепличного цветка или трусливой домашней канарейки.

*

Празднуй своё недолгое пребывание на Земле, человек! Никакая глобальная катастрофа не в состоянии прервать вечного вселенского праздника Жизни! Чтобы принять эту пугающую и величественную правду, достаточно освободиться из тесных пут человеческого сознания.

*

Как ничтожным осколком некогда прекрасной вазы никогда не сделаться ею самой, так пустым и жалким словам, заполнившим нашу жизнь, не дано стать Словом, которое было в начале Творения.

*

Сказано: «Человек создан по образу и подобию Божью».
А я говорю: «Образ есть, а вот подобие отсутствует».

*

Волшебство Жизни состоит в том, что в любое мгновение ты можешь начать всё сначала.

*

Ты ещё жив, но тебя уже поделили: Смерти достанутся ум и тело, Вечности – душа. Ты с кем, человек?

*

Твоя мудрость всего лишь житейский опыт.
Твоя любовь всего лишь привязанность и похоть.
Твоя сила всего лишь деспотия и жестокость.
Твоя жизнь всего лишь выживание и привычка.
Твоя смерть всего лишь пугающая необходимость.
Твоя вера всего лишь поклонение и одержимость.
Твой бог всего лишь миф, придуманный тобой.

*

О, человек! Ты начинаешь вспоминать о душе, когда она уже давно покинула твоё тело, а ты по инерции продолжаешь жить, ничего не подозревая о том, что драгоценное вино испарилось и сосуд, предназначенный для его хранения, пуст, а значит, совершенно бесполезен.

*

О, люди! Сколько Сынов человеческих приходило в этот мир спящих душ, чтобы пробудить вас. Вы безжалостно гнали и преследовали их, коварно предавали и изверски мучили, резали, распинали, сбрасывали в пропасть и сжигали заживо. Что ж, вы достигли своей цели – теперь никто и ничто не нарушает ваш сон живых мертвецов. Спите же, безумцы, беспробудным сном смерти.

*

Человек! Я знаю, почему тебя раздражают удачливые и успешные. Их богатство и слава бережат твои душевные раны. Тебе по нраву сырые и убогие. Ведь только благодаря им ты можешь ощущать собственное превосходство и тешить своё ущербное самолюбие.

*

Человек! Чем ты владеешь и на что пытаешься заявить права? Всё принадлежит Жизни, а достаётся Смерти, в том числе и ты сам.

*

Человек! Если ты даже не знаешь, откуда и зачем ты пришёл и куда идёшь, то для чего тебе все остальные знания?

*

Кто сказал, что все дороги ведут в Рим?
А я говорю: «Ты есть дорога, человек, и ты уже в Риме».

*

Почему ты ищешь удачу за пределами самого себя?
Почему ты ищешь любовь за пределами самого себя?
Почему ты ищешь мудрость за пределами самого себя?
Почему ты ищешь Бога за пределами Самого Себя?
Разве есть что-то, кроме иллюзий, за пределами Самого Себя?

*

То, что скрыто от умников и мудрецов, порой доступно безумцам. Достаточно ли ты безумен, человек, чтобы постичь Истину?

*

Обычному уму Истина всегда кажется безумием. Поэтому приблизиться к ней может всякий, но признать в ней Истину способен только безумец.

*

Чем ближе ты к Истине, тем дальше ты от неё. А дальше всех от Истины тот, кто познал её.

*

Женщина! Не стремись стать равной мужчине. Откажись от этой жалкой участи – и тем самым избежешь катастрофы. Ты заслуживаешь большего – будь равной той себе, кем тебе предназначено быть по воле Судьбы и по праву рождения!

*

Женщина! Научись любить жизнь во всех её проявлениях. Она всегда отвечает взаимностью на твои чувства.

*

Истинная мудрость состоит в том, чтобы знать то, чему ты никогда не учился и в чём у тебя нет никакого опыта.

*

Культовое сооружение, созданное человеком и оснащённое всей необходимой атрибутикой, ещё не является храмом, как не является самим предметом его изображения.

*

Порой, только взобравшись на самый верх, ты вдруг понимаешь, что оказался на вершине навозной кучи.

*

Почему самые страшные незаживающие раны нам наносят те, кто больше всего нас любит? Любовь делает нас всемогущими и такими... уязвимыми... Воистину, кто сумеет преодолеть это противоречие и примирить в себе то и другое, сплавив их воедино, обретёт бессмертие.

*

Человек! Ты действительно думаешь, что способен влиять на судьбу? Тогда попробуй стать избранным – и убедись в обратном.

*

Самая большая сложность состоит в том, чтобы понять – Вечность помещается у тебя между ладонями. Всё остальное – суета сует.

*

Миф, в который достаточно долго веришь, в конце концов становится реальностью.

*

Самые несвободные люди – это рабы и хозяева этого мира. Хочешь оставаться свободным? Не будь ни тем, ни другим.

*

Все те, что признали своё полное и окончательное поражение в схватке с обрушившимися на них бедами и неудачами, не знали одного секрета – у ящика Пандоры было второе дно. Именно там спрятан волшебный меч, дарующий бессмертие и власть над миром.

*

Человек! Ты всегда стремишься оказаться лучшим среди худших, но никак не наоборот. Именно поэтому ты слаб, беспомощен и невежественен.

*

Женщина! Ты утверждаешь, что научиться летать труднее, чем научиться ползать? Скажи об этом птицам.

*

Человек! Чем бы ты занимался, удовлетворив все свои желания?
Что бы ты сделал, получив абсолютную власть над людьми?
У тебя есть что-то такое, что ты хотел бы забрать с собою в Вечность?

*

Не будь так самонадеян, человек! Истина порой является в одеяниях лжи, а ложь – в обличье Истины.

*

Человек! Тебе так много дано, но жизнь почему-то слишком быстро заканчивается, и ты успеваешь воспользоваться только тем, что находится снаружи.

*

В детстве ты стараешься угодить родителям, в отрочестве – друзьям, в молодости – противоположному полу, в зрелости – начальникам, в старости – собственным детям. До самого конца ты ждёшь, чтобы тебе угождали другие, но этого почему-то не происходит...

*

Ты не слишком веришь в загробную жизнь и боишься смерти. Чтобы побороть свой страх, ты выбираешь себе подходящую религию и заблаговременно покупаешь место на кладбище.

*

Человек всегда возвращается туда, откуда пришёл: рождение и смерть имеют один источник.

*

Мы не способны сами себя оценить. Но когда оценку нам выносит кто-то другой, мы всегда остаёмся ею недовольны.

*

Сказано: «Просите – и дано будет вам».

А я говорю: «Если ты просишь, как нищий, подаяния, то и получишь милостыню. А если велишь подать, как власть имеющий, то одарен будешь несметными сокровищами духа».

*

Самая страшная из всех битв, но неизбежная и неотвратимая, это битва с собственной тенью. Ты хочешь знать, что будет с тобой, если ты её проиграешь? Оглянись вокруг – и получишь ответ.

*

Ты разучился разговаривать с ангелами, ты забыл их язык. Ты не слышишь их голосов и не ощущаешь их прикосновений. Ты стал земляным червём, человек.

*

Жизнь – это долгое или стремительное падение в бездну небытия. Можно зажмуриться и покорно ждать неотвратимого конца или надеяться на чудо. Можно постараться забыть о том, что обречён, и убедить себя, что наслаждаешься полётом. А можно попробовать зацепиться за какой-то выступ и сделать вид, что ценою собственных усилий спасся от смерти. Но единственный способ действительно спастись – это взлететь над пропастью. И некоторым безумцам это удавалось.

*

Человек! Не бросай тень на своё настоящее верой в светлое будущее. Живи в ослепительном свете здесь и сейчас!

*

Знай, что Настоящая Жизнь начинается за пределами мыслей, слов и поступков. Чтобы выйти за эти пределы, включи чувства и задействуй своё сердце, человек!

*

Твой Создатель не ставил себе цели сотворить совершенство. Но у Него это получилось. Когда ты это наконец поймёшь, ты станешь равным Ему. Не соглашайся на меньшее, Человек!

*

Женщина! Твоя судьба во многом зависит от того, какой способ взаимоотношений с мужчиной ты изберёшь. А их всего четыре.

Если ты принадлежишь мужчине, тогда ты его собственность, любимая и необходимая, или ни то, ни другое.

Если мужчина принадлежит тебе, тогда ты обладательница собственности, ценной и нужной, или ни той, ни другой.

Если вы принадлежите друг другу, то вы рабы, скованные одной цепью, либо мучающие друг друга, либо приспособившиеся друг к другу.

Если вы оба свободны и принадлежите только самим себе, но при этом вы вместе, тогда вы – боги.

*

Человек!

Если ты научился получать желаемое с помощью других, то ты научился выживать.

Если ты научился отказываться от желаемого ради других, то ты научился жить.

Если ты научился помогать другим получать желаемое, то ты научился творить жизнь.

*

О, человек! Всю свою жизнь ты ищешь поддержки у других, а когда не находишь, то чувствуешь себя преданным. Неужели тебе так трудно поверить в себя и самому стать поддержкой для всякого, кто в тебе нуждается?

*

О, человек! Ты рождаешься ангелом, а умираешь человеческим существом, так и не сумев стать Человеком.

*

Жизнь – это путь к Нему. Но многих так увлекла дорога, что они забыли о цели.

*

Человек! Ты заплутал в извилинах слов в поисках Истины. А она – в пробелах между словами.

*

Рано или поздно каждая женщина доходит до развилки дорог. Одна позволяет ей остаться самой собой, другая заставляет стать Самой Собой.

*

Сказано: «Если бы молодость знала!.. Если бы старость могла!..»

А я говорю: «Старость знает не больше, чем молодость, а молодость может не больше, чем старость. Знает и может не молодость и старость тела, а зрелость души!»

*

Нет более бесполезного и разрушительного занятия, чем угрызения совести. Очисти душу раскаянием, искупи вину прощением и наполни сердце любовью. Живи по любви, а не по совести – любовь не так кровожадна.

*

Совесь – это стервятник, питающийся падалью прошлого. Мудрость – это птица Гамаюн, рассеивающая туманы будущего. Любовь – это Жар-птица, озаряющая волшебство настоящего. Красота – это птица Феникс, дарующая бессмертие.

*

Человек! Всевышний наградил тебя тремя чудесными дарами: жизнью, смертью и бессмертием. И как же ты ими распорядился? Жизнь назвал дьявольским проклятием, смерть – карой небесной, а бессмертие – величайшим обманом.

*

Так много книг написано для того, чтобы заставить тебя забыть о смерти, человек! И так мало – для того, чтобы напомнить тебе о ней...

*

Существует четыре разновидности людей. К первой относятся те, что всю жизнь пьют воду из колодца, вырытого их предками, не чувствуя необходимости поступать иначе. Ко второй – те, что в силу каких-то причин, известных только им, пытаются вырыть свой собственный колодец. Кому-то это удаётся, кому-то – нет. Представители третьей категории тратят свою жизнь на то, чтобы наполнить водой уже высохший колодец, иногда проявляя редкое упорство и не желая замечать бессмысленность своих действий. А те немногие, что составляют четвёртую разновидность, сами становятся живым колодцем, утоляющим жажду всякого, кто встретится им на пути.

*

Нет более могущественной силы, чем та, что начинается с веры в Него и заканчивается верой в Себя.

*

От безрадостного союза обязанности и долга рождаются в лучшем случае уныние, скука и усталость, в худшем – насилие, лицемерие и отвращение.

*

За те же самые свойства, за которые мужчин именовали праведниками и возводили в ранг святых, женщин называли ведьмами и сжигали на кострах.

*

Люди! Вы не должны стареть и умирать так рано! Вам предназначено жить долго-долго и покидать этот мир молодыми!

*

Освободись от страха, человек! Самое страшное из того, что могло бы случиться с тобой, уже случилось: ты забыл, кто ты, откуда пришёл и куда лежит твой путь.

*

Когда ты сумеешь ощутить печаль от обладания и радость от потери, ты постигнешь тайную мудрость бытия.

*

Если бы люди знали, что мысль – это тоже поступок, они могли бы избежать множества бед.

*

Если бы годы и жизненный опыт прибавляли нам мудрости, то к старости все становились бы мудрецами, а не маразматиками.

*

Не жди от людей любви и признания, даже если ты их заслуживаешь. А если вдруг такое случится, знай: у тебя серьёзные проблемы.

Тебе завидуют и о тебе злословят без всякого повода? Радуйся и ликуй – с тобой всё в порядке, ты на коне!

*

Почему тебе легче согласиться с тем, что ты жалкий пигмей, чем признать, что

ты могущественное существо Вселенной?

*

Как легко ты согласился с тем, что тело – это всё, что у тебя есть, и как безропотно смирился с его недолговечностью!

*

О, человек! Твоя величайшая привилегия состоит в том, что ты можешь быть слепым земным червем, а можешь – всевидящим крылатым драконом, а твоя особенность – в том, что ты всегда выбираешь первое.

*

Каждый человек – избранный. Один избран быть великим грешником, другой – великим праведником, а третий – безликой посредственностью. Печально, что этот выбор делаем не мы сами.

*

Все мы либо рабы жизни, либо её хозяева. Третье дано только святым и блаженным – лишь они свободны.

*

Женщины! Почему вы всегда соперницы и никогда – единомышленницы? Стоит появиться мужчине, как вы начинаете пожирать друг друга. Что случилось со всеми вами? Вы перестали быть свободными и отважными амазонками. В угоду мужчинам вы превратились в глупых, злых и беспомощных наседок.

*

Мужчины завладели ключами жизни и построили этот мир денег и войн под себя. А кто рождает их и вручает им эти ключи?

*

Когда один читает наставления, а другой их покорно слушает, это может свидетельствовать не о мудрости первого, а о глупости второго.

*

Критиками становятся те, кому не удалось стать поэтами. Когда молчит сердце, начинает злословить ум.

*

Праведность мужчины состоит в том, чтобы обеспечивать и охранять свой гарем, постоянно пополняя его новыми наложницами. А праведность женщины – в том, чтобы быть послушной и верной рабыней одного из таких «праведников».

*

Грешниц забивали камнями. Праведниц сжигали на кострах. Чтобы выжить, ты решила уподобиться мужчине. У тебя не было выбора, женщина! Но теперь-то он есть.

*

Женщина! Тебе не наскучило быть вечной паинькой в угоду мужчине? Наличие

заботливого хозяина у преданной псины не предполагает равенства между ними, как и отсутствие поводка на её шее – истинной свободы.

*

Память – это твоя величайшая сокровищница, человек! Но тебе доступны только те жалкие крохи, что лежат у порога. Волшебные слова «сим-сим» ты забыл и некому тебе их напомнить!

*

Человек! Вся твоя жизнь – это бесконечные попытки залезть незаживающие раны, нанесённые тебе в детстве теми, кому ты верил больше, чем себе самому.

*

Есть тысяча причин, чтобы чувствовать себя несчастной, но довольно всего одной. Чтобы почувствовать себя счастливой, причины не нужны.

*

Увы, не мы выбираем дороги. Они выбирают нас. А мы предпочитаем чувствовать себя жертвами этого выбора.

*

Трудно принять собственную смерть. Но ещё труднее признать собственное бессмертие.

*

Все вопросы приходят от ума, а все ответы исходят из сердца.

*

Люди! Вы делите Землю, словно она ваша собственность. Вы вещаете от имени Бога, будто вы Его представители. Вы истребляете друг друга, точно имеете на это право. В этом и заключается ваша свобода воли?

*

Самый лучший способ избавиться от недостатков – признать собственные достоинства.

*

«Жизнь удалась!» может сказать только тот, кто умирает счастливым.

*

Мудрость – это не врождённая особенность изодрённого ума и не приобретённый житейский опыт, утяжелённый грузом прожитых лет, а видение сквозь время и пространство, свободное от логических построений и не затуманенное стереотипами человеческого восприятия.

*

Чтобы достичь недостижимого, вовсе не обязательно пытаться изменить мир, собственную жизнь и даже саму себя. Достаточно изменить свой взгляд на всё перечисленное. И это тяжелее принять, чем сделать.

*

Поток мыслей остановить сложнее, чем течение времени. Но если ты сможешь

– время само подчинится тебе.

*

Ты живёшь не головой, а телом. Ты веришь не сердцем, а головой. Ты слеп не глазами, а сердцем.

*

Самая большая награда, которая тебе досталась, – это жизнь. Самое большое наказание – это ты сам, человек!

*

Чтобы увидеть всё явное, надо пошире открыть глаза. Чтобы узреть всё тайное, надо поглубже заглянуть в себя.

*

Ты не веришь ни в себя, ни в Него. Но при этом веришь посредникам, которые способны связать тебя с Ним.

*

Мы приходим в этот мир, чтобы совершать и исправлять ошибки. Если ты решила этого избежать, вынуждена тебя огорчить – ты уже ошиблась планетой.

*

Ты ищешь причину, чтобы улыбнуться? Улыбнись без всякой причины – и она непременно появится.

*

Ты ждёшь от Вселенной так много всего! А что ты можешь предложить ей взамен?

*

Я не верю тебе, человек. Я верю в тебя, Человек! Перестань быть замыслом. Стань воплощением! Стань ЧЕЛОВЕКОМ, человек!

*

Сказано: «Любите врагов ваших».

А я говорю: «Полюби прежде самого себя, человек! Без этого ты не в силах любить даже любящих тебя!»

*

Вполне возможно, у твоего Создателя были на тебя совсем другие планы. Тебе не интересно – какие?

*

Рождённые летать – летают. Рождённые ползать – ползают. Но есть те, кто, имея крылья, предпочитают ползать. А бывают бескрылые, что всю жизнь упрямо пытаются взлететь, раз за разом падая и разбиваясь в кровь.

*

Женщина! Если для тебя так важно непременно быть кому-то нужной, то почему бы тебе не стать нужной самой себе?

*

Как правило, нашу жизнь в конце концов разрушает именно то, что некогда наполняло её смыслом.

*

Удивительно, что все по-настоящему талантливые люди похожи меду собой. Впрочем, ничего удивительного: ведь все бесталанные – тоже.

*

Степень духовной зрелости человека определяется его способностью за разделением видеть единство.

*

Как несчастны и одиноки самые счастливые из вас!
Как слабы и беспомощны самые могущественные из вас!
Как неразумны и невежественны самые просвещённые из вас!
Как бедны и убоги самые процветающие из вас!
Как недалёковидны и незрячи самые прозорливые из вас!
Мне жаль вас, счастливые...
Мне жаль вас, могущественные...
Мне жаль вас, просвещённые...
Мне жаль вас, процветающие...
Мне жаль вас, прозорливые...

*

Ах, люди! Если бы вы только знали, какая битва на небесах идёт за каждого из вас! Вы не даны на откуп злему року – силы Тьмы и Света отчаянно сражаются за ваши души! А ты на чьей стороне, человек? Или тебе пока не за что сражаться?

*

Человек! Ты не знаешь, что значит жить с Богом в сердце. Но зато тебе хорошо известно, что такое вселенское одиночество. А это знание дорогого стоит.

*

Ты думаешь, тебе не хватает времени?
Ты думаешь, тебе не хватает денег?
Ты думаешь, тебе не хватает любви?
Ты думаешь, тебе не хватает удачи?
Ты думаешь, тебе не хватает мудрости?
Ты думаешь, тебе не хватает силы?
Нет, единственное, чего тебе не хватает, это веры в себя.

*

Все мы приходим в этот мир свободными. Проживаем свои жизни как приговорённые к смерти узники. А уходим в небытие как потерянные для Бога жертвы палача.

*

Женщина! Почему тебе легче отказаться от себя и от жизни, чем от своих страхов и обид?

*

Сказано: «Смерть забирает лучших».

А я говорю: «Смерть забирает всех. Она не судит. Не карает. Она выпускает на свободу».

*

Мы тратим целую жизнь, чтобы узнать то, что нам известно с самого начала.

*

Не кляни жизнь за неоправдавшиеся надежды.
Не вини себя за разбитые мечты.
Не ругай судьбу за напрасные ожидания.
Не суди врагов за утраченные иллюзии.
Научись любить жизнь.
Научись верить в себя.
Научись принимать судьбу.
Научись прощать врагов.

*

Сказано: «Ничто не вечно под луной».
А я говорю: «Даже Земля и Луна не вечны. А ты стань вечным, Человек!»

*

Человек! Тебе говорят: «Жизнь – игра. Научись проигрывать».
А я говорю: «Учись не проигрывать! Учись не выигрывать! Учись ни при каких обстоятельствах не выходить из игры».

*

Все твои потери и обиды слетаются на громкий клич рассудка. Все твои удачи и достижения прилетают на тихий зов души.

*

Человек! Ты рассчитан на целую вечность, а тебя едва хватает на одну короткую человеческую жизнь.

*

Человек! На сколько жизней рассчитана твоя вечность?

*

Человек! Ты всегда знаешь, как распорядиться синицей, оказавшейся у тебя в руках. Но что ты будешь делать с попавшимся в твои сети журавлём?

*

Сказано: «Мы в ответе за тех, кого приручили».
А я говорю: «Прирученные в ответе за то, что позволили себя приручить».

*

Важно не то, что ты успел сказать, а то, о чём предпочёл не говорить.

*

Человек! Вся твоя жизнь – это мечты и воспоминания. Первую её половину ты предпочитаешь обходиться мечтами, вторую – довольствуешься воспоминаниями. Мечты и воспоминания – это всё, что ты можешь забрать с собою в Вечность.

*

У гнева и любви один источник – сердце. И твой Создатель дал тебе право решать, чем ты его наполнишь.

*

Как ты относишься к переменам в жизни, так жизнь относится к тебе.

*

Выбери Чудо, чтобы получить возможность выбирать

*

Цени жизнь, но не пытайся её оценивать.

*

Женщина! Я не стану спрашивать, научилась ли ты радоваться своим поражениям, потому что знаю ответ. Я спрашиваю: научилась ли ты радоваться своим победам, а не оплакивать поражения?

*

Знай, женщина: если тебе по силам отпраздновать своё поражение, то в твоей власти превратить его в победу.

*

О, женщина! Всё самое значимое для тебя ещё впереди или уже позади?

*

Женщина! Ничто не способно так преобразить тебя, как полное и сокрушительное поражение в битве с судьбой: ты либо возрождаешься из пепла, либо сгораешь дотла.

*

Женщина! Твоё сознание – это твой священный храм, сокровенная духовная обитель. Как можешь ты впускать туда чужие и чуждые тебе помыслы и побуждения?

*

Волшебное свойство жизни заключается в том, что она в точности такая, какой ты её себе представляешь. Бойся своих собственных представлений, человек!

*

Самое подходящее место и время, чтобы изменить своё отношение к себе и к миру, – это здесь и сейчас.

*

Если несмотря на всё твоё нежелание тебе всё равно придётся пройти через это, сделай это от всей души и с любовью.

*

Судьбу и участь твою определяет не то, веришь ли ты в Него, а то, верит ли Он в тебя.

*

Знание без Силы – всего лишь мёртвая информация. Сила без Знания – невежество, обладающее безграничной властью.

*

Важно то, что оставишь ты после себя, но намного важнее то, что ты сможешь забрать с собой.

*

Если твоя жизнь падает в цене, не пытайся продать её по дешёвке, сотвори из неё Нечто бесценное и отдай Миру даром.

*

Ты говоришь, что жизнь проходит мимо. Так что же ты медлишь? Следуй за ней!

*

Если жизнь потеряла старый смысл, значит, пришло время приобрести новый.

*

Человек! Ты пришёл в этот мир, чтобы поучать или учиться? Судить или прощать? Брать в долг или платить долги? Проклинать или благословлять? Упиваться горем или наслаждаться счастьем? Ублажать тело или радовать душу? Уверовать в Творца или стать творцом?

*

Женщина! Я знаю и вижу в тебе то, что ты сама о себе не ведаешь и не видишь. Я низко склоняю голову перед твоей Силой, Красотой, Мудростью и Способностью любить, терпеть и прощать.

Великий Поэт и Провидец так закончил свою Книгу книг, которую писал сорок лет:

«Здесь – заповеданность
Истины всей.
Вечная ЖЕНСТВЕННОСТЬ
Тянет нас к ней».

А я говорю: «Прими свою Женственность как величайший Дар Небес. Не предавай её в угоду тщетной суетности и пустоты быстротечного обыденного существования. Твоё Божественное начало – в твоём Женском естестве. Позволь себе всегда оставаться Женщиной – дочерью Царя небесного! Позволь себе стать Владычицей земной и небесной! Позволь себе быть Богиней! И да пребудет с тобой благословение прародительницы нашей Богини Ма! Аминь!»

АФАГ ШИХЛЫ

Когда-то была такая деревня...

Рассказ

Перевод Нилуфер ШИХЛЫ

*«На землях, которые не смогли защитить живые,
будут жить тоскующие души!»*

Двор был совершенно обычным: небольшой дом, фруктовые деревья, цветы и бассейн, который Сугра-ана каждый раз называла по-новому. Бассейн этот уже несколько лет не наполнялся, при ней в нем нельзя было ни купаться, ни даже загорать где-нибудь рядом. Лишь иногда, по старой привычке, воробьи и ласточки устремлялись вниз, чтобы утолить жажду, однако, осознав ошибку, сразу же улетали прочь.

Жасминовые кусты, расположенные напротив дома, были полны пчел, и порой тетю Сугру сильно интересовало, где же эти пчелы свили себе гнездо, и в чьем дворе превращается во вкусный мед нектар, добытый из цветов ее сада. Однако эта милая, видевшая в своей жизни много боли пожилая женщина, спустя всего несколько минут забывала ответы на только что заданные ею же вопросы, изводя этим своих близких. Самым волнующим из этих вопросов, навечно застывшим в ее зыбкой памяти, был: «Когда же мы, наконец, вернемся в деревню?». Ответить на этот вопрос не мог никто – у невесток на глаза наворачивались слезы, мужчины теряли дар речи: от деревни, в которую собиралась вернуться тетушка Сугра, осталось одно название...

Чтобы мать не скучала по родному очагу, дети купили ей уютный дом и безоговорочно выполняли все ее желания. Пользы от этого, правда, было мало: от перенесенных бедствий Сугра-ана все больше теряла память. Она путала имена детей и внуков, принимала сыновей за братьев, умерших в борьбе за спасение родных земель, а иногда возвращалась в свою юность и тогда, считая себя молодой девушкой, скучала по отцовскому дому и собиралась вновь непременно туда вернуться...

Столь плачевное состояние женщины, которая когда-то была во главе всех деревенских свадеб и похорон – следила за порядками приготовления угощений на кухне, выдавала замуж соседских девушек, давала советы невестам и взрослым матерям и знала наизусть дни рождения всех односельчан, очень тяготило ее родных. Однако, с другой стороны, они тешили себя мыслями о том, что для нее лучше бы и не помнить горькие моменты прошлого и всех тех, кого она потеряла. Может быть, думали они, прошлое стерто из ее памяти, чтобы сохранить ее и без того хрупкую психику и уж не причинять ей этой ужасной боли. Так и жила не ведающая о событиях прошлого Сугра: каждый день оглядывала двор со своего кресла, стоящего на балконе, наслаждаясь хорошей погодой, красотой окружающих ее цветов, благодарила всех, кто ухаживал за ней, и... с нетерпением ждала возвращения в деревню...

...В Бузовны наступило прохладное, слегка ветреное утро. Трава блестела крупными каплями росы, аромат влажной земли придавал воздуху приятную све-

жесть, ни птицы, ни пчелы, ни даже надоедливые мухи не тревожили пока утреннего покоя. Тетушка Сугра по старой привычке спозаранку проснулась, оделась, умылась и вышла на балкон. Как всегда, рядом была Кеклик – она ходила за сестрой буквально по пятам, чтобы та, не дай Бог, не упала. (Сугра-ана два раза падала и ломала ногу).

С тех пор, как старшая сестра, заменившая ей мать, оказалась в столь плачевном состоянии, Кеклик не могла найти себе места и посвятила остаток своей жизни уходу за ней. Она не доверяла сестру никому, даже невесткам, которые весь день ходили вокруг Сугры и всячески выражали свою заботу. Конечно, Кеклик была не так уж и молода, но, будучи на шесть лет моложе сестры, чувствовала еще в себе много сил и даже некоторую проворность. Своей семьи у нее не было: свою жизнь Кеклик провела со старшими сестрой и братьями, когда же те умерли, Сугра стала единственным близким и родным человеком для нее на всем белом свете – только ей могла она довериться, только на нее могла положиться. С тех пор, как старшая сестра стала терять память, Кеклик частенько тихонько плакала где-нибудь в углу, а затем, вдоволь наплакавшись, вытирала слезы уголком платка и, воздев руки к небу, молилась. О чем молила, чего хотела Кеклик, знали только она сама и Всевышний, но, по обыкновению, после таких молитв она будто набиралась сил, в душе ее появлялась надежда, а в глазах – сияние.

...И вновь тот же вопрос:

– Когда мы вернемся в деревню?

Кеклик, ненароком задремавшая, привалившись к перилам крыльца, вздрогнула:

– Господи, да утро ж только наступило, разве сейчас время для поездок? Успокойся, дай домашним поспать!

– Какой сон? Пора кормить собаку, пасти коров...

– Успокойся, нет у нас коров. Хочешь чаю?

– А где же они? У меня были две белые коровы! Неужели ночью их украли армяне?

– ...

Хлопнув себя по коленям, Сугра-ана воскликнула:

– О, Аллах! Что же это за нелюди такие?! Как же так можно, почему не исчезнут они с лица земли?!

– Сугра, сестра, это Баку! Мы в пригороде Баку, в Бу-зов-ны, ты опять забыла?..

– Да что ты такое говоришь? Мы уже месяца три, как уехали от родителей! Что скажут братья? Они нас обоих накажут, поверь мне!

Сказав это, Сугра-ана с грустью замолкла, но кукареканье соседского петуха заставило ее оглядеться вокруг:

– Чей это петух?

– Не знаю, сестра, соседский наверно...

– Абдала Шеми?

– Откуда здесь Шеми взялся, да успокоит тебя Аллах! – всплакнула Кеклик. – Это Баку, Ба-ку! Эх, Сугра, не должно было с тобой это случиться...

– Кажется, я начинаю бредить, не так ли? Пока я вконец не потеряла разум, да спрячет Аллах мою голову под землей! – расстроилась Сугра-ана, и число морщин на ее пожилom лице увеличилось в разы. Выровняв подол платья, она продолжила ти-

хонько бормотать что-то себе под нос...

Услышав голоса, домашние потихоньку пробудились и начали выходить из дома. Младший сын Сугры Фарид подошел к матери, поцеловал ей руку, потом – в щеку, присел на корточки и положил голову ей на колени:

– Доброе утро, мама.

– Доброе, родной. Почему так поздно проснулся? Уже полдень!

– Еще и семи нет, мать моя, это ты рано проснулась.

– Утренний воздух – лекарство, брат, ты вставал бы пораньше, гулял бы по двору... Вот я недавно посчитала – у нас ровно двадцать восемь сосен, и все такие красивые!

Взгляд Сугра-аны наткнулся на бассейн в центре двора, и одной рукой она толкнула Кеклик:

– Ну-ка, подвинься... Что это – что за яма?

– Это не яма, мама, это бассейн...

– Зачем он тебе?

– Для купания.

Сугра-ана недовольно покачала головой:

– Закопай его. Ночью кто-нибудь может ненароком упасть в него и сломать себе что-нибудь...

Фарид печально улыбнулся: мать называла бассейн то ямой, то рвом, то воронкой. Ответы домашних на ее вопрос «для чего же это?» тоже были разными: Фарид говорил правду – для купания, Кеклик и невестки отвечали, что для полива двора, внуки же частенько подшучивали над Сугрой: «Бабушка, ты же сама ее захотела – попросила вырыть яму, мы и сделали», – уверяли они. Сугра, конечно, недоумевала, зачем эта яма ей понадобилась, и никак не находила ответа, а Кеклик злилась за это на мальчиков: «Не шутите над бабушкой, проказники!» – говорила она.

– Брат, когда же мы вернемся в деревню? – Сугра-ана жалостливо посмотрела на Фариду. – Дом остался без присмотра, а что стало с садом?! Деревья, небось, выгорели от засухи...

Огорчившийся Фарид не смог ничего ответить – поднялся, погладил поседевшие волосы матери, поцеловал ее в лоб, но Сугра-ана добавила вслед:

– Я должна еще собрать свои вещи, так что предупреди заранее, родной. И, брат, если увидишь кого-нибудь из моих сыновей, скажи им, что мать ждет их, как Бейбура ждала Бейрека!..

Наступила тишина. Для переполненной горем матери секунды проходили словно годы, но спустя некоторое время память будто бы обновлялась, и она возвращалась в те годы, когда ей было не больше двадцати пяти...

Полуденное солнце жгло немилосердно. Все спасались от жары дома – кто спал, кто занимался своими делами. Воспользовавшись тем, что Кеклик спит, Сугра вышла на улицу, чтобы одной вдоволь походить по двору, однако стук костыля ее выдал. Открыв глаза и не увидев рядом сестры, Кеклик с несвойственной ее возрасту быстротой выпрыгнула из постели:

– Кажется, ты нашла себе новую привычку уходить из дома, как только я засну? И не боишься упасть?

– Ах, какая ловкая! – разозлилась Сугра-ана, – поучать меня вздумала?! Вся деревня ко мне за советами ходит, а ты меня уму-разуму, значит, учишь?

– Ладно-ладно, сестра, успокойся. Стоило одно слово сказать, в ответ уже сотню услышала...

– Вот что бывает, когда не по делу слово-то говоришь!

Вдруг Сугра, козырьком приставив руку к глазам, уставилась вдаль:

– Это что за канава там? Зачем ее вырыли?

– Для полива двора, ее заполнят водой, – в который раз уже солгала Кеклик сестре, дабы поскорей закончить разговор, однако вышло наоборот.

– Зачем для полива двора рыть такую большую канаву? Клянусь Аллахом, они потеряли рассудок. Не могли ничего другого придумать?! У других людей нет канав, а их дворы не поливаются разве?

– Мне почем знать, сестра, вырыли, да и все...

– Скажу брату, чтобы заполнил ее землей. Человек так и свалиться в нее может, ишь, чего придумали!

Сильно пожалев о том, что солгала, Кеклик решила сменить тему:

– Ты лучше посмотри на деревья, сестра, как выросли-то!

Сугра, забыв про канаву, улыбнулась:

– И правда, дай посчитаю, сколько их... Раз, два, три.... Целых двадцать восемь штук! Какие красивые деревья!

Вдруг Сугра-ана что-то вспомнила, посмотрела на ноги, оглянулась вокруг и покачала головой:

– Пепел тебе на голову, Маня. Снова без разрешения надела мою обувь и ушла... Поди найди ее теперь!

– Какая Маня?

– Жена Сурена. Живут в верхней части деревни. То и дело крадет мою обувь – как только видит, что ворота открыты, заходит, надевает, что найдет, и уходит, а доказать никак не могу!..

От этого заявления Кеклик стало одновременно и смешно, и грустно – снова бедная сестра в своих мыслях перенеслась в родную деревню...

Прежде Сугра-ане не было так плохо, но в последнее время ее состояние только ухудшилось. Недобрые предчувствия охватывали Кеклик, но она старалась гнать от себя дурные мысли. Порой ей казалось, что все это заранее продумано Аллахом – ведь, не вспоминая она по сто раз на дню свою деревню, кто знает, может, со временем все бы забылось, и существование родной деревни, и все произошедшее с ними...

Кеклик воздела руки к небесам и начала с жаром молиться: «О, джадд Сеида Суджи! Заклинаю тебя Аллахом, помоги моей сестре, сжался над ней! Никого у меня, кроме нее, нет, не унижай ее в глазах окружающих. Какая она была раньше, ты свидетель, смилуйся, прошу! Спаси сестру, да буду я жертвой твоей!»...

[†] Джадд (араб.) – предки.

Сеид Суджа был одним из самых уважаемых аксакалов в деревне. Полное его имя звучало как Суджаэддин, но все звали его Сеидом Суджой. У него был очень сильный джадд. Сеид был прекрасным, доброжелательным человеком, преподавал в деревенской школе историю. Отец и дед его тоже были надежными, благонравными людьми, и в их руках была целительная сила: больные находили у них выздоровление, горюющие – утешение. Имена их были известны на всю округу. Не было среди деревенских таких, кто не верил бы в чудодейственную силу их джадда, а одна интересная история, связанная с Сеидом Суджой, всегда была в памяти и на устах у людей.

...Как-то летом вместе с другими аксакалами Сеид Суджа сидел в чайхане. Сапожник Акоп, живущий в армянском квартале на окраине деревни, тоже был там. Во время обеда, выпив пару рюмок водки, Акоп встает, подходит к Сеиду Судже и начинает над ним подшучивать. Будучи человеком серьезным, Сеид не обращает внимания на слова пьяного сапожника. Сколько сидящие вокруг ни пытаются уговорить Акопа, он не успокаивается... Устав от насмешек, Сеид Суджа встает, подходит на глазах у всех к нему и что-то шепчет на ухо. Армянин замирает на месте, после чего, опустив голову, уходит. Утром по всей деревне распространяется весть о том, что Акоп сошел с ума. Встав на четвереньки, взрослый мужчина лает, словно пес. Народ со всей деревни толпой идет поглядеть на сие «чудо». Все действительно удивляются в том, что Акоп научился разговаривать по-человечески: что бы его ни спросили, вместо ответа он лишь лает и даже бросается на людей. Все в деревне приходят к выводу, что сапожник попал под гнев Сеида Суджи и был проклят. Спустя несколько дней вся родня Акопа приходит в дом Сеида и умоляет простить непутевого родственника. Сеид Суджа выходит на улицу, видя бегающего туда-сюда и лающего Акопа, подходит к нему и, сняв ремень, три раза ударяет им по земле. Спустя секунду бесчестный Акоп встает на ноги, отряхивает с себя пыль и грязь, в которой накануне изрядно вывалялся, подходит к Сеиду, падает ниц к его ногам, извиняется и умоляет о прощении...

Как и его отец, Сеид Суджа умер довольно молодым. У него было слабое сердце, и, не выдержав ужасов войны, однажды утром он скончался во время совершения намаза. Но люди, которые были очевидцами чудес, которые творил Сеид Суджа, не переставали говорить о нем и восхвалять Аллаха, давшего ему эту мощь.

Порой Кеклик думала, почему же джадд Сеидов не справился с армянами? Почему не уничтожил их? Почему его священный дух не стер с лица земли этих нечестивцев, не превратил их в грязных псов? Почему Аллах разрешил им разрушать мечети, дома, осквернять святые места, зверски убивать невинных людей, детей, стариков?! Потом же думала – при чем тут джадд Сеидов, если в том вина самого народа? Ведь не даром говорят: «Тот, кто дружит с волком, должен держать при себе палку». Веками армяне мучали азербайджанцев, а те все равно были им добрыми соседями, усаживали в своих домах во главе стола. Столетиями азербайджанский народ великодушно прощал этих подлецов. Но не церемониться с ними надо было, а наказывать раз и навсегда – так, чтобы никогда больше не смели нападать, убивать и занимать исконные азербайджанские земли!

...Вот в деревне у одного человека была большая собака, которая повадилась

забегать в соседские курятники и душить там по две-три упитанные курицы. И сколько ни жаловались люди на пса, хозяин собаки не принимал никаких мер. «Откуда вы знаете, что это мой пес залез в ваш курятник? Да даже если и мой, что с того – не буду же я убивать свою собаку ради ваших кур!» – говорил он.

Как-то Сугра снова нашла в курятнике двух задушенных кур, но выбросить не успела. Гадир-киши забралдохлых кур, пошел к соседу и избилшкодливую собаку что есть силы этими курами. После этого он спокойно вернулся домой. С тех пор, что бы ни вытворяли вокруг пса птицы, даже если спали на его спине и крали еду, тот лишь отворачивался и старался не смотреть в их сторону. «Вот если бы с самого первого раза мы так же поступили с подлыми соседями, не посмели бы они требовать у нас наши земли, резать наш народ, сжигать наши дома и деревни», – думала про себя Кеклик и злилась.

Жаль, какая была деревня – красивая, цветущая! С одной ее стороны простирались бесконечные сады с огромными деревьями, на которых было полно сочных фруктов, с другой бурлил, неся свои прозрачные, как слеза, студеньеводы, широкий арык. Вода в нем была такой ледяной, что, стоило опустить в арык ноги, даже в жару начинали стучать зубы. Сами деревенские уже давно привыкли и к холоду арыка, и к той скорости, с которой неслась в нем вода, но однажды все же случилось непредвиденное. Сугра-ана, которой тогда не было еще и пяти, упала в арык, и вода унесла ее аж до другого конца деревни. Быстрый поток, без сомнения, унес и сгубил бы девочку, хорошо соседи увидели и вытащили ребенка на берег...

С тех пор односельчане шуточно называли Сугру Сарой, а молодые ребята, завидев ее, начинали петь песню «Унесли потоки Сару». А когда Сугре было восемнадцать или девятнадцать, Гадир (ее будущий муж) хорошенько надрал одному из этих«певцов» уши, навеки покорив ее сердце. Спустя год они поженились, и всю жизнь для Гадира его жена, родившая уже четвертого ребенка, все равно оставалась самой красивой женщиной во всей округе.

Сугра и вправду была хороша – высокая и стройная, с чудесными золотистыми кудрями, мудрая и расторопная, она справлялась с самыми сложными делами по дому. Вместе с Гадиром они прожили прекрасную жизнь: поженили сыновей, выдали замуж дочерей. Но все это было до войны, до бегства...

...В те годы, когда армяне начали сеять беспорядки, многие жители деревни купили себе в Баку и других городах квартиры и переехали в них из села. Но Гадир-киши и отважный его брат Хасрет, который один стоил целой роты храбрых солдат, да и другие братья даже и не думали куда-то переезжать и кого-то бояться. Слабо веря в такую необходимость, они на всякий случай все же достали и почистили свои винтовки, держа оружие наготове: «Все будет хорошо. Руководство все уладит», – говорили они... Однако...

Однажды во дворе послышались крики. Домашние выбежали на улицу – от удивленного у всех остановилось сердце. Вечером у подножья горы армяне поймали Хасрета, который возвращался со стадом домой, и отрезали ему голову. Голову они надели на рог одного из буйволов, и бедное животное вернулось домой с окровавленной головой и залитыми кровью глазами. В этот день от пережитого ужаса у Сугры

поседели волосы, но на этом беды не закончились. После того, как родственники дали эхсан на третий день со дня кончины Хасрета, Гадир-киши с аксакалами деревни отправились к армянам, чтобы забрать тело убитого. Добраться до вражеского стана им было не суждено: многие погибли по дороге, подорвавшись на минах, расставленных вероломными армянами ночью.

Спустя еще несколько дней началась война: ночью на деревню напали вооруженные армянские солдаты, убили многих односельчан, лишь некоторым удалось спастись бегством. Гадир-киши усадил свою семью, семью брата и нескольких соседей в грузовую машину и пытался вывезти всех из осады. По пути он получил несколько пулевых ранений, однако руль из рук не выпустил и спас всех, прежде чем скончался. Умирая на руках у рыдающей жены, он только и смог сказать: «Береги детей», и глаза его закрылись... Оставшись одна с четырьмя детьми, без мужа, дома, средств, лишь благодаря поддержке родственников смогла Сугра кое-как пережить горе...

Сугра еле дышала, бледная, как смерть, она похрипывала:

– Эй, дети, кто-нибудь видел Кеклик?

– Бисмиллах, а я кто, сестра? – Кеклик провела рукой по лицу.

Сугра же тихим голосом продолжала:

– Доченьки, муж мой не приходил, не навевывался обо мне? Разве так можно, разве не должен человек приехать, спросить, осведомиться о жене: «Где раба моего дома?»... Не о коне же или верблюде идет речь, в конце-то концов! Мог бы даже не заступать за порог, просто разузнать за воротами, что я да как?!.. С другой стороны, такой жене, как я, так и надо – приехала в гости и не сдвинулась с места, как чепрак под седлом, даже не подумала: «Что с моим домом, как там мой бедный муж? Завтра же нужно найти какую-нибудь повозку и – сразу домой!»...

Кеклик даже не нашлась, что ответить, прослезилась и покачала головой, а Сугра-ана продолжала:

– Здесь есть, где переночевать? Где наши вещи? Может, самим пуститься в путь? Дойдем пешком...

– Мы в Баку, сестра моя! Куда ты собралась? Где наша деревня??? Да нет ее больше, сгорела, и народ издох! Приди уже в себя, дочь несчастного!!!

На глаза у Сугры навернулись слезы, и лицо Кеклик побелело: только сейчас она поняла, в каком состоянии находится сестра. Ни разу еще до этого не видела Кеклик Сугру плачущей, потому что ни разу – ни обнимая умирающего мужа, ни получив весть о смерти деверей, ни увидев отрезанную голову Хасрета, ни покидая пылающий родной дом, она не плакала и годами все горести переживала тихо, без лишней эмоций. Может, потому и потеряла память, довела себя до столь плачевного состояния.

«Чтоб я умерла! Сколько же раз я об этом думала, и вот, случилось», – почуяв страшное, проговорила Кеклик и, набросив на себя что под руку попало, выбежала на улицу позвать домашних. А в это время оставшаяся наедине с собой Сугра все говорила, тихо плача, и речь ее становилась все более странной и непонятной:

– О Аллах... пришел Сеид Суджа... говорит, в деревне жарко... все горит...

Кеклик вместе с другими женщинами, собравшимися в доме, рыдала и рвала на себе волосы, а Сугра продолжала бредить:

– Да стану я жертвой твоему джадду, Сеид Суджа! Вот, он говорит: все, кто на летних пастбищах в горах сейчас, уж больше не вернутся назад... Говорит, земля горит... невозможно ступить...

Сыновья целовали морщинистые дрожащие руки матери, от беспомощности не находя себе места, а агбирчек,¹ еле дыша, что-то тихо напевала:

*Возраст за девяносто перевалил давно...
Азраил другом стал – мне же все равно...
Скоро оказаться в могиле суждено...
Зову тебя, откликнись, черная судьба!*

Сугра-ана окинула затуманенным слезами взглядом так и не ставший ей родным дом, молча, одними глазами попрощалась с детьми, внуками, невестками, имена которых уже давно не помнила, но любовь к которым все еще жила в ее душе; родные же, собравшиеся у ее постели, плакали навзрыд: еще одна несчастная мать, оказавшаяся вдалеке от родных оккупированных и опустошенных земель, проживала последние минуты своей жизни...

Москва
24.07.2014.

¹ *Агбирчек* (азерб.) – седовласая.

ИНЕССА ЛОВКОВА

Оболочка

Облачили дома
В скорлупу не ореха,
Скрыть пытались огрехи,
Кой-какие прорехи –
Залатать и замазать;
Преуспели кой в чём,
Наводя лоск и глянец,
Чтобы это всё счёл
Зазывной иностранец
Нашей жизнью завидной.
С расстоянья видна
Дутых крыш новизна,
Корпусов желтизна,
И окон двойники
В параллельном проёме
В показательном доме
Не наводят тоски.
Только вот незадача –
Их нельзя распахнуть,
Чтоб, светя на удачу,
Солнце длило свой путь,
Ветер чтоб, забавляясь,
Занавески трепал,
Чтобы, с телом братаясь,
О душе вспоминал.

Наш двор

Я была на улице детства,
Где теперь высоты стоят,
Двор наш старый тут, по соседству,
Притулился к гряде громад.

Как-то медля, но по охоте,
По желанью, что гонит кровь,
Шла туда, где на повороте
Был наш первый семейный кров.

Застолбили прадед с прабабкой
Родовое наше гнездо
С заведённым ими порядком –
Соблюдалось всё «от» до «до».

А тогдашние папарацци
Засветили вкупе семью,
Все – и чада, и домочадцы –
Создавали повесть свою.

И до нас долетело слово,
А точнее – обрывки слов,
Задавался сценарий новый,
Безоглядно ломая слог.

Сорвались все четыре ветра,
Разметались по сторонам,
Полыхнули земля и недра,
Где ни глянь – разоренье там.

А потом, до скончанья века,
Заселяли дворы гуртом,
И советского человека
Укрепляли в порядке том.

Двор попутным десятилетиям
Заплатил изрядную дань,
Всем своим разнобойным детям
Бескорыстно чего-то дал.

Жизнь, как опытная гадалка,
Развела дворовых ребят,
Что привычкой жить в коммуналке
Одолели самих себя.

Раствориться в далёком детстве
Хмурым мыслям не удалось,
И не суть в высоком соседстве,
И не в цифре 30 вопрос.

* * *

Старость всласть пока не пировала
На останках юности моей,
Зрелостью она бы помыкала,
Только зрелость не даётся ей.

Стынь. Лютует. Тьма. Не за горами. –
В арсенале зимнем уйма слов,
За вполне конкретными словами
Жёсткая конкретика азов.

Знаем, зрелость под неё прогнётся,
Пошумит легонько и поймёт:
На Земле не грех и побороться,
Чтоб отсрочить в неизвестность взлёт.

Почти колыбельная

Нас с колыбели согревает
Тепло родительской любви,
Я знаю, жизнь тебе подарит
Причуды разные свои.

Она закрутит, словно в вихре,
Тебя без спроса, а пока
В твоих шагах, таких несмелых,
Опорой – мамина рука.

Ты – продолжение живое,
Законы жизни так просты:
Мы повторяем наших предков –
Тебе достались их черты.

Вот тянешь ручки ты, и будто –
До слёз, до щемоты в груди –
Твой дед протягивает руки,
Как говорят: один в один.

Даются имена во благо –
Так у людей заведено,
Тебе же, милый, имя деда
По справедливости дано.

А взглядом ясным, темнооким,
Овалом доброго лица
И подкупающей улыбкой,
Сынок, ты в своего отца.

Я верю, сердце не обманешь –
Судьба к тебе благоволит:
Так, буква V – знак на межбровье –
Быть победителем сулит.

Будь победителем, мой мальчик,
Я говорю тебе, любя...
Рассветным утром солнце снова
Взойдёт для всех и для тебя.

Не жизнью ты был, а бытом,
Устроенным, к слову, так,
Что двери настежь раскрыты
И в окнах стыл полумрак.

По-зимнему было зябко,
Наверно, не только мне,
И в пору жизни несладкой
Впору мечтать об огне.

Кастрюли да сковородки,
И ты, воплотивший быт,
А в жизни – выхлоп короткий,
Условный пароль забыт.

Забылась и я от быта
И, как в неподдельном сне,
Тебя увидеть забыла,
И не было страшно мне.

Я ни о чём не жалела,
Вряд ли чего-то ждала,
Может, совсем неумело,
Но настоящим жила.

* * *

Минуты въедливой тоски –
Не повод говорить о личном,
Они порою так близки
В моём душевном пограничье.

Я жизни радуюсь не зря,
Сумев понять иль догадаться:
Судьбу заносчиво коря,
Недолго на прокол нарваться.

А день грядущий подкуплю,
Пусть и рабочим, вдохновеньем,
Я без оглядки жизнь люблю,
Без почитанья дня рожденья.

Пустота

Я проговариваю строчки
В немую пустоту,
Мои пустые заморочки
Сгорают на лету.

От шелухи иносказаний
Освободиться тщусь,
Я не раба пустых желаний,
Но в пустоту гляжусь.

И в ритме сыгранных мелодий
Придумала союз
До той поры, как всё в природе,
Я с пустотой сольюсь.

Дни

Как люди, разнолики дни,
Рождаясь по обыкновенью,
Удачи их и невезенья
Необъяснимому сродни.

Расписан некий день с утра
На суету и проволочки,
А где-то точатся заточки,
И список полнится утрат.

И тут же, в искупленье дня,
Творятся тихие молитвы,
В которых души монолитны,
Единоверие приняв.

Вот переплюнуть прошлый день
Задумал пришлый – не от скуки,
Но все напрасные потуги
Явили прошлого модель.

Ему хотелось сквозь века
Могучим эхом отзываться,
Законно разместиться в святцах.
Он смел на это намекать.

Он, смелый, знал наверняка,
Такие дни уже случались,
А потому снедала зависть
И уносила, как река.

А впрочем, на худой конец,
В обход добра и постулатов,
Дурная слава Герострата
Сгодилась бы ему вполне.

И этот день пошёл на убыль,
За что-то мы его полюбим...
Как люди, разномастны дни –
Не только это их роднит...

Мой болевой порог,
Я признаюсь, высок,
Но жать на точки болевые
Или словами бить навывлет –
Приём запретный,
И оттого наветы

И словоблудье не прощу,
Я попусту не верещу,
Да и особо не грущу...
За сим желаю быть забытой,
Чтобы не быть два раза битой.

НАРГИЗ ХАНДЖАНБЕКОВА

Как?

Это – как позвать выпить чай,
Позвонить в 12 ночи и позже,
И совсем не знать, как начать,
И дышать одной только кожей.

Или – как смотреть в пустоту,
А во взгляде – страх, и нет смысла,
Когда ты целуешь не ту,
Что писала все эти письма.

Мне бы хоть на день все вернуть,
И, до дыр тебя изучивши,
Память с мягких плеч отряхнуть,
И мечтать – а может, приснишься.

Пора

Вроде, ты добился, чего хотел –
Есть своя квартира и свой отдел.
Только счастье тебя обходит, а ты хотел,
Чтобы сердце твое любило хоть иногда.

Мы встречаемся редко в друзей кругу,
Это все выводит и гнет в дугу.
А казалось, вытерпеть все смогу...
Но реальность жесткая, как всегда.

И ночами кто-то в квартире той,
Где, по плану, жили бы мы с тобой,
Наступает нежно босой ногой
На почти пустой уже чемодан.

Она любит мюсли и свежий сок,
Поправляет тебе утром воротничок,
И не носит юбок и тех чулок,
Что тебя заводят, как никогда.

Но ты понимаешь, что все – не то,
Что тебя не слышит почти никто,
Хоть и обнимает – не то тепло,
И она не любит тебя, как я.

Помнишь, как мы пили вино в обед?
Как ты обещал нас от сотен бед
Уберечь! И как старый плед
Грел нас, полуголых, зимой тогда?

А теперь на дружеских вечерах
Ты прочтешь в усталых от слез глазах
Обо всех бессонных моих ночах,
И невольно вспомнится та пора.

Хоть ошибки наши и не порок,
Но любви отсутствие долгий срок –
Повернуло жизни наискосок –
Я теперь не с тем, а с тобой не та.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

Вот уже пятнадцать лет Елена Андреева сотрудничает с журналом «Литературный Азербайджан». Коренная бакинка, библиотекарка по профессии, Елена с детства сочиняла стихи – точно так же, как сочиняют их девочки во всем мире и во все времена. Но многим девочкам скоро наскучивает это занятие, либо же они увлекаются чем-то другим. Не то Елена: она продолжала и продолжала складывать вирши, записывая их в тетрадку. А пятнадцать лет назад некоторые из этих стихов попали на глаза главному редактору «Литературного Азербайджана», известному поэту Мансуру Векилову. Он нашел их вполне зрелыми, пригодными для публикации в журнале. А потом Елена попробовала свои силы в прозе – и весьма удачно! И рассказы ее тоже увидели свет на страницах «Литературного Азербайджана». Сегодня, 15 лет спустя после дебюта, Елена Андреева – признанный поэт и прозаик, автор двух сборников стихов и трех сборников прозы, изданных в Азербайджане и России; по двум рассказам Елены на студии «Азербайджанфильм» сняты короткометражные ленты (режиссерами Нонной Музаффаровой и Мешаимом Гасымовым). И как поэтессе, и как прозаика Елену интересует практически все. И жанры, в которых она работает – самые разные.

ВАРИАНТЫ

1. Маки

...Она стоит по пояс в полыхающих волнах. Жадно рвет длинные стебли, попутно захватывая постороннюю траву. Из ярких чашечек цветов выскакивают потревоженные насекомые, попадая ей то в глаза, то в рот. Она не обращает внимания на нетерпеливый клаксон микроавтобуса, замершего на обочине, уходит все дальше и дальше, путаясь в зарослях, купаясь в кровавых лепестках, рискуя не найти потом тропинку, по которой шла...

...когда еще доведется испытать такое?

Она оглядывается лишь тогда, когда букет перестает уместиться в ее измазанных руках. Тогда она устремляется назад.

В микроавтобусе тесно. Но ее место как раз возле откидного столика. Она кладет свой громадный букет на кучу таких же, только более аккуратных. Кто-то замечает, что в ее букете всего лишь три помятых цветка.

Она молча улыбается. Зато сколько тугих зеленых бутонов!

Микроавтобус трогается, оставляя позади алые поля.

Захваченные в плен насекомые бунтуют. Они расползаются по людям и разливаются по салону. Ей все время кажется, будто кто-то из букашек забрался под майку. Она вздрагивает, лезет себе за шиворот...

– Да вот он.

Чьи-то пальцы снимают со стекла жучка с бархатистым на вид брюшком и выбрасывают в раскрытое окно.

Дома она сортирует букет, режет крепкие стебли, усеивая пол обрезками.

Долго ищет подходящую посуду; в конце концов, извлекает из глубин серванта тяжелую хрустальную вазу, которой никто до сих пор не пользовался.

– Господи, – ворчит на кухне мать, орудующая веником, – девке сороковой пошел, а развлечения все те же...

... – Встретимся?

– Встретимся, – соглашается она.

По скатерти ползет жук. Останавливается на самом краю стола, умывает кожаную мордочку. Она подсовывает под жука опавший яркий лепесток, поднимает его в воздух, подносит к букету в вазе... ей кажется, будто насекомое подает какие-то знаки, шевеля лапками в рыжих ворсинках.

– Так я заеду за тобой? – мужской голос в телефоне настойчив, закрепляет успех.

– Ну, заезжай, – снова соглашается она, пожав плечами.

– Ты вообще о чем сейчас думаешь?

Жук прячется в полураскрытой огненно-красной чашечке цветка, сливаясь с его темной середкой. Он словно недоволен чем-то.

Отбой.

Она перебирает свой гардероб, извлекает пеструю юбку и белую блузку. Наряжается. Крутится перед зеркалом.

– Не слишком ли коротко? – мать смотрит оценивающе.

– Самое то.

Она берет сумочку и убегает из дому.

... – У тебя там что-то ползает, – говорит мужчина.

Они сидят в открытом ресторанчике у канала «Венеция». Она потягивает из бокала шампанское, разглядывая окружающих. По ее полураскрытой сумочке неторопливо ползет жук, время от времени останавливаясь и шевеля усиками.

– Кыш, – шепотом говорит она жуку и кончиком пальца загоняет его в сумку. И, уже громко: – Тебе показалось.

– Не хочешь ли еще пирожного? – предлагает кавалер. – Правда, я должен быть с тобой откровенным – я сегодня не при деньгах. Компания наша разорилась...

– Угу, – кивает она. И: – Тогда зачем все это?

– В смысле? – не понимает (или делает вид, будто не понимает) он и тут замечает на ее ладони множество полузатертых бурых пятнышек. – Что это?

– Это? Маки.

– Маки? Ты что, увлекаешься опиумом?

– Что? – теперь не понимает она. Из ее декольте показывается головка жука. И когда только это непоседливое насекомое успело вновь выбраться из сумки и залезть к ней под блузку?!

Она заливается тихим смехом. Мужчина принимает это на свой счет:

– Я, наверное, выгляжу полным идиотом в твоих глазах?

Она никак не может успокоиться.

– А может, ты – наркоманка?

Они расстаются.

«Он не твой», – шепчет ей жук, прежде чем улететь прочь.

2. Бедная Фатя

Жил-был старик. По правде говоря, ему было всего сорок лет, но постоянный труд и заботы о семье настолько подкосили этого человека, что он выглядел стариком – седым, морщинистым, глядящим на все окружающее усталым взором.

У этого еще нестарого мужчины была семнадцатилетняя дочь по имени Фатя. Но ум у нее был как у шестилетнего ребенка. Она не умела ни читать, ни писать, она не умела вести разговоры и всегда лишь поддакивала с бессмысленной улыбкой...

– ...Скажи, Фатя, мало денежек зарабатывает твой папа?

– Мало, – отвечала слабоумная и улыбалась.

И вот однажды отец Фати пригласил в гости цыганку Зару. Нестарая еще, она много чего повидала в жизни. Она сидела за столом и прихлебывала из блюдца чай с сахаром вприкуску.

– Хорошо у вас дома, – сказала цыганка, рассматривая голые стены.

– Что ж тут хорошего? – горько возразил отец Фати. – Живем в нищете...

– Но чай-то вы мне подали, – заметила цыганка. – И сахару не пожалели. У других в доме и унитаз золотой, и сами из золотых чашек пьют, а двери держат на запоре от таких, как я. Злые люди стали. Бесчувственные. К чужой беде глухие. А у вас в доме – атмосфера благоприятная... Ладно, засиделась я, пора и честь знать.

– Постой, – сказал отец Фати. – Я вот что хотел у тебя попросить...

– Погадать? Это я могу.

– Не совсем погадать, – смутился мужчина. – Я слышал, ты большее умеешь.

Судьбу изменить...

– Ну нет! – не на шутку испугалась Зара. – Ни за что!

– Так все-таки умеешь?

– Имеется у меня такой дар. Но я один лишь единственный раз им воспользовалась, одному человеку помогла... а он меня потом за это проклял. Человеческая судьба – дело тонкое, если что не так пойдет – всю жизнь себя потом укорять будешь... Лучше не проси.

– У тебя никогда ни о чем не просил, и никогда ни о чем не попрошу, но помоги же мне! – воскликнул мужчина. – И проклинать тебя не стану, что бы ни случилось, клянусь тебе чем хочешь! Устал я всем богам молиться...

– Не трать лишних слов, – сказала цыганка. – Твоя беда – твоя дочь. Но поверь мне, тут я бессильна.

– Но ты можешь хотя бы попробовать? Я заплачу.

– Чем ты заплатишь, бедолага?.. Ладно. Где твоя дочь?

– Она в своей комнате, где ж ей быть?.. Сидит, как всегда, одна и обнимает свою единственную куклу. Я тебя туда тихо проведу, чтобы жена не узнала. А то такую панику поднимет...

– Грех ведь на душу беру, – вздохнула Зара. – Да придется.

Фатя сидела на своей кровати, улыбаясь своей бессмысленной улыбкой и нянча голую и почти лысую куклу.

– Доченька, – ласково обратилась к ней Зара, – а ну-ка, дай мне свою ладошку, и не бойся, щекотно не будет.

– Не будет, – глупо повторила Фатя и добавила: – Ладошку.

Зара долго колдовала над ладонью, чертя на ней какие-то узоры ногтем ми-

зинца, что-то шептала, смотрела то на пол, то в потолок, плевала влево и вправо, пару раз приложила Фатину ладошку к своему лбу... Со стороны все это выглядело довольно смешно. Но отцу Фати было не до смеха. Он, затаив дыхание, ждал результата. Правда, пока еще сам не понимал, какого.

– Все, – сказала Зара, тяжело поднимаясь с колен. – Больше не могу, сил нет. Но сделала все, что смогла. Изменения будут.

– Спасибо, Зара, – залепетал мужчина, суетливо сунув цыганке в руку скомканные бумажки.

– Не благодари! – окрысилась та. – И убери деньги. Не ровен час, еще волосы на себе рвать будешь...

...Фатя проснулась. Недоумевающим взглядом обвела свою комнатку с полуотклеившимися обоями. Затем брезгливо сбросила с себя ветхое одеяло в выцветшем пододеяльнике. Сняла со стоящего рядом стула халат, покрутила его в руках и отшвырнула. Встала, подошла к старому шифоньеру, запахнула дверцы.

– И это все, что я могу на себя надеть?.. – с горькой иронией спросила Фатя саму себя, перебирая жалкие кофточки и юбки, многие из них – старые, залатанные. – Негусто.

Она погляделась в зеркало.

– Кто это так безобразно меня подстриг? А–а, мой любимый папочка. Помню, как он орудовал тупыми ножницами да сюсюкал при этом: «Фатя будет красивой...». Тьфу! Ну и повезло же мне с родителями...

Нарядившись во что-то немыслимо пестрое и открытое, девушка вышла на кухню.

– Доброе утро, мамочка. И что у нас сегодня на завтрак? Опять макароны?

Мать чуть не выронила нож, которым чистила морковь для постного супа на обед. Потеряв дар речи, женщина уставилась на дочь. А та заглянула в кастрюлю, потом полезла в холодильник, извлекла оттуда маргарин, быстренько намазала его на кусок черствого хлеба.

– Ну что так смотришь на меня, мамочка? – продолжала Фатя, откусывая от бутерброда и с отвращением жуя. – Боишься, объем вас? Вот ведь незадача, произвели вы меня на свет, а деньги зарабатывать так и не научились. Может, надо было наоборот, а, мамочка? Или вы только рады, что я родилась полоумной и ни на что не претендующей?

Мать обессилена опустила на кухонный табурет, не сводя глаз с Фати. Женщина пыталась что-то сказать, но не в состоянии была вымолвить ни слова.

– Кстати, где наш папочка? – продолжала Фатя, доев бутерброд. – Все еще ночным сторожем подрабатывает, бедняжка? А где у нас деньги?

– Там, в столике. Возьми, если тебе нужно. Только это последние... до зарплаты... – вымолвила наконец мать.

– Понятно, – иронично сказала Фатя.

Она вытерла руки о дырявую скатерку. Встала, подошла к столику, выдвинула ящик и выгребла из него все имеющиеся в наличии деньги.

Через несколько мгновений она ушла из дома, хлопнув дверью.

Мать вздрогнула, да так и осталась сидеть, с ножом в одной руке и с морковкой в другой, непрерывно глядя в одну точку.

Фатя быстро шла по бульвару, заглядывая в глаза прохожим. Она словно искала в чужих глазах отражение себя самой, вернее, своего истинного «я». И было Фате стыдно за свою немодную одежду и нелепую прическу.

Так продолжалось до тех пор, пока она не наскочила на гуляющую вдоль морского побережья Зару. Девушка подскочила к ничего не подозревающей цыганке и буквально вцепилась той в волосы.

– Ах, это ты, ведьма, надо мной вчера колдовала?! – закричала Фатя. – Плевала мне в ладонь своей ядовитой слюной?!

– Фатя, отпусти меня, пожалуйста, – взмолилась Зара, у которой из глаз брызнули слезы. – И прости, прости меня, если что-то вышло не так! Я просто хотела...

– Чего ты хотела?! – заорала девушка. – Чтобы я поняла, что я нищая? Что я совсем неграмотна? Что я совсем одинока, ни друзей, ни подруг? Этого ты хотела?

– У тебя все будет, Фатя, – пообещала цыганка. – Надо только подождать...

– А я не хочу ждать, – девушка топнула ногой. – Давай, колдуй дальше по моей руке, или верни то, что заплатил тебе мой добрый папочка!

– Нет у меня денег, Фатя, – продолжала отбиваться цыганка. – Да и не в них счастье...

– Врешь ты все, – тяжело дыша, сказала Фатя. – Нацепила на себя лохмотья, ходишь по чужим домам, чай распиваешь. Голову всем морочишь – между прочим, за деньги, а потом еще говоришь, что не в деньгах счастье!

– Хорошо, я дам тебе свое кольцо, – Зара принялась стаскивать с пальца золотой перстень. – Только оставь меня в покое...

Тем временем возле них стала собираться толпа зевак. Люди посмеивались, наблюдая за скандалом. Из толпы шагнула вперед соседка Фати:

– Фатя, это ты? А где же твой папа? Почему ты одна?

– Я не обязана отчитываться перед всеми и каждым, где мой папаша и почему я одна, – грубо ответила девушка.

– Господи Иисусе, – ужаснулась соседка. – Бедные родители... Единственная дочь заговорила, и, похоже, не к добру... Хоть бы они умом не тронулись...

– Видишь, что ты натворила, ведьма! – закричала Фатя цыганке. – До твоего колдовства я и не знала, что мои родители самые несчастные, а теперь я буду слышать это ото всех и каждого! Лю-ди! – закричала Фатя, хватая Зару за юбку. – Держите ее, она у меня только что деньги украла!

– Эй ты, шалава, – лениво сказал Фате один из зевак, паренек с велосипедом. – Что привязалась к бедной женщине? Не знаешь, как деньжат заработать? Так иди на шоссе, вон сколько иномарок...

Когда отец Фати вернулся домой с ночного дежурства, он застал плачущую жену. На вопрос, куда подевалась Фатя, жена разрыдалась еще пуще.

Дочь вернулась под вечер, вся грязная, с синяком под глазом. Она молча прошмыгнула в свою комнатку и легла спать, не раздеваясь.

А наутро ее разбудил отец.

– Вставай, – хмуро сказал он. – Приведи себя в порядок. Скоро к нам придут гости. Дальние родственники.

– Что им нужно? – сонно спросила Фатя. – Денег будут просить? У нас же нету.

– Не будут они просить. Они богаты. Но единственный сын, если ты помнишь, болен слабоумием... Они хотят женить его на тебе. Обещают никогда тебя не обижать

и всем обеспечивать, лишь бы вы жили вместе.

Фатя села на кровати:

– И что ты им ответил?

– Пока ничего, доченька, пока ничего... Теперь тебе самой придется решать свою судьбу...

3. Себастьян и его память

...Выставка-ярмарка новейшей робототехники потрясала. Люди, привычные, казалось, ко всему, ходили между стендами, поминутно охая, ахая, всплескивая руками. Здесь были представлены все достижения современного человеческого гения, воплощенные в металле, биопластмассе, кибертронике...

– Нет, ты только полюбуйся, – восхищенно сказал отец, останавливаясь перед медицинским стендом. – Это же «Данко». Он способен в домашних условиях провести операцию на сердце!

– Типун тебе на язык, – сердито ответила мама, с неопределенным выражением лица разглядывая застывшую поодаль вереницу грациозных и улыбчивых роботесс-няnek под огромным плакатом: «Ваши дети – в наших надежных руках!»..

– Я понимаю, ты давно мечтаешь о роботе-уборщике... У нас дома уже пять таких, и ни один тебе не нравится.

– Да не мечтаю я уже ни о чем! Мы с Себастьяном устали. Мы делаем уже третий круг по выставке и ничего еще не приобрели. Довольно. Голова кружится и спать хочется.

– Как можно хотеть спать при виде всей этой красоты?! – возмутился отец.

Маленький Себастьян захныкал, стыдясь собственной слабости. Ему тоже было обидно уходить отсюда ни с чем. Зачем же тогда летели в такую даль?

– Что ж, нам действительно пора, – отец взглянул на часы.

Плачущего Себастьяна повели к выходу. У самых дверей мальчик остановил свой взгляд на небольшой забавной игрушке, изображающей инопланетянина.

– Обыкновенная игрушка, – пожал плечами отец. – Вчерашний день. Даже позавчерашний. Что ты в ней нашел?

Но подошедший толстый японец в очках, улыбаясь, снял игрушку со стеклянной полки и протянул ее Себастьяну.

– Хотя кому-то из нас счастье привалило, – проворчал отец, с явной неохотой вытаскивая бумажник. Но японец отрицательно замотал головой, давая понять, что денег не возьмет. Подарок!

– Большое вам аригато, – слегка иронично сказал отец и поспешно спрятал бумажник. – И давайте уйдем, пока добрый дядя не передумал.

– Зачем обижаешь человека? – возмутилась мама. – Аригато, – сказала она японцу. Тот с улыбкой поклонился. Себастьян тем временем стискивал в объятиях игрушку. Лицо мальчика просветлело, слезы высохли.

– ...Ну и как ты назовешь этого урода? – осведомился отец, когда все они уселись в машину.

– Борька, – не задумываясь, выпалил мальчик.

– Отлично, – усмехнулся отец.

– Где ты выкопал такое странное имя? – удивилась мама. – На нашей планете уже лет сто так никого не называют.

Себастьян молча пожал плечиком.

Отец перегнулся через спинку сиденья и взял игрушку из рук сына. Покрутил прищельца туда-сюда, рассматривая, нашел на его спине черный кругляш.

– А, – сказал отец. – Ясно. – Он поднес игрушку к лицу Себастьяна. – Ну-ка, скажи его имя сюда, в микрофончик.

– Борька! – выкрикнул мальчик.

– Борька... – повторил инопланетянин бархатным голоском и сделал такое движение кургузыми ручонками, будто хотел обнять своего владельца.

– Скажи еще что-нибудь, – заинтересованно попросила мама.

– Я твой друг, – сказал Себастьян в черный кругляш.

Инопланетянин мягко заурчал и замер, уставившись огромными глазищами на мальчика.

– Что и требовалось доказать, – изрек отец. – Это не только устаревшая модель, но еще и бракованный экземпляр!

– Дареному коню в зубы не смотрят, – мягко сказала мама.

– Мы его починим, ведь правда же? – умоляюще сказал Себастьян.

– Естественно. Как и все остальное, – иронично сказал отец и повернул ключ зажигания. Машина загудела и плавно поднялась на воздушной подушке.

...Большая голова Борьки напоминала оранжевый корнеплод. Рельефный лоб – аппетитные мандариновые дольки. Четырехпалые лапы – подрумяненные куриные крылышки... Даже глаза и те походили на яичницу-глазунью.

Инопланетянин стоял на книжной полке, освещенный лучами заходящего солнца.

...Сначала Себастьян вцепился зубами в голову Борьки, ощутив во рту что-то пыльное и безвкусное. Потом мальчик принялся откусывать плоские широкие пальцы инопланетянина. Проглотить их он не мог, а выплюнуть не удавалось – пальцы расползлись в клейкую массу...

– Себастьян, с тобой все в порядке? – испуганно спросила мама, случайно зашедшая в детскую. – Что ты делаешь, Себастьян! – закричала она, бросаясь к ребенку. – Себастьян, опомнись! Прекрати немедленно!

Она стала вырывать растерзанную игрушку из рук сына. Ей это удалось.

Сын посмотрел на мать. Его рот был набит, лицо искажено гримасой.

– Борька невкусный... – жалобно произнес инопланетянин, лежа на полу. Он был весь искусан, и у него полностью отсутствовала правая рука.

– Доктор, скажите правду, что произошло с моим сыном?

– Генетическая память... – задумчиво сказал врач.

– Что вы имеете в виду?

– Кто-то из ваших предков пережил голодные годы – во время войны, катаклизма...

– Трудно поверить... На Земле давно уже нет ни голода, ни войн.

– Копайте глубже. Мы совсем недавно пришли к продуктовому изобилию, а до этого, если верить истории, миллионы людей на планете буквально умирали с голоду.

– Трудно поверить, – повторила мама Себастьяна. – Даже моя прабабка не помнила такого.

– Генетическая память – помнит. Она многое помнит.

– Вы мне скажите, мой сын серьезно болен? Чего мне опасаться дальше? Не станет ли он набрасываться на людей?

– На людей – уверен, не будет. Он впечатлительный ребенок, но не более того. Возможно, игрушка вызвала у него ассоциации с чем-нибудь съестным – с тем, что уже давно не растет на нашей планете. Плоды какие-нибудь. Мы же все привыкли к искусственному белку. А генетическая память помнит еще и натуральные продукты..

...Посреди ночи тихо, чтобы никого не разбудить, перед распахнутыми окнами детской повис небольшой, слабо мерцающий НЛО.

– Борька... – игрушечный пришелец подкрался к кроватке, на которой спал Себастьян. – Я Борька, твой друг... Пойдем со мной. Полетели. На моей планете все уже давно проголодались... Ждут тебя. Полетели...

4. Варианты

...Если бы Господь Бог действительно существовал, Он бы вынимал в последний момент самоубийц из петли, вытаскивал из воды желающих утопиться, а бросающимся из окон подстилал кучу соломы.

Короче говоря, справедливости на земле было бы гораздо больше.

Но Он, сложа руки, равнодушно наблюдает за всем, этот Господь...

...Ирэн тщательно мыла посуду, и ее тошнило от одного лишь этого слова – **тщательно**, и по щекам текли крупные слезы. Ей хотелось перебить все эти чертовы чашки вместе с блюдами и все тарелки впридачу. Временами она не выдерживала и – бац что-нибудь о пол, и от этого вроде легче на душе становилось.

«Сволочи вы все, – восклицала она мысленно, – все вы сволочи.....и брат, и сестра...» Иногда ее прорывало, и на истеричные вопли Ирэн сбегалась вся родня. И никто из них не знал, как успокоить ее, да так, чтобы ненароком не подлить при этом масла в огонь.

– А ведь я много чего могла бы со своей внешностью... – рыдала Ирэн. – Я могла бы выйти замуж за французского миллионера... А вместо этого я только и делаю, что ем, сплю и мою за всеми эту мерзкую посуду!..

– Неправда, – возразила мать и, как всегда, плеснула в огонь маслица: – ты еще умеешь великолепно готовить борщ!

– Пока я готовлю этот ваш вонючий борщ, люди на Луну летают!..

– Ты что, на Луну хочешь слетать? – притворно удивился братец, добавляя в огонь еще ложку масла.

– Да при чем тут вообще Луна?! – окончательно вышла из себя Ирэн.

– Может, ты хочешь знать, что за подарок мы приготовили тебе ко дню рождения? – в кухню вошла сестра. – Вот, смотри, какая красота, как раз то, о чем ты мечтала... – и она показала новенькую никелированную кастрюлю с прозрачной крышкой.

– Нет, вы все надо мной просто издеваетесь!!! – завывала Ирэн и выбежала из кухни вон.

Только к ночи она успокоилась и уснула, свернувшись калачиком.

...Ее разбудил шорох. Он был не то, чтобы каким-то неприятным или пугающим... скорее всего, необычным. Такого шороха ей еще никогда слышать не доводилось. Ирэн приподнялась и увидела на фоне окна чей-то силуэт. Она пригляделась. Это был молодой человек в белом одеянии и с большими перистыми крыльями. Он беззвучно плакал, возя крыльями по подоконнику. Его плечи сотрясались от рыданий.

– Ты кто? – сипло спросила Ирэн.

– Я твой ангел-хранитель, – ответил крылатый. – Но теперь я в этом сомневаюсь... Понимаешь... Тогда, при твоём появлении на свет, я отлучился...

– Покурить вышел? – хмуро съязвила Ирэн. Сон это или явь – она еще не разобрала, но способность язвить не покидала женщину никогда.

– Так уж получилось... – горько вздохнул тот, кто назвался ангелом-хранителем.

...Тридцать лет назад было вовсе не до шуток. Мать Ирэн, молодая и красивая, жизнерадостная, по-детски наивная, перешагнула порог роддома.

– Вы к кому? – неприветливо взглянул на нее врач в приемной. – Вы заранее с кем-нибудь договорились, что будете рожать в этот день?

– Нет, – растерянно ответила женщина, поглаживая свой огромный живот. – А какой сегодня день?

– А то вы не знаете! – злобно съязвил врач (вот кого следовало бы расстрелять в первую очередь). – Канун Нового года, вот какой...

...Ирэн пришлось долго уговаривать, чтобы она не торопилась появляться на этот свет, ибо ее некому было принять и заняться ею. Ирэн тут особо не ждали. Девочка долго барахталась, толкаясь ножками и ручками о стенки маминого нутра. Она все искала выход, так ей не терпелось выйти наружу и глянуть на самых первых в ее жизни сволочей. В результате Ирэн захлебнулась всем, чем только могла, и некоторые клетки в ее головном мозгу уснули навсегда. Плохо соображать от этого Ирэн не стала. Но ведь ничто на свете не происходит без последствий. Ирэн всегда была более инфантильной и раздражительной, чем ее сверстники. Она не могла принимать участие ни в каких соревнованиях. Она не могла даже мечтать надеть когда-нибудь балетную пачку или встать коньками на голубой лед. Она мало что могла решить в своей жизни самостоятельно – например, надо ли ей варить сегодня борщ или надевать ли шерстяную шапочку, выходя из дому. И какой сегодня день.

А день был – тридцатое декабря, день ее не вполне удачного рождения...

И все бы ничего – многие так живут и не задумываются, и не огорчаются... но только не Ирэн. Ее все время мучила мысль: насколько иной могла бы стать ее скучная жизнь, родись она несколько раньше или несколько позже. Если бы жизнь пошла по совсем другой траектории...

... – Я бы с удовольствием столкнула тебя вниз, – сказала Ирэн ангелу-хранителю, – и посмотрела бы, как ты летишь в пропасть, несмотря на свои крылья. На что они тебе даны, спрашивается? Ты меня просто бесишь, как и все остальные!

Ангел в ответ лишь пожал плечами горестно. Сердце Ирэн чуточку смягчилось:

– Но и ты, видать, каким-то уродом получился, раз не умеешь толково исполнять свои обязанности...

Ангел шумно всхлипнул.

– Послушай, – Ирэн вдруг пришла в голову блестящая мысль. – А можешь ли ты сотворить чудо? Ангел все-таки... К примеру, можешь вернуть меня на тридцать

лет назад, в минуту моего рождения?

– А смысл? – глухо сказал ангел. – Что бы ты могла изменить, находясь внутри?

– Н-н-ну... ну тогда верни в прошлое мою наивную мамочку.

– А что бы она могла поделаться? И потом, я за ее поступки не отвечаю. Я же твой ангел-хранитель, а не ее.

– И ты совсем-совсем ничего не можешь? – Ирэн захотелось заплакать.

– Кое-что могу, – раздумчиво сказал ангел. Он спрыгнул с подоконника, движения его стали уверенными, голос – тверже. – Как говорится, и мне, ангелу, *хумани нихил и амэ алиэну*м путо...

– Что-что? – оторопела Ирэн.

– «Ничто человеческое мне не чуждо», – пояснил ангел-хранитель.

Метя концами крыльев по полу, он подошел к постели Ирэн и рывком сорвал с нее простыню. Ирэн от удивления отступила на пару шагов и вдруг неожиданно для себя хихикнула. В поступке ангела было что-то шаловливое, эротическое...

Но ночной крылатый гость принялся отодвигать от стены тяжелый платяной шкаф (несмотря на свое тщедушие, он справился с этим довольно легко). На обнажившемся участке стены ангел ловко прикрепил простыню – относительно белую, если не считать в самом центре ее двух красных пятен от раздавленных комаров. Далее ангел-хранитель вернулся к окну, запустил руку куда-то за окно и выудил оттуда, словно фокусник, старый обшарпанный чемодан. Раскрыл его. Извлек небольшой домашний кинопроектор, установил его на штативе-треножке. Действовал он так сноровисто, будто всю жизнь только этим и занимался.

– Присядь где-нибудь, устраивайся поудобнее, – велел ангел.

– Это зачем? – Ирэн показала сначала на простыню, потом на проектор.

– Я могу показать тебе разные варианты развития твоей жизни, – объяснил ангел. – А ты сравнишь их со своей нынешней.

– Правда? – тихо спросила Ирэн, присаживаясь на голый матрас.

– Вариант первый, – объявил ангел и нажал на какую-то кнопку.

Кинопроектор зажужжал. На простыне возник ярко-белый прямоугольник.

У Ирэн от восторга закружилась голова – она увидела на экране какой-то явно заграничный аэропорт. У выхода переминалась с ноги на ногу коротко стриженная девочка лет тринадцати, в майке с надписью *No Boyfriend No Stress*. Она жевала баблгам. Во всем ее облике угадывалось что-то знакомое.

И вот к ней с радостными воплями подбегает пожилая, но бодрая и моднявая дама в голубом брючном костюме и с коротко стриженными пепельного цвета волосами.

– Наконец-то мы дождались тебя, внучка, – восклицает женщина на итальянском языке и прижимает девочку к груди. Ирэн прекрасно понимает, о чем идет речь, хотя не знает никакого другого языка, кроме русского.

– Но это не моя жизнь, – шепчет Ирэн, неотрывно глядя на экран. – Совсем не моя.

– Это твоя возможная, но неосуществленная жизнь, – спокойно говорит ангел. – Ты ведь мечтала родиться где-нибудь во Франции? Только в этом случае была бы Италия.

На экране пожилая дама с девочкой, похожей на Ирэн, садятся в желтый кабrioлет.

– ...Маню приготовила тебе клубничный пирог со взбитыми сливками, – гово-

рит бабушка. Она ведет машину, поглядывая в зеркало заднего вида на любимую внучку. Та молча кивает.

Дорога вьется между сосен, с правой стороны пролетают нарядные домишки, слева сверкает под ярким солнцем море. На шее бабушки повязан длинный легкий шарф, концы которого красиво полощутся на ветру. Но у тринадцатилетней девочки Ирэн из другого варианта своей жизни – отсутствующий взгляд, словно она видит все это не в первый раз.

– Ты помнишь Маню? Ты ее так в детстве называла, – продолжает бабушка. Внучка молчит, словно воды в рот набрала.

– ...О, Боже, – вырывается у Ирэн, сидящей перед экраном. – Я что, немая?!

– Догадалась? – ангел протягивает руку к проектору. – Прекратить сеанс?

– Нет-нет...

«Кино» продолжается.

– ...А дедушка закончил к твоему приезду великолепный бассейн, выложенный цветной мозаикой. Плавай, сколько хочешь...

Из-за поворота на встречу вылетает красный «Ягуар»...

– ...Все, хватит!!! – Ирэн закрыла глаза и зажала уши.

Ангел повиновался.

– Как видишь, я еще не самый худший ангел-хранитель, – меланхолично сказал он. – Второй вариант посмотрим?

Ирэн неуверенно кивнула.

Зажужжал проектор.

На экране появилась кошка с котятками. Котята еще слепые, жадно сосут материнское молоко. Появляется чумазая девочка лет пяти, приседает на корточки. Протягивает грязную руку, грубо хватая одного из котят за хвостик, с силой отрывает от соска и поднимает в воздух. Котенок пищит, размахивая всеми четырьмя лапками.

– Я – это она? – спросила насупленная Ирэн.

– Не совсем, – ответил ангел. – В этом варианте у тебя хвостик и трехдневный пушок на животе...

– Нет, я не хочу такой жизни! – Ирэн подскочила на матрасе.

– Понял, – ангел нажал какие-то кнопки. – Тогда вариант третий и последний...

– Почему последний? – недовольно кривит губы Ирэн.

– Потому что на любого человека приходится всего три варианта жизни, кроме той, которая у него уже есть. Смотрим?

– Я боюсь...

– Чего? – ангел поворачивается к женщине. – Тебе вряд ли придется проживать все эти жизни. Твоя судьба уже течет по определенному руслу.

...Третий вариант смотрели подольше предыдущих. В нем, казалось, все шло как по маслу: роды у матери Ирэн принял опытный, симпатичный акушер, холостой. Они влюбились друг в друга, сочтались законным браком. И все трое переехали жить в сельскую местность... где вскоре им пришлось пережить тяжелый экономический кризис и остаться без электричества, газа и воды...

– ...Ты просто решил надо мной посмеяться, как и все остальные, – вспыхнула Ирэн. – Ты все это выдумал сам. Признайся, это так?

Ангел-хранитель помолчал несколько секунд, подбирая слова.

– Нет. Это совсем не так. Но доказать что-либо очень сложно. Ты просто

должна мне поверить и все.

– Тогда давай досмотрим до конца первый вариант, – предложила Ирэн. – А вдруг там все закончилось хорошо?

... Бабушка отчаянно выворачивает руль, пытаюсь избежать лобового столкновения. Это ей удается. «Ягуар» промчался мимо, едва не задев кабриолет.

– Мы еще увидимся, козел!!! – прокричала бабушка, показывая вслед «Ягуару» выставленный средний палец.

Кадр сменился.

На краю бассейна, свесив ноги в воду, сидит повзрослевшая лет на десять Ирэн в коротком летнем платье. Она сильно отличается от Ирэн, сидящей в своей комнате. У той Ирэн – высокий рост, стройное тело, прекрасный загар, красивые черные волосы. И лишь глаза – в точности, как у этой Ирэн, светло-серые, похожие на два овальных озера. И еще – от Ирэн, сидящей на краю бассейна, также веяло одиночеством. Поодаль маячили парни в одинаковы черных костюмах, у некоторых в руках было оружие. Из-за кустов вынырнула темнокожая толстушка в белом переднике, поманила шоколадной ладошкой.

Ирэн встала и направилась к дому. Поднялась по мраморной лестнице, вошла в кабинет. За большим письменным столом сидел пожилой седовласый мужчина. Он был явно чем-то встревожен.

– Ирэн, – обратился он к девушке. – Дорогая, ты должна меня выслушать. Ты знаешь, как я тебя люблю.

Ирэн слабо улыбнулась, кивнула.

– Тебе надо уехать. И как можно скорее...

Даже сквозь загар на лице девушки стало видно, как она побледнела. Ирэн опустила в старинное кресло с резными подлокотниками, отрицательно замотала головой.

И в этот самый момент в саду застрекотали автоматные очереди, кто-то закричал.

Седовласый вскочил, рывком потянул на себя ящик стола, выхватил оттуда большой пистолет...

...По простыне зазмеились черные полосы. Из кинопроектора повалил дымок.

– Все, какюк, – озабоченно сказал ангел, хлопоча над аппаратом. – Накрылся ящик...

– И что, я ничего не смогу досмотреть? – разочарованно протянула Ирэн.

– Боюсь, что нет. Аппаратура очень старая, похоже, вышла из строя окончательно... Да и показывать дальше нечего. Время для заглядывания в иные варианты сильно ограничено, видны лишь отрывки, эпизоды...

– Знаешь, я тебе все равно не верю, – губы Ирэн задрожали, она готова была сорваться в истерику.

– Догадываюсь, – спокойно сказал ангел, собирая аппаратуру в обшарпанный чемоданчик.

– Хотя мне нравится тот дом... с бассейном... И тот седой мужчина, кем бы он мне ни приходился, мне тоже очень нравится.

– И тебя не смущает, что он – крупный мафиози, согласившийся сотрудничать с полицией, и за это приговоренный к смерти другими криминальными авторитетами?

– Нет... не смущает.

– Но послушай, – ангел повернулся к Ирэн. – Давай поговорим о жизни, если ты не против, постараюсь тебе кое-что растолковать...

Вот представь, каждая девчушка, едва встав на свои крохотные сладкие ножки, уже мечтает стать балериной. А каждый мальчишка мечтает стать покорителем космоса. Ты только представь, что случилось бы, если бы все их мечты непременно сбылись? На земле жили бы одни космонавты с балеринами! Некому было бы выращивать хлеб, тралить рыбу, варить сталь... Повсюду валялись бы горы грязной посуды...

– Твои примеры – детсадовские, – зло перебила его Ирэн. – Ты меня ни в чем не убедил.

– Ладно, давай по-серьезному, – ангел придвинулся. – Знаешь, трудно делать шаги на постоянно разъезжающихся ногах...

– Я тебя не понимаю.

– Все очень просто. Твоя душа как бы разделена надвое. Одну половинку все вполне устраивает. У тебя какой-никакой, но дом. Есть сносная пища, одежда. Родные и близкие твои живы-здоровы. За окнами никто не стреляет. Это хорошо. Чуть ли не аурэа медиократос – золотая середина...

Но другая половинка души вечно недовольна. Она беспрестанно твердит о какой-то совсем другой жизни, лучшей и более яркой... но о которой ты и понятия не имеешь. Прикажи этой половинке замолчать, иначе ты проживешь свою жизнь истеричной дурой и тебе все время будет казаться, что ты не живешь, а существуешь...

– А что, если я предложу тебе заткнуться и убраться вон? – Ирэн вскочила, сжимая кулаки. – Ты лжец! Бездарный фокусник! И еще – неудачник! И я проживу как-нибудь без тебя. И докажу, что существуют еще и пятый, и шестой варианты жизни... Я стану знаменитой художницей или фотомodelью... А посуду пусть вечно моет другая дура, за спиной у которой стоит такой вот болван с недоразвитыми крылышками!

– Флаг тебе в руки, – коротко ответил ангел, подхватил чемодан, повернулся, перемахнул через подоконник и растворился в ночи.

Ирэн огляделась.

О произошедшем напоминали лишь простыня, прикрепленная к стене, и сдвинутый шкаф. Ирэн долго стояла, уставившись на простыню, словно ожидая продолжения фильма. Затем открыла дверцу шкафа, чтобы достать чистую простыню. Попыталась вернуть шкаф на место. Это ей, естественно, не удалось. Но от толчков распахнулась вторая дверца, и из шкафа выпали два искусственных крыла из склеенных птичьих перьев и три круглые блестящие коробочки с любительскими кинофильмами.

И хотя Ирэн мало что поняла из всего произошедшего ночью, от такой концовки на душе у нее стало легко, как никогда.

ЭЛЬМИРА АЛМАСОВА

«*Меня ждала жизнь...*»

*К 110-летию юбилею соотечественницы,
Умм-эль-Бану Мирза гызы Асадуллаевой
(литературный псевдоним Банин)*

Умм-эль-Бану родилась в Баку, оба ее деда: Муса Нагиев (со стороны матери – Умбиль-Баану) и Шамси Асадуллаев (со стороны отца – Мирзы) были известными в прошлом нефтепромышленниками, и, парадокс, как писала Банин: «Богатство нашей семьи было настолько велико, что в конце концов обернулось ее несчастьем... богатство было потеряно».

Банин, получив в родительском доме образование по европейским стандартам, владела английским, русским, французским языками, а также классическим музыкальным образованием.

Вспомним события прошлых лет, происходившие в Азербайджане, которые писательница-эмигрант описывает в своих романах: «Кавказские дни», написанном в 1945г. и «Парижские дни» – 1947г. Ценностью романов является прежде всего их автобиографичность, где автор выражает сугубо личный взгляд на драматические события семьи Банин и трагедию в судьбе азербайджанского народа в период начала прошлого XX века.

Эти романы написаны Банин на французском языке и переведены на азербайджанский язык Гамлетом Годжаевым, затем они были дважды переведены на русский язык. Впервые эти романы были переведены с французского на русский Ульвиёй Ахундовой (опубликованы в журнале «Литературный Азербайджан»), а позднее на русский язык их перевела Гюльшан Тофиггызы. Таким образом они стали достоянием и русскоязычного читателя.

Зимним днем, в год исторических потрясений 25 января 1905г., когда происходили трагические события между азербайджанцами и армянами, в этой экзотической богатой семье дочь Мусы Нагиева – Умбиль-Баану ушла из жизни – умерла при родах – «*молодой, не насладившись... величайшим даром – молодостью...*» Банин была младшей из четырех сестер: Лейла, Сурайя, Зулейха, Умм-эль-Бану. Мирза (отец), старший сын в семье Асадуллаевых, занимался, в основном, «*семейным бизнесом: нефтяные фирмы на берегах Каспия и Волги, Московские, Варшавские...*», ибо в 1895г. на приобретенном новом участке земли, на котором начал бурить скважину, забил крупный фонтан. В течение 56 дней фонтанировала скважина, ежедневно дававшая свыше 1,5млн. пудов нефти, таким образом эта ситуация вошла в нефтяную историю Баку. Естественно, отец постоянно находился в разъездах, был молод и красив, и решил «*избрать себе «культурную» спутницу жизни*». Воспитанием детей занималась фрейлейн, обучая их немецкому языку. «*Четыре девочки-мусульманки пели религиозные песни христиан, посещая религиозное Общество немецких женщин...*». Однако Банин умела молиться и знала на память небольшую суру из Корана. Новруз байрам и последний день Рамазана были официальными и общенародными праздничными днями, и в их семье эти события проходили весело. В день весеннего равноденствия – 21 марта – начинался Новруз байрам. Они посещали родственников и соседей, поздравляя их. В эти дни столы ломились от яств и разнообразных блюд, замечательных сладостей.

На священный праздник Рамазан все светлое время в дни Поста запрещалось есть и

пить. В последний день резали барашка. *«Посреди двора устанавливали очаг, на котором сперва готовилось жаркое из внутренностей, жирное и восхитительное на вкус...начинался наш бурный праздник...Боже! Какое славное было время!..»*.

Однажды, в одну из служебных поездок, отец маленькой Банин влюбляется в красавицу-осетинку Тамару Датиеву, воспитанную «в европейском духе...» и получившую образование в Париже. С появлением мачехи в доме в семье возникает новый мир. Они стали изучать французский, был приглашен преподаватель из Англии, учить языку Шекспира и этикету. В восприятии Банин, *«Баку – самый красивый город, ...а наша семья – самая достойная и уважаемая, ...но мои представления не сходились со взглядами мачехи. Это меня огорчало»*. Годы своего детства Банин вспоминала, как *«полузабытый сон, услышанную где-то сказку...»*. Во время поездки с отцом на нефтяные промыслы, Биби-Эйбат казался ей пустынным берегом, и был *«утыкан нефтяными вышками»*. Рассказывая про деда Мусу, она отмечала его холодное отношение и неразговорчивость с детьми покойной дочери. Однако он был славен тем, что финансировал постройку великолепного здания мусульманского благотворительного общества «Исмаиллия» (ныне Рукописный фонд им. М.Физули – НАНА) в память об умершем единственном сыне Исмаиле, возвел здание больницы, реального училища, над которым взял шефство и платил за содержание 25 мусульманских детей.

Настает 1917г., когда рухнула Российская империя, а закавказские народы Азербайджана, Грузии, Армении самоопределялись. В этот период в Баку вооруженные люди совершали обыски и мародерство квартир. Семья Банин покидает на полгода Родину, уехав в Энзели, Решт (Иран), и вернувшись вновь в Баку, оказываются в *«своем разграбленном доме...», но беспорядок и разруха не уменьшали нашей радости»*, напишет Банин, ибо политические события в Баку менялись, с установлением Азербайджанской Демократической Республики (АДР) ее отца назначают министром торговли. Размышляя о событиях того периода Банин отмечала, что *«первым серьезным, сильным чувством в моей жизни было одиночество...»*, и то, что впервые увидела она покойника – умер дед Ага Муса Нагиев, которого провожали в последний путь торжественно. С приходом XI Красной Армии устанавливается Советская власть, и семья Банин теряет все свои богатства, на короткий срок арестовывают отца. С освобождением отца из тюрьмы Банин выходит замуж за ненавистного, но влиятельного человека – Балу Годжаева, благодаря которому ее отец был освобожден.

Банин готовилась к отъезду во Францию, она описывает грустно-сентиментальное прощание с близкими людьми, с детством и домом на даче, где семья проводила отдых в летнее время – *«с теми, кто был невидим другим и бесконечно дорог мне. Ведь я никогда уже не вернусь на Кавказ!»... «Побывать в деревенском домике...Старые лозы, окружив меня, приветствовали тихим шелестом...сотни розовых кустов начинали цветение, мягкий песок слегка похрустывал под ногами... Села на краю огромного бассейна, наполненного чистой голубоватой водой...*

– Мы видимся с тобой в последний раз...

...направилась к дому...села за пианино. Хотелось наиграть...веселое, но звуки были фальшивыми и траурными..., прошла на балкон... села в плетенное кресло. Солнце спешило к горизонту, в предзакатном небе лениво хлопали крыльями птицы...

– И ты покидаешь меня? – обреченно и обиженно спрашивал меня дом моего детства.

...все, что было мне так дорого здесь, уходило, уплывало, таяло, исчезало...только теперь поняла, что жизнь состоит не из приобретений, а из потерь: мы каждую минуту что-то теряем – и так до самой смерти. Прощаясь с морем, садом и домом, я получила от них этот напутственный урок...».

Банин, получив загранпаспорт, уезжает без мужа в Турцию, и ей открывается путь к *«порогу своей надежды! Добралась до нее, бежав с Кавказа в Стамбул, обманув ... обещаниями постылого мужа,»* и, покинув Стамбул, едет в Париж. Брак ее с мужем был заключен по законам шариата, *«несмотря на советский режим»*... В Париже она обращалась к юристам для развода с мужем, но ей отвечали: *«французский суд не поможет вам. Вы указали свою национальность – азербайджанка. Это слово знакомо только вашим соплеменникам»*.

... Дело оказалось очень сложным, и оно затянулось на семь лет. *«После всех трудностей я смогла, наконец, обрести полную свободу...»*

«Я в Париже!» Она часто вспоминала годы детства, родные места, где росла в Баку: *«передо мною вдруг возник образ другого бульвара. Того, что лежал вдоль берега Каспия... звуки джаза возвращали меня в Баку. Они были похожи на туземные ритмы... Стоя на балконе, мы любовались морем. Там мне было...Хорошо. А теперь нет...»*.

«Не помню, как оказалась в парке, ловящем слабые лучи заходящего солнца. По узкой тропинке подошла к одинокой скамейке. Села. Стало тяжело от безнадежности. Все осточертело. Неужели смерть – это единственный выход? Нет, я еще к ней не готова. Но что же делать? Ища ответ, подняла глаза к небу, где обитает Господь. Надо мной пролетела какая-то птица. Внезапно стало легко. Легко-легко! В душе затеплился огонек. Пусть слабый, но это был свет надежды. Я поняла истину: до тех пор, пока полет птицы, шелест листьев, морские волны радуют человека, стоит жить. Я молода и многое еще смогу. А не проверить ли мне силы в написании книг, как моя кавказская предшественница Аиса? Ее дух сквозь века навестит меня, станет оберегать, вдохновлять. А может быть, именно дух Аисы навел на такую мысль. Я взбодрилась, поднялась со скамейки. Тоска рассеялась. Значит, смерть не единственный выход из страданий. Меня ждала жизнь. Надо спешить ей навстречу!».

В Париже Банин, не теряя времени, устраивается на работу: то продавщицей, то секретаршей, манекенщицей и, продолжая образование, начинает заниматься переводами, журналистикой, редактирует на радио передачи на французском языке. Постепенно входит в литературные круги Парижа, где в числе ее знакомых и друзей – Бердяев, И.Северянин, И. Бунин, Тэффи, Куприн и многие писатели-эмигранты.

Известность к Банин приходит с написанием многих романов. Свою творческую деятельность она начала с романа «Нами» в 1943г., затем были написаны романы «Встреча с Эрнстом Юнгером» (1951), «Я избрала опиум», «После» (1961), «Иностранная Франция» (1968), «Зов последней надежды» (1971), «Портрет Эрнста Юнгера» (1971), «Эрнст Юнгер в разнообразных лицах» (1989), повесть «Последний поединок Ивана Бунина». Последний роман Банин «Что мне поведала Мария» (1991) появился незадолго до ее смерти. Все романы Банин писала на французском языке.

Необходимо подчеркнуть, что Банин, проживая долгую жизнь во Франции, душой оставалась дочерью своего Отечества. Она была членом парижской ассоциации «Азербайджан эви» и вносила свой вклад в защиту своей Родины в выступлениях СМИ Франции по поводу конфликта в Нагорном Карабахе. Глубоко переживая эти события в Карабахе, отзывалась о них, как о «происках дашнаков».

В трагические для азербайджанского народа дни – 20 января 1990г. – Банин выступила во Франции в газете «Le Monde» со статьей «Нагорный Карабах», где писала «...в то время, как часто говорят об армянах, как «жертвах» Османского империализма, почему-то никто не говорит о тех зверствах, которые армяне учинили в Азербайджане в прошлом...».

29 октября 1992г. газета «Le Figaro» сообщила о смерти Банин – «Первой франкоязычной писательницы-азербайджанки, являющейся национальной славой Азербайджана».
